

К С (ЧУВ)
X 98

8200-к.

ПЕДЕР

ХУЗАНГАЙ



ЗДРАВСТВУЙ,

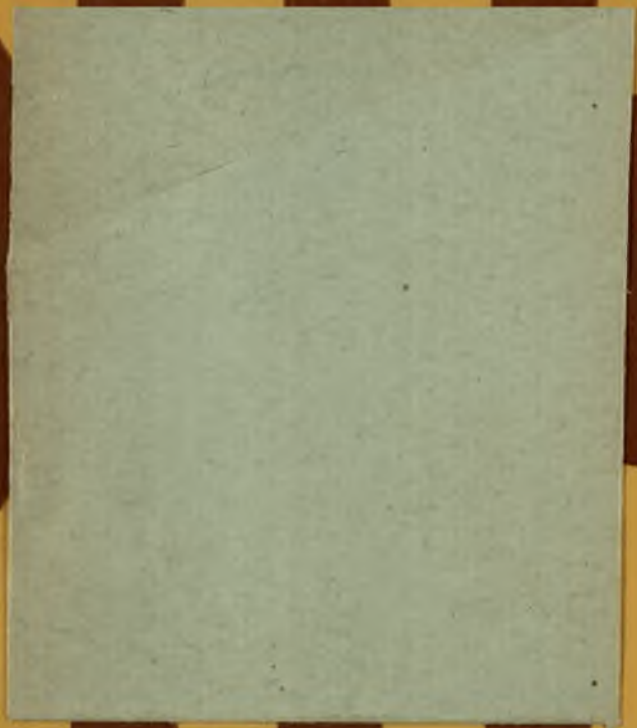
СОЛНЦЕ

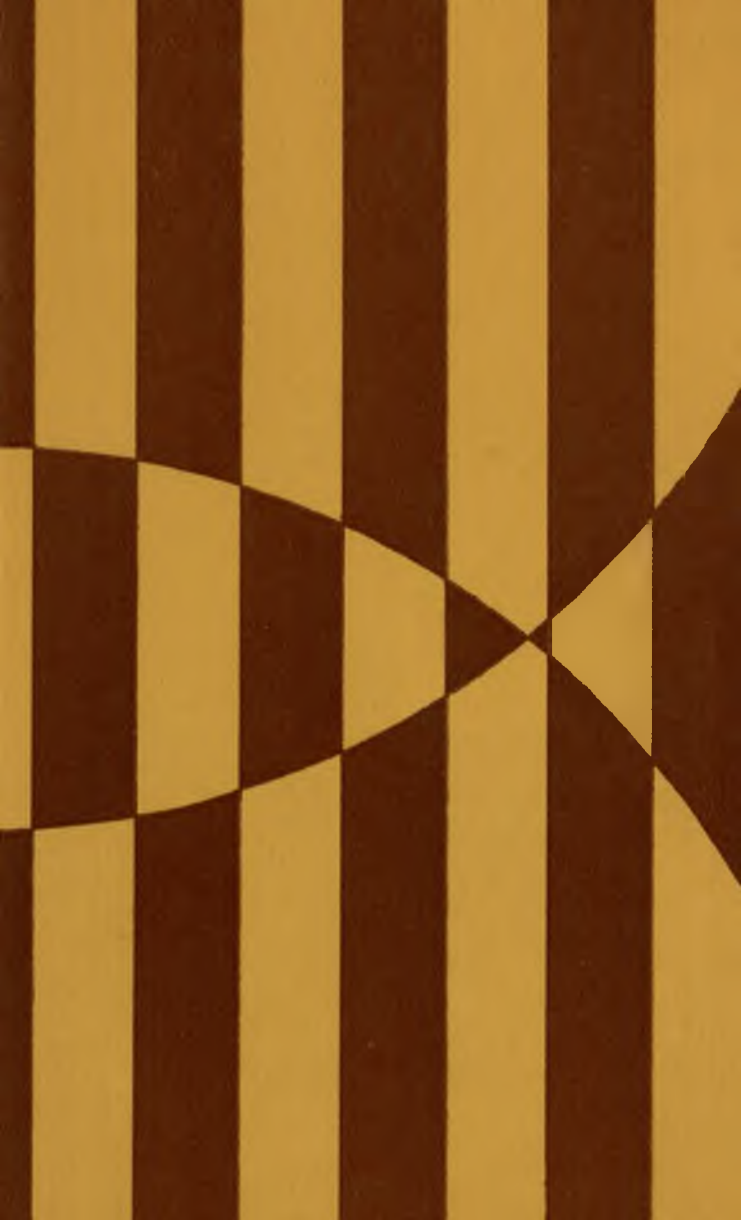


Национальная библиотека ЧР



k-008200







К С (ЧУВ)
Х 98

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

ЗДРАВСТВУЙ, СОЛНЦЕ

Избранные стихи

Перевод с чувашского



Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

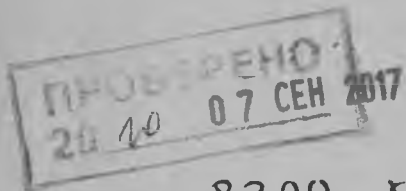
1976

С(Чув)2

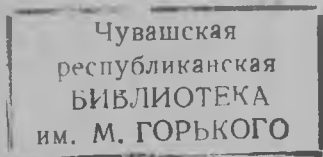
X98

Составление *А. Хузангая*

Вступительная статья *Г. Кузнецовой*



М 8209 - К



Оформление *А. Цветкова*

X 70403-191 122-76
028(01)-76

Непреходящие ценности и поиски нового

Народный поэт Чувашии Педер (Петр Петрович) Хузангай ушел из жизни не так давно — весной 1970 года. Те, кому довелось знать или хотя бы видеть поэта, никогда не забудут его стремительной фигуры, открытого, доверчиво-испытующего взгляда темных глаз. Он любил людей, мир и поэзию. Он принадлежал к поэтическому поколению, рожденному дотоле невиданными социалистическими преобразованиями всего прежнего уклада, впитавшему великие идеалы братства и коммунизма. Можно смело утверждать, что все большие события времени — от Великого Октября до космических полетов — прошли сквозь его сердце и его поэзию. И самой большой любовью поэта была его большая Родина, его родная Чувашия, чарующая музыка загадочной народной речи, стихия народного духа, труд и новь родного края.

Петр Петрович Хузангай родился 22 января 1907 года в селе с поэтическим названием Сиктермэ (сиктерме — прикрепленный к потолку избы шест, к которому подвешена колыбель). Песни матери, поэтический образ которой проходит через многие будущие произведения, говор и песни односельчан были его колыбельной и пожизненной его сокровищницей, из которой всю свою жизнь он

черпал поэзию, черпал самые поэтичные, чистые и точные, редкие и нужные слова. Образцами народного творчества он всегда проверял собственные произведения.

Вот как писал о своих детских впечатлениях сам поэт: «Как многие чуваша, моя мать отлично вышивала шелком и шерстью, вязала кружева, с большим чувством пела изумительные народные песни. Я думаю, что первые понятия о прекрасном, о добром мною получены от матери... она пела не только широко известные песни, но и сама импровизировала применительно к разным событиям из ее жизни. Так, наедине с рукоделием, напевая обрядовую песню, очевидно исполненную ею в день собственной свадьбы, она упоминала поименно и с надлежащим этикетом наиболее почтенных наших родственников и родственниц. А однажды, вышивая ворот моей рубашки, как бы в забытьи, тихо спела о своем первенце — обо мне». Даже за несколько дней до своей кончины она споет болгарским друзьям сына старинную чувашскую песню про Дунай — ее сохранила историческая память народа с тех времен, когда на Волге жили древние болгары.

Крещение в православие, в основном закончившееся еще в восемнадцатом веке, будучи, прежде всего, политической мерой царизма, не оставило глубокого отпечатка в сознании народа, и чуваша продолжали одновременно поклоняться своим языческим богам. Не раз будущий поэт был свидетелем шумных языческих празднеств с жертвоприношениями, с поминовением усопших, с хороводами и играми молодежи. А осенними и зимними вечерами парни и девушки собирались на «уллах» (посиделки), где за рукоделием пели старинные песни, загадывали загадки, рассказывали сказки.

Языческое влияние несет и сама фамилия Хузангай. В поэме «Моя Россия» поэт подробно опишет свой род, ведущий начало от чуваша Кируши, женившегося на русской девушке из Казани, которую по-чувашски зовут

Хузан («гай» — частица, издавна прибавлявшаяся к чувашским именам и означавшая принадлежность).

Между жителями Волжского бассейна уже тогда нередко устанавливались отношения взаимной терпимости и взаимного интереса. «Я помню,— свидетельствует поэт,— как на татарских сабантуях участвовали чуваш и русские. А во время чувашских весенних «уявов» (хороводов с играми) русские девушки охотно надевали платья и головные уборы чувашек, а те, в свою очередь, щеголяли в сарафанах и кокошниках».

Эти поэтичные воспоминания детства отнюдь не снимают тяжелых впечатлений от социальных несправедливостей. Зрелый поэт расскажет об этом в поэмах «Первая осень», «Терлемес в яблонях», в стихотворении «Век» и многих других. В них появятся лучина, светец, темнота и невежество, заговоры против «порчи», страх перед божком Киреметом, якобы подстерегающем прохожего у старого вяза под оврагом, и «божки» в природе — кулаки, поднимающаяся буржуазия. В год, когда родился поэт, писатель демократической ориентации С. С. Кондурашин в рассказе «Наяву» писал: «...По лесам и болотам разбросаны здесь инородческие села: чуваш, черемисы, татары, мордва. Почти все они говорят на своих родных языках; одно село не понимает другое, живут в ужасающей грязи, равнодушны к школе, церкви и ко всему, что за околицей села».

П. Хузангаю суждено было родиться в то время, когда «народ без истории», как называли чувашей, уже выдвинул из своей среды яркую личность — И. Я. Яковлева (1848—1930). Это был выдающийся просветитель чувашского народа, создатель чувашского алфавита и письменности. Его Симбирская чувашская учительская школа, неопределимую помощь которой оказывал отец В. И. Ленина И. Н. Ульянов, к этому времени уже вырастила чувашских интеллигентов, прежде всего педагогов и писателей, с помощью которых в ряде деревень были

организованы начальные школы. Была такая школа и в Сиктерме, и обучала в ней детей Н. Я. Яковлева, ученица и соратница И. Я. Яковлева — позже П. Хузангай посвятит ей стихотворение «Учительница».

Идя в школу, Педер еще не знал русского языка, но уже много трудился на крестьянской полянке. С детства он ездил на лошадях без седла, боронил вспаханную полосу, а в двенадцать лет уже ходил за двухлемешным плугом. «Я прожил в селе до шестнадцати лет безвыездно, выполнял все посильные крестьянские работы. Когда мне было четырнадцать лет, умер отец, и мне приходилось работать уже как главе семьи...»

Первой книгой, которую прочел Педер еще до школы, была первая чувашская книга «Сказки и предания чуваш» (1908). В ней был опубликован и шедевр чувашской поэзии поэма «Нарспи» К. И. Иванова (1890—1915), воспитанника Яковлевской школы. К. И. Иванов и позже М. Сеспель (1899—1922), основоположник советской чувашской поэзии,— эти два писателя, стоящие у истоков чувашской литературы, навсегда остались высочайшими образцами для П. Хузангая. «Как подлинный новатор, реформатор чувашской поэтики, Сеспель оказал огромное воздействие на мое творчество, утвердил меня в моем призвании, в поисках нового». Чтение русских классиков, сначала в переводах Н. Я. Яковлевой, а потом и в оригинале, так же укрепляло «в поисках нового», устремляло мысли и интересы «за околицу села».

По окончании восьмилетней школы П. Хузангай уезжает в Казань учиться в Чувашском педагогическом техникуме. В 1927—1930 годах он учится в Восточном педагогическом институте (тоже в Казани), где слушает лекции профессора Н. А. Ашмарина по истории чувашского языка и сравнительной тюркологии. Его семнадцатитомный «Словарь чувашского языка» стал для Хузангая еще одним примером бескорыстного и беззаветного служения науке во имя всего человечества. Беседуя с пи-

сателями, размышляя о возможностях родного языка, П. Хузангай часто обращался к этому словарю, и думается, что именно здесь таится один из истоков ответного глубокого интереса поэта к русскому языку и к переводческой работе. П. Хузангаем переведены на русский язык все произведения К. Иванова и М. Сеспеля. С русского на чувашский им переведены «Евгений Онегин», «Полтава», «Горе от ума». На родной язык с подстрочника и при сравнении с русским переводом поэт перевел «Ромео и Джульетту», все стихотворения Христо Ботева, отдельные произведения Лермонтова, Шевченко, Бараташвили, Вазова, Исаакяна, Тычины, Рыльского, Вапцарова, Багряны, Ламара и многих других советских и зарубежных поэтов.

И, наконец, самое удивительное в творчестве Хузангая — его самопереводы с чувашского на русский язык. Поэт спокойно относился к упрекам в «двуязычии»: и к тем, кто упрекал его в недостаточном патриотизме («блюстители чистоты той или иной нации», как он их называл), и к тем, кто предлагал отказаться от чувашского языка («залетающие с быстротой ракеты на тысячи лет вперед национал-нигилисты»): ведь перед ним всегда стояли образы И. Я. Яковлева, Н. Ашмарина, М. Сеспеля, воспитавших в нем с юности «поиск нового».

Первые стихи поэта напечатаны в 1924 году, первый сборник его стихотворений («После грозы») увидел свет в Чебоксарах в 1928 году. Тридцатые годы — это годы журналистской и поэтической работы. «Поиск нового» вызывает обостренное восприятие поэтом действительности всей нашей многонациональной Родины: новостроек в любом ее уголке, ее героев любого национального происхождения, ярких литературных явлений, созданных на любом из ее языков. Живое участие в делах и чаяниях родного края всегда находило свое отражение в произведениях П. Хузангая, хотя его всегда волновали и события, происходящие во всем мире. И если мы разорвем

эти переплетающиеся — «внутреннюю» и «всемирную» — линии, мы не получим целостного представления о творчестве поэта.

Первыми серьезными литературными успехами П. Хузангая следует назвать поэмы «Двадцать шесть» (1927) — о 26-ти бакинских комиссарах — и «Магнит-гора» (1932) — о рабочих Магнитогорска. Именно эти произведения, отражавшие события в широком масштабе и написанные в поисках новых форм, оказались интереснее его поэм тех лет о «землеустройстве».

В «Сегодняшней поэме» (1930) П. Хузангай, приветствуя 10-летие Чувашской АССР в составе Федерации, рисует впечатляющие картины взаимного доверия и помощи, братства народов СССР. Он пишет о лезгинце С. Стальском и татарине Тукае, о марийце И. Кырля (как позже о «великом мордвине» Ст. Эрзя) и об украинце П. Тычине, откликается на многие мировые события.

Великая Отечественная война оказала на поэтическую судьбу П. Хузангая самое непосредственное и глубокое влияние. Рядовым солдатом, участником сражений, затем политработником и военным журналистом П. Хузангай прошел путь от Волги до Вислы, где был тяжело ранен, и демобилизован в 1944 году. Боевые заслуги его отмечены орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». На фронте поэт вступил в ряды КПСС.

В стихах о войне П. Хузангай передал пафос сурового времени и справедливого правого дела. Поэма «Таня» (1942), стихотворения «Дикарь», «Алый шарф», «Человек Востока», главы о войне в «Семье Аптраман» и многие другие пережили свое время. Главы из поэмы «Таня» в Чувашии пели как песни, стихи о Сталинграде и Польше написаны с документальной достоверностью.

До войны можно было спорить, не всегда замечать ведущую и определяющую тему творчества Хузангая — тему исторического возрождения чувашского народа.

Теперь, на расстоянии, особенно ясно видно, что судьбы крестьянской Чувашии волновали поэта всегда. В поэзии Хузангая остались жить колоритные образы, запомнившиеся своими сильными характерами, яркой индивидуальностью. Здесь и Матвей Карандай, и «инспектор», по-теперешнему — «народный контролер» Сар-Микень, и знаменитый Эльдиван, и «древний человек» пасечник Яганат.

Чувашские песни, пословицы, поговорки, обычаи, упоминание национальных одежд и украшений, народные названия созвездий и рек, специфические национальные понятия — все это создает неповторимую национальную окраску произведениям Хузангая. Даже в переводе чувствуется, что образность, образ мышления у поэта чувашский. Целый ряд стихотворений — «Дуб над Волгой», «Инча», «Чуваш», «Род», «Родной язык», «Семь ялов», «Смотрю я вновь на землю, где родился...», «Шубашкар», «Были мы, и есть, и будем!», «Мы — россияне», «Портрет моей матери» — это лирическое выражение глубокого сыновнего чувства к земле, породившей поэта и питающей его поэзию своими соками.

Есть в этом чувстве нечто романтически-возвышенное, чудесное, даже сказочное. Всю жизнь П. Хузангай искал тайну возникновения своего народа, собирал по крупице все, что хоть сколько-нибудь касалось Чувашии: исторические документы, исследования русских и иностранных ученых, отзывы путешественников. Его собственные высказывания о родном языке и культуре могут составить интересную книгу. Они дают богатое представление о Чувашии. В одном из героев «Семьи Аптраман» — Германе-Кервене Аптрамане, молодом ученом, замученном фашистами, поэт воплотил свою пока еще не осуществившуюся мечту о таком национальном ученом, который проникает в тайны истории и языка чувашей. Младший брат Германа — Палля, по замыслу автора, представитель нового, технического прогресса.

Вообще же, роман в стихах «Семья Аптраман» — исключительно многоплановое произведение, большое явление современной чувашской литературы и теперь уже ее классика. Именно здесь, как тончайший орнамент, разбросаны народные песни, поговорки, поверья. Именно здесь поэт излил душу в лирических отступлениях о Волге, о чувашской избе и о тухъе¹, о России и русской речи, о ветре и подарках родственникам, о юности и партбилете, о подвиге. Здесь собрал он любимые образы, воплотил любимые замыслы. Но как знаменитые чувашские вышивки ложатся на добротную ткань, так и вся художественная система романа легла на прочную основу большого исторического полотна повествования. Роман «Семья Аптраман» можно смело назвать книгой жизни чувашского народа.

Род Аптраманов уходит в те далекие времена, когда один из них возвращается с царской службы, за которую получил медаль с загадочной надписью «Не нам, не нам, но имени Твоему». Его сын Хведер и жена Хведера Сабани — живые представители следующего поколения Аптраманов. Их сын Илле в годы первой мировой войны побывал в немецком плену, он же брал Перекоп у белогвардейцев. В годы Великой Отечественной войны Илле с односельчанами сдает деньги в Оборонный фонд страны, на которые был построен самолет. Любовь к «советским соколам» была рождена в годы знаменитых чкаловских перелетов. Именно тогда свое село Ярмухаль сельчане переименовали в Чкалов, а многих ребятшек называли Валериями (как осенью 1962 года многих детей станут называть Андриянами в честь знаменитого чуваша-космонавта — и это отметит в цикле стихов П. Хузангай).

На судьбу и двух других детей Илле — сына Эндри и дочери Натали — наложила свой тяжелый отпечаток

¹ Тухъя — девичий головной убор.

война. Образ Натали исключительно женственный и обаятельный: жена погибшего фронтовика, она с радостью ждет рождения сына, продолжателя рода Аптраман. Большие перспективы и у Эндри, воина и хлебороба, чувашского Василия Теркина.

Это сравнение невольно напрашивается при чтении стихов о военных подвигах Эндри. Оно подтверждается и смыслом фамилии: Аптраман — «неунывающий». Чувашский читатель именно так и осмыслил роман — как книгу вообще о чувашском народе, о чувашах.

В романе «Семья Аптраман», этом любимом детище, П. Хузангай синтезировал лучшие достижения, которые накопила чувашская литература со времени выхода первой своей книги. Опыт революционной поэзии М. Сеспеля, опыт поэтов старшего поколения Н. Шелеби, С. Эльгера, Н. Васянка, В. Митта, произведения такого колоритного национального поэта, как Я. Ухсай, поиски многих поэтов и писателей, пришедших в чувашскую литературу после войны, безусловно, оказали влияние на роман и на все творчество Хузангая.

Вершинами творчества поэта являются и его лирические циклы «Песни Тилли», «Вздыбленные волны», «Прощание».

«Песни Тилли» — песни, написанные от имени чувашского народного певца, бывшего солдата царской армии, пасечника, балагура и весельчака, не сломленного никакими испытаниями и потерями. Пронзительно лирична песня «Немятым беленьким платком...». «Сыграть бы мне на скрипке...», напротив, полна ощущения неисчерпаемой, озорной удалы: «Сплясать бы от души мне, да боюсь: // Чуваши вслед за мною ведь запляшут, // Не треснет ли тогда земля, как чаша? // Не станут ли тогда все клясть чувашей?..» Здесь что ни песня — то блестящий образец, близкий народным песням, народной мудрости, народному взгляду на жизнь и назначенье человека.

О чем думает в своих предсмертных стихах поэт? О том, чтоб «построчная плата» не оказывала пагубного влияния на стихи, чтоб на чувашском языке была сделана надпись на его могильной плите, об исключительном трудолюбии родного народа, о грядущем большом поэте, о том, чтоб достойно встретить последний час, о минувшей войне и о грядущем, о мире.

В наследие отчему краю П. Хузангай оставил не только свою лирику, поэмы, сказки, роман, который, перифразируя слова Белинского о «Евгении Онегине», можно назвать энциклопедией чувашской жизни. Как неповторимо творчество, так неповторима и сама личность Петра Петровича Хузангая, большого поэта, переводчика и ученого-лингвиста, видного общественного деятеля и борца за мир и дружбу между народами всех стран и континентов, члена правительства Чувашской АССР и РСФСР, неутомимого организатора Союза писателей Чувашии и вдохновителя многих культурных начинаний в родной республике.

Вышедший некогда «за околицу села», он проделал со своим народом трудный путь «с тропинки на большак»; время показало историческую необходимость и неизбежность направления, взятого чувашским народом, в том числе и лучшим из лучших его сыновей, Педером Хузангаем.

Галина Кузнецова

Я живу в России

*С винтовкой русской боевой
Я был в краях чужих, далеких.
И днем и ночью — в час любой —
Я чувствовал свой долг высокий.
Чем дальше от родных полей,
Тем с большей повторял я силой,
Как голос совести моей,
Как песню: я живу в России!*

*Чужую пыль на сапогах
Трава росистая отерла.
Над победителем врага
Родное небо распростерлось.
Чувашский ласковый язык,
Сказанья наши золотые,
Народной мудрости родник —
Все это сберегла Россия!*

*Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,
И волосы мои не лен,
И сердцем я чуваш и речью.
Но я солдатом русским был,
Так звали все меня народы.
Навек я с детства полюбил
Россию — родину свободы!*

1952

Дуб над Волгой

Старый дуб — наш батюшка.

Чувашская народная песня

*Над Волгою, на берегу крутом,
Я видел дуб с вершиной опаленной:
Знать, не однажды молнию и гром
Встречал старик, как ратник закаленный.*

*Широколиственной, могучей кроной
Еще с любым поспорит он врагом.
Об этом слышен говор оживленный
Сынов-дубков, теснящихся кругом.*

*Не так ли ты, народ мой, врос корнями
В родную землю? Не страшны тебе
В большой семье ни грохот гроз, ни пламя.*

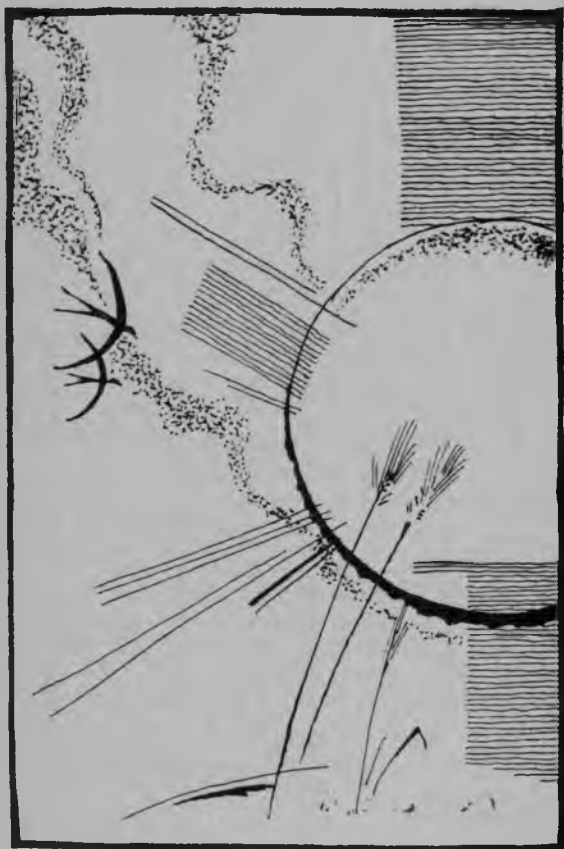
*Во мне — все от тебя: и страсть к борьбе,
И радость, и тревога, и покой...
Дуб-батюшка! Я — желудь твой.*

1953



Стихотворения





* * *

Кольцо с одним глазком жемчужным
Напомнило мне имя той,
С кем были мы когда-то дружны,
И вдаль умчался я мечтой.

Никто, ничто пока не будит
Цветущих яблонь, белых сплошь
Моя судьба какою будет,
Скажи, Большой Небесный Ковш?

1923

М 8200-К

Чувашская
республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. ГОРЬКОГО

* * *

Ласточка легко взмывает ввысь,
Только стрелы крыльев смотрят вниз.
Хоть про день бы знать мне наперед,
Но судьба все позади бредет...

Голубем хотелось бы мне стать,
На резном карнизе ворковать:
Мне страдать тогда бы не пришлось,
Я не проливал бы горьких слез...

Вон звезда погасла, вижу я.
Не скажите: «То звезда твоя!»
На земле моя, не в небесах,
Синий пламень у нее в глазах.

Был бы я, как ласточка, крылат,
Полетел бы я в знакомый сад,
К светлорусой бы влетел на миг,
В сладкий сон красавицы проник.

Я будить бы милую не стал,
С болью в сердце, уходя б, сказал
Ей бы тихо: «Юрадап!» — «Люблю!» —
Пусть она узнает, что терплю.

1924

* * *

В тени ветлы на пойме
Я ликовал душой.
Я солнце, небо, помню,
Объединял с тобой.

На кружевной подол твой
Я голову склонил,
И мой вихор подолгу
В руке твоей гостил.

Ветла чуть-чуть клонилась
Ветвями к роднику,
Из леса доносилось
К нам звонкое «ку-ку!».

Ты радовалась жизни
И заводила песнь.
В своей судьбе, в отчизне
Хвалила все как есть.

Цветы — их в пойме много! —
Нам радовали глаз.
Пастух с пригорка строго
Поглядывал на нас.

Да, понял — это просто! —
Что нам волнует грудь,
Что, потрудившись в досталь,
Приятно отдохнуть!

1924

* * *

Еще вчерашний день был пестрым,
Сегодняшний на диво бел.
Смутилось солнце: чудо просто,
Что мир так чист, так посветлел.

Вчера колдобины да ямы
Могли измучить ездока,
Сегодня сани мчатся прямо,
А я не тороплю конька...

Пока он сам торил дорогу
И приставал то там, то здесь,
В груди созрела понемногу
И вылилась из сердца песнь:

Далёко ль, близко ли — доскачем,
Найдем заветный поворот.
Садись, красавица! Не кляча,
А добрый конь нас повезет.

Чудесно утро! Я в дорогу
Взял ворох сена, ячменя...
Но все равно один продрогну,
А ты замерзнешь без меня.

Смелей, подруга! Прыгай в сани.
Садись поближе: так теплей,
А то ведь мимо с бубенцами
Проскочит конь мой! Ну, смелей!

Ведь ты обидишься, я знаю,
Коль он, мотая головой,
«Счастливо!» словно бы желая
Сказать, умчит по столбовой.

1925

* * *

Румяно, как пиге¹, спустилось солнце,
В рожь перепел юркнул из-за копны.
Без сторожа земля не остается —
Блестит над лесом желтый край луны.

Береза дремлет. Ветерок, чуть вея,
Нашептывает ей слова любви.
Торжественно внушаю сам себе я:
«Мир — это сказка... чувствуй — и живи!»

Вороны, не поладив, грают гневно,
Пугает диким голосом сова,
Но разве можно думать, что враждебно
Нам кто- иль что-нибудь из естества?

Для всех простор благословенный этот,
Все к солнечному тянется огню.
Ты слышишь ли ольхи чуть внятный лепет:
«Ни в чем и никого я не виню!»

1925

¹ П и г е — красавица.

Век

Век, чадивший курным дымоходом,
Отошел, спотыкаясь впотьмах.
Озарились мы новым восходом,
Свет иной загорелся в домах.

Догорела лучина, погасла,
Завалился светец — не сыскать.
И от порчи на щепочке масло
Не сжигает за печкою мать.

Страшен был старый вяз за оврагом:
Говорили, под ним Киремет¹.
А теперь все проходят там шагом,
И никто не бросает монет.

Зори наши ясней и румяней,
На селе даже у пастуха
Вместо бирок — тетрадка в кармане.
И в музей попросилась соха.

Скоро в поле большом спозаранок
Гордо кони стальные заржут.
И впервые залечатся раны,
Что натер нашим клячам хомут.

¹ Киремет — злой дух в чувашской мифологии.

Будет взнуздан и ветер, а воды
По другому руслу потекут.
Человек покорит всю природу,
В мире все переделает труд.

1925

* * *

Перед зорькой светлеет окрест,
Скрыл звезду синей тучки чапан.
Посредине двора мокрый шест
Словно вздел и приподнял туман.

Конопляник густой за селом
Попил вдоволь студенной росы.
Видно, весело в нем нагишом,
Прячась, лазать в такие часы.

Видно, весело, как стригунок,
Головою мотая, бежать.
Да не нам: всем забавам — свой срок...
Но спасибо им нужно сказать.

По межам не обегать мне ял¹,
На плечо не повесить серпа.
Видно, даром отец наставлял,
Зря пою, видно, песню снопа!

1926

¹ Я л — деревня, село.

Чувашская вышивка

За вас, родное мастерство,
Льняное наше полотно,
Я возвышаю голос свой:
Вам пережить века дано!

В душе таить не должен я
То, чем взволнован так сейчас.
Чувашской вышивкой, друзья,
Вы любовались ли хоть раз?

Лишь в Чебоксарах подержал
Рубашку чудную в руке,
Всю ночь я думал и гадал
О вышившей ее пиге.

Как нитки выбрала она —
Шелк яркий, словно позумент!..
И мысль меня лишила сна:
Прекрасному забвенья нет!

Бересту, лыко ли одни
Чуваш знал, вечный труд верша?
О нет! Тоскует искони
По красоте его душа!..

Твержу, родное мастерство,
Льняное наше полотно,
Про вашу дружбу и родство,
А зорька шелком шьет давно.

1926

* * *

Гола осина...
Наполовину
Бедней родных берез уборы.
Придет и дубу
Пора... но любви
Нам и осенние просторы.

Тропа все мглистей...
Бредем по листьям
С вопросом, долго ли еще нам
Шагать по свету...
Но нет ответа —
Все тихо в роще обнаженной.

Природа дело
Свое успела
Свершить в прозрачном перелеске.
Красу и силу
От взоров скрыла,
Чтоб вдруг явить их в новом блеске...

1926

* * *

В те дни, как талая вода
Еще сверкает тут и там,
Всласть ветерки поют всегда,—
Как передать их песню вам?

В сушь, коль не выпадет роса,
Вдруг дудочкой начнет играть
Метелка спелого овса,—
Как эти звуки передать?

Пронзительно вдруг вскрикнет гусь
Осенним утром на пруду,
И обуяет сердце грусть.
О чем? — Я слова не найду.

Морозец. Фырканье коня...
Снег под полозьями хрустит...
О судьбах сущего меня
Берет раздумье на пути.

1926

* * *

В звезду судьбы давно не веря,
Я греюсь собственным огнем.
Какие б ни были потери,
Он светит ночью мне и днем.

На мир гляжу, глаза прищуря:
Мне видится тогда ясней.
Ни соль нужды, ни славы буря
Не сломят правоты моей.

Перед обидчиком не струшу,
Тамгой¹ отметить лоб не дам.
И кривдой не унижу душу,
Покуда жить моим словам.

1926

¹ Тамга — клеймо, знак.

* * *

Мир красочен: синь небо залила,
Белеет лишь лоскут большого облака,
А лес, как в пахоту, зеленый весь;
Светла по половодью нынче Волга...
За мысом где-то Нижний — Чул-хула¹,
И мне знакомого не видно облика.
Хочу я спеть в честь полной жизни песнь.
Душа моя, будь юной долго, долго!

В дни солнечные наши не старей!
Какое бы ни приключилось бедствие:
Не примет друг иль с треском рухнет вдруг
Незыблемой казавшаяся вера.
Что ж, станешь старше, чуточку грустней,
Наивности утратив равновесие...
Поэт, грядущего цветущий луг —
Вот символ веры и событий мера!

Известно: счастье — в поисках его ж.
Обманешься, коль скажешь, что обрел его.
Ведь ничего не будут ожидать

¹ Чу л - х у л а — старинное чувашское название города Горького.

Впредь от тебя, лишь «счастлив я» уверься...
Волнуйся, нива жизни, и тревожь
Своим дыханьем все, что есть в нас доброго,
Душевным силам не давай дремать,
Насквозь пронзи мне грудь, дойди до сердца!

1927

* * *

От души свой край благодарю,
Землякам спасибо говорю.

Много дней лелеял я мечту
Прошагать по старому мосту.

Перешел, любуясь на Инчу,
И босым бежать в луга хочу,

Чтоб роса, покрывшая пырей,
Окропила душу поскорей,

Чтобы все печали прогнала
У ручья знакомая ветла.

Сиктерме родного родники
Лечат, утверждают старики...

Пегий конь, а рядом с ним — гнедой,
Их пиге ведет на водопой.

Иль меня и вправду не узнать?
Или ходит с кем иным гулять?

Звонко, звонко пегий вдруг заржал,
Все мои сомнения прогнал.

Захотелось мчаться на лугу,
Целовать девчонку на скаку.

1927

* * *

Вновь тебя напомнила луна —
Лирики попутчица ночная.
Ты смеешься, радости полна,
Белым жемчугом зубов сияя.

Улыбаешься тебе одной
Солнышком подаренной улыбкой.
Смейся! Лишь в чем клялся взгляд родной,
Пусть не тает вешней льдинкой зыбкой.

Голубая клятва!.. Верю я:
Есть свой колер у любого слова...
Вручена нам чаша бытия
Лишь одна, и я к строке прикован.

Знаю, что подольше век ей дан,
Чем вся жизнь моя, и то провижу,
Что нужней мне, чем любой сурбан ¹,
Чем сите ² любое, станет ближе.

¹ С у р б а н — головной убор замужней чувашки в виде вышитого полотенца.

² С и т е — покрывало.

Ты смеешься, светишься, ясна
И открыта, словно зорька утра.
Лирики попутчица, луна
С образом твоим слилась как будто...

1927

* * *

Взор не опускай передо мною,
Но таи тот жар, что сердцу дан.
Хочется в тебя мне всей душою
Верить, как в могучий талисман.

Чувство затаенное большое
Студит сердце, но питает мысль.
Я готов склониться пред тобою,
Сдержанной и устремленной ввысь.

Твой до срока усмирённый пламень
Будет греть людей далеких стран,
Сладишь ты с ветрами и волнами,
Покоришь заснеженный Монблан...

Самый знаменитый стихотворец
Не найдет тебя достойных слов.
Минет все — и радости и горе,
Но воскреснешь ты в дали веков.

«Ах, мадонна!» — восклицают люди,
Душу Рафаэля ищут в ней.
Если б мог его позвать я в судьбу,
То тебя нашел бы он светлей.

Нету слов запечатлеть твой облик,
Обаянье взора твоего.
«Чаровница!» — был бы общий отклик,
Если б смог я передать его.

Видишься ты мне порой ночью,
Верю я в тебя, как в талисман.
Взор не опускай передо мною,
Но таи тот жар, что сердцу дан.

1927

* * *

Любимый друг мой! В языке моих отцов
Три слова есть простых, мне с детства дорогих.
Когда бы до тебя мог долететь мой зов,
Как нежно я тебе сейчас сказал бы их!

Любовь моя! Души надежда и бальзам!
Прошу, когда сынку подашь впервые грудь,
Тех, памятных мне слов, сказать не позабудь:
«Моя золотая гроздь! — Ман ылтан сүпканам!»

1927

Татарским поэтам

В семь ярусов Сумбекин минарет
Поднялся над Казанкою-рекой.
Поэтам Татарстана мой привет!
Мир отчужденья, темный мир — долой!

В преддверье Азии — в родном краю —
Мы часто враждовали в старину.
И не однажды, на беду свою,
Мы волжскую кровавили волну.

Различья рас, наречий, вер, племен
Меж нами вечно разжигали спор.
В чиновничьих бумагах тех времен
Мы только «инородцы, нечисть, сор...»

Им вторил мурз, князей домашних сброд.
Но у народов общая судьба.
Историк вдумчивый не обойдет
Два слова в книге: «рабство» и «борьба»...

В семь ярусов Сумбекин минарет.
Тускнеет полумесяц. Ярче флаг.
Поэтам Татарстана мой привет!
Мой дом — ваш дом, и я у вас кунак.

Не будем нынче тратить сердца жар
На спор о том, кто древний предок наш:
Хозар ли мы потомки иль болгар,—
В одной семье татарин и чуваш.

Ведь громче всех у нас звучат слова
В любом краю, на языке любом:
Да здравствует Россия и Москва
С родным нам всем недремлющим Кремлем!

1927

* * *

Ял прославленный твой — Кушки,
Ты живешь на Чечень-кас¹.
Дорогая, кто ж наш Пушкин,
Кланяться кому сейчас?

Стих наш — как сырая глина,
Ждет он обжига пока,
Только слово Константина²
Свет свой понесет в века.

Но нельзя жить только старым,
Как там предков ни люби.
Склад иной уже у парня
И девчонки из Сильби.

Нынче ты сама иная:
Шюльгэме-тевэт³ сняла.
Отчего, уж я не знаю,
Стала ты лицом бела.

¹ Чечень-кас — Красивая улица.

² Имеется в виду Константин Иванов — основоположник чувашской поэзии.

³ Шюльгэме-тевэт — женские украшения.

Не кусок холста, а книга
Пред тобою, дочь чуваш,
И не скалка будет прыгать
Под рукой, а карандаш.

Зря тебя зовет купаться
Речка тихая Қанна,
Ведь от книги оторваться
Ты не сможешь дотемна.

Светят окнами избушки,
Что стоят вдоль Чечень-кас.
Дорогая, кто наш Пушкин,
Қланяться кому сейчас?

1928



Лес облетел. Лег первый снег, поля пестря.
Ручей ледком прозрачным скован.
Крут, словно кнут пастуший, ветер ноября,
Но холодно мне от иного.

Не ветер студит кровь, а мысль, что ты вдали.
Мне ясным днем и темной ночью,—
Один ли за столом, друзья ли забрели,—
Не думать о тебе нет мочи.

Одна ты в памяти, одна... Прощен обман
И раны, что ты наносила.
На том пути вперед, что мне судьбою дан,
Души ты укрепляешь силу.

1928

* * *

Узнал я: мне душа-вещун сказала,
Что стала сомневаться ты во мне.
От слез сырой твоя подушка стала,
Растрепана коса, но не во сне.

Порой листаешь книгу, не читая,
Бесцельно смотришь вдаль — там мысль твоя...
Перед тобой открыт я, дорогая,
И сердцем говорю лишь правду я.

Жизнь очень своенравна, но, коль даже
Ее пути с тобой нас разлучат,
Повсюду помни ты, что я все так же
Товарищ твой, и верный друг, и брат.

Поет мне голос твой, не умолкая,
Моей любви, поверь, не страшен срок,
И для меня, как прежде, ты — родная,
Мой душу исцеляющий цветок.

1929

* * *

Достаточно пожив, пройдя немало верст,
И я на всем былом поставлю точку,
Но кто-то запоеет опять «Ажурный мост»¹
Таким же звонким, звонким голосочком.

И загорю я, не выдержу, уйду,
Глаза от всех присутствующих прячу...
Я вспомню этих дней веселых чехарду —
Казань, свои промашки и удачи.

И волосы ее, коснувшиеся вдруг
Моей щеки,— прекрасные, густые...
И жалость и печаль, усилиясь, как недуг,
Застыть заставят, словно в абулии.

Мне вспомнится тогда апрельская капель
И комнатка, похожая на келью...
Экзамен начался... А голос, как свирель,
В дни детства перенес волшебной трелью...

По-детски он звучал, далеко уводя
По темным тропкам, пройденным народом...
Окажется тогда — так много лет спустя!
Что красны эти дни ее приходом.

¹ Популярная чувашская народная песня.

Когда-нибудь, пожив, пройдя немало верст,
Уже порядком охладев душою,
Услышу, как вдали поют «Ажурный мост»,
И вспомню все, и грудь дохнет весною!

А мост тот под ногой не дрогнет, но идешь —
И под его устой ложится сердце.
Оно такое же, как в песне, что поешь,—
Болит, щемит, а никуда не деться!

1930

* * *

В этот миг о тебе мои мысли,
Память звонкий твой голос хранит.
Как Кура под мостами в Тбилиси,
Кровь скитальца пока что кипит.
В этот миг о тебе мои мысли.

Жарко солнце полей Сакартвело.
Лишь любовь горячей... Но — пора!
Позади все, что в сердце звенело:
Горы, стих Руставели, Кура...
Жарко солнце полей Сакартвело.

О грузинки! — вы солнца подобье,
Не оно ли вам дарит красу!
«До свиданья,— сказала,— мшвидоби...»
Голос твой я в душе унесу.
О грузинки! — вы солнца подобье.

Милый друг Кетеван, до свиданья!
Ты в пути, как и я, в этот час.
Коль не свидимся, это посланье
Пусть тебе мою грусть передаст.
Милый друг Кетеван, до свиданья!

1930

Мустафе

(Иывану Кырля)

Играешь татарчонка ты,
Поешь свою марий-муро¹,
Но есть в нас схожие черты —
Путь одинаково суров.

Где только не петлял он, друг,
Пока мне, кинув волжский плес,
Войти как ровня в тесный круг
Собратьев славных довелось...

Был крышею мне небосвод,
А матерью была земля.
Я знаю, как очаг зовет,
И цену хлеба знаю я.

Богему знаю: как пестра
И как пуста; я знаю то,
Как бритва жулика остра,
Пусть сам и не кромсал манто.

¹ М а р и й - м у р о — марийская песня (*марийск.*).

Гей, Революция! Лишь ты
Путевку в жизнь вручила мне.
Тебе — все силы и мечты,
И быть нельзя тебе верней!

Дай руку, Мустафа-Кырля.
Ты показал, какой разбег
Взяла родимая земля
И как могуч наш человек.

1931

* * *

Тополь рассеял пушинки.
Стойкий, томительный зной.
Только вдоль нашей тропинки
Ветер гуляет сквозной.

Сей, освежающий ветер,
В сердце свой мирный посев,
Зреет о жизни на свете
Нынче в нем светлый напев.

...Вьются пушинки седые,
Времени вечен статут.
Милая! Лишь молодые
Годы часов не вернут.

Силою сок виноградный
Славится, перебродив,
Так и в душе благодатный
Сил наступает прилив.

Дух вызревает, как вина
В тесной темнице своей.
Только с годами мужчины
Проникновенней, трезвей...

1933

Коктебель

Лунная ночь. Кара-Даг задремал.
Снится, должно быть, ему Мурат-бей,
Сам себе в сердце вонзивший кинжал,
Чтоб не расстаться с любимой своей.

С милой ушел на вершину джигит.
С гордой Оксаной пришлось позабыть
Суры, в которых пророк не велит
Им, правоверным, гяурок любить.

Оба от веры своей отреклись,
Веря друг другу во всем до конца.
Судьбы возлюбленных тесно сплелись,
Бились единым биением сердца.

«Дочка неверного» и «басурман» —
Так с той поры их честили внизу.
«Бога забыла!» «Забыл он Коран!»
Что им! Они приручили козу,

Скудную дань собирали с земли,
Смелый джигит на охоту ходил.
Но безмятежные дни протекли —
Силы Оксаны недуг подточил.

К небу, тоскуя, воззвал Мурат-бей:
«О всемогущий, коль вправду ты есть,
Что тебе в горечи наших скорбей,
Разве сладка тебе мелкая месть?»

Будь же он проклят, твой злобный закон,
Что навсегда племена разделил!»
В горести вырвал клинок из ножен
И глубоко в свое сердце вонзил...

Лунная ночь. Только море шумит.
Катятся волны к подножью горы.
Спит на вершине с Оксаной джигит:
Не разлучал их никто с той поры...

Белые пары. Сплетение рук,
Смех и воркующий шепот в тени...
Чувства и мысли смешались: а вдруг
Глуп Мурат-бей был и правы они —

Белые пары, что тихо скользят
В лунном сиянье у самой воды,
Может быть, все-таки сердцу нельзя
Воли давать, чтоб не вышло беды?

Лунная ночь. Мирно спит Коктебель.
Кок — это синь, теб — гора, эль — страна...
Милая, ты мне ответь: неужель
Верность моя никому не нужна?

Сеспель в Евпатории

Из памяти вытеснить это
Бессильна ночная усталость...
Рокочет прибой. До рассвета
Немного, должно быть, осталось.

Холодное звездное небо
В окошко глядит равнодушно.
Остыть, позабыться и мне бы,
Но сердце стучит непослушно.

Быть может, поблизости где-то,
Под этим же небом жестоким,
Бродил он без сна до рассвета
Гонимый, больной, одинокий.

Изъеденных легких остатки
Терзал удушающий кашель.
На щеках — глубокие складки,
Пожалуй, покойники — краше...

«Что ж, дни сочтены. Это ясно.
Но все-таки сколько еще я
Обязан томиться напрасно,
Не зная ни сна, ни покоя?»

Где встречу я час мой последний,
Расстанусь с злосчастною долей?
Врагов ядовитые сплетни
Изгнанник развеять не волен.

Не волен в борьбе с клеветою
Он голос поднять, чтоб при жизни
Ему, а не волчьему вою
Гонителей, вяли в отчизне.

Мой край, я любил тебя свято.
Я бился с врагами твоими.
Коль это вина — виноватым
Себя признаю перед ними.

Но чист я душой пред тобою,
Народ мой, извечный страдалец.
Когда ты встречался с бедою,
То болью в груди отдавались

Мольбы и стенанья несчастных,
Надгробные плачи и пенье...
Но муки и горе не властны
Поставить тебя на колени!

Пусть, только лишь выбившись к свету,
Ты с голодом встретился лютым,—
С недолей ты справишься этой,
И светлой дождешься минуты.

Как море, взволнуется нива,
Тугие колосья качая,
И встретишь ты песней счастливой
День радости, день урожая...

Чувашия милая! Видел
Тебя я в степях Украины,
И не было места обиде
На мать в сердце верного сына.

Я знаю, что жил не напрасно,
Коль отдал все силы народу,
Коль только с народом всечасно
И радость делил и невзгоды.

О Волга! Я в волнах прибою,
Что берег без усталы лижут,
Тебя с перекастной волною,
Тебя, полноводную, вижу.

Я вижу залитые светом
Поля, города и селенья.
Чувашия, мнится, что это
Я вижу твое возрожденье.

Что рост твой могучий я вижу,
Грядущие дни прозревая;
Я счастлив: все ближе, все ближе
Расцвет дорогого мне края.

Мне слышатся снова и снова
Над Волгою песни раскаты...
Отчизна, о если б хоть слово
Для гимна взяла у меня ты!..»

.

Открыл я глаза. На востоке
Заря занялась над заливом.
Я речи учителя в строки
Тотчас уложил торопливо,

А после все ждал, не приснится ль
Мне Сеспель еще раз. Но тщетно...
Никто в мою дверь не стучится,
Все тихо во мгле предрассветной.

1934. Евпатория

*Во время
работы над переводом*

Нету сна. Не вновь ли это
Прошрое ко мне пришло
И, чтоб мучить до рассвета,
Явь и сны переплело?

Взор несмелый, звонкий голос,
Скрытный нрав и кроткий дух...
Силою какой свело нас
С той землячкой как-то вдруг?

Иль души народной пламень,
Мук, скитаний череда
Мне за милыми чертами
Смутно виделись тогда?

Ранний снег лег на отаву,
Вьется, кружит у окна.
Липы все еще кудрявы...
Где-то воеет пес. Луна.

«Даль» под лампой и — «Онегин».
Пестрых пятьдесят семь строф¹.
Прав поэт: как все коллеги,
Кажется, и я таков.

1934

¹ В 57 строфе первой главы «Евгения Онегина» содержатся строки:

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.

Коль любишь, я повеселею...

1

Ай-гай, горит восход, горит закат —
Нет милой.

Один! И все, на что ни кину взгляд,
Постыло.

Кому души открою двери?

Кому печаль свою поверю?

Я снял щеколду

И — к хороводу...

Кому печаль свою поверю?

2

Гармоника поет, звенит

На полдеревни,

Песнь ранит грудь мою и жизнь сулит

В тоске мне.

Не позабыть мне голос милый,

Встреч не забыть мне до могилы.

Ой, первой встречи

В летний вечер

Не позабыть мне до могилы!

Мне стать бы птицей, быстрой, легкокрылой,
И залететь бы — пусть погладит! —
в руки к милой!..

Погладишь — я повеселею,
Отвергнешь — я окаменею!

1934

Дороги

Овраги с ие¹ за далекими пашнями,
Поляны, где правят и ныне учук²,
Не я полюбил вас, и сказками страшными
Не я всех детишек пугаю вокруг.

Зимою — метельные, летом вы пыльные,
О наши дороги, всегда с арзюри³,
Не я свое горе вез в степи ковыльные
И песни слагал, уходя в купыри.

По осени — красный, а летом зеленый,
О лес, весь дрожащий, как перья совы,
Не я твоя птица, не я, опьяненный
Дыханьем твоим, тебя славил, увы.

Но облик твой сонный пока постоянно,
О край мой, глухой, но родной все равно,
Мне вспомнился вдруг, как сердечная рана,
Которой зажить никогда не дано.

¹ Ие — злой дух.

² Учук — чувашское языческое моление.

³ Арзюри — леший.

Жестокость да ложь,— не прими за обиду,—
Народ страстотерпец, ты знал испокон.
По правде скажи, на глумленье не выдай,
Я должен ли молвить: «Будь сладок твой сон»?

Не я одеяло твое и подушка,
Пуховой перины не жди от меня.
Целебной крапивой на темной опушке
Ожгу, хоть в мозолях твоя пятерня.

Ожгу, но и сам исстрадаюсь душою:
Мне боль за тебя никогда не избыть.
Не стану хитрить и лукавить с тобою,
Мол, я — твой единственный друг, и — хвалить.

Не я — твоя гордость, не я — твоя слава,
Но мне быть с тобою в пути суждено.
Из сумки твоей по сыновнему праву
Я выкину то, что истлело давно.

Не я — твой петух, но, глаза протирая,
Ты зорьке уже улыбнулся светло.
Так хватит плестись, не спеша запрягая
И трубкой коптя благодушно село!

Не я — разбудивший, но я зареглазым
Проснулся, о родина, вместе с тобой.
Прекрасно грядущее, светел твой разум.
Я счастлив, что жить нам единой судьбой!

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ ТИЛЛИ»¹

*

Что разумеют, говоря «мегель»²?
— Коль хочешь знать, сперва спроси, дружок,
У облаков, кудрявых, точно хмель,
Что ж дождиком не окропят лужок?
Не вышел срок.

«Мегель» — что это, объясни, родной.
— Спроси ты у гусей, чей путь далек,
Что ж над озерной светлою волной
Летят, не отдохнув хотя б часок?
Не вышел срок.

«Мегель» — что ж это все-таки, ответь.
— У яблоньки спроси, какой в том прок,
Что до рассвета не украсит ветвь,
А будет в почке прятаться цветок?
Не вышел срок.

¹ Песни Тилли — это песни юрсты, чувашского народного певца, бывалого солдата, балагура и весельчака. В них звучат народные мотивы, проникнутые лиризмом и юмором. Голос Тилли — это голос чувашского крестьянина, несущего на своих плечах ярмо социальной несправедливости в дореволюционной России.

² Мегель — возможность, пора (для какого либо дела).

«Мегель» — что ж это все же, как узнать?
— Спроси у скрипача, зачем смычок
На струны скрипки медлит опускать —
Стоит, уставясь взором в потолок?
 Не вышел срок.

Но дождь из тучки хлынет на лужок,
Запенят гуси с гоготом поток,
На яблоньке распустится цветок
И на струну опустится смычок,
 Как выйдет срок.

*

Росли мы дружно, чтя свою родню,
Как пять рябинок на одном корню.

Из братьев самый меньший — я, Тилли.
Меня, благословив, так нарекли.

Рожден пригожим, стал я молодцом,
За то меня балуют мать с отцом.

Для стариков есть разум у меня,
Для девушек — глаза полны огня.

Весною я в сорочке родился,
Когда рассвет еще не занялся,

Звезда сверкала сквозь ночную муть,
Косяк гусей держал на север путь.

«Охотничек у вас, не кто иной»,—
Сказала повитуха надо мной.

Меня не стали к ласточкам носить,
Чтоб те меня учили говорить.

Пошел я скоро — месяцев с шести,
Заговорил с родными — с девяти.

Родился я под полною луной,
Когда петух горланил за стеной.

В роду на счастье рода я один
Рожден в сорочке — пятый, младший сын.

Сорочку эту высушила мать,
Чтоб можно было в коробе держать ¹,

И там же песню спрятала свою.
Я песню отыскал и вам пою.

Кораллы или сердолики слов
Для вас я век нанизывать готов.

У ожерелья песен нет конца,
Счастливей всех иных удел певца.

*

Забрезжил свет предутренний в окне.
Проворен гребень старой азанне ²,
Повязывает ловко после сна
Сурбаном белым голову она.

На стеклах окон отсветы огня.
Трещат дрова, доходит до меня

¹ Чувашский народный обычай.

² А з а н н е — бабушка по отцу.

Звук материнских медленных шагов
И запах подрумяненных блинов.

Скрипит калитка. Кто это такой?
Ах, старшая сестра спешит домой.
От хоровода прямо в хлев, видать,—
Корову подоить и в стадо гнать.

Потом невестка открывает клеть
И начинает ведрами греть.
Ее забота — наш пивной котел,
Уже срок варки пива подошел.

Над клетью яркий луч сверкнул в хмелю,
А я лежу себе, как будто сплю.
Невестка на лицо мне ловко вдруг
Передник свой накинула: от мух.

Мне хорошо — так век бы пролежал...
Подросток, вдруг мужчиною я стал.
Мой мир — мой дом, в котором жизнь кипит.
Одна лишь младшая сестренка спит...

*

Мой дед в атласе. На подоле
Кисть пояса, как мак, красна,
И желтой лентой наша доля
Гнедому в гриву вплетена.

Серебряных стремян не тронув,
Вскочил в седло я: ржет гнедой
И прямо через луг зеленый
В Казань несет меня стрелой.

Чем заняты казанцы ныне?
Уздечки медью украшают.
Что делают мои родные?
Хмельное снedyю заедают.

*

Четыре дома — в них по милой,
Из них одна лишь — до могилы.

Какую на небе в скрижали
Со мною рядом записали?

Писали черным — на беду ли,
К веселью желтым ли черкнули?

Иль красным? — это к полнокровью.
Или зеленым? — на здоровье...

Четыре крали на примете,
С какой запрешься в брачной клетки?

Кого любить, чтоб без обмана?
Чью голову покрыть сурбаном?

В тухлях с кораллом все четыре,
И нет их краше в целом мире.

С лесною земляникой спелой
Красою могут спорить смело.

Одну возьмешь — жаль остальных,
Взять всех — законов нет таких!

Одну покрыть бы покрывалом,
Тем, что вторая вышивала,

А третья бы постель постлала,
Четвертая бы разувала...

Но все — огонь, полны гордыни,
Не станет ни одна рабыней.

Та, что с Большой, свежа, как росы.
Во сне мне снятся ее косы.

Та, что на Средней обитает,
Своей улыбкой покоряет.

А та, что с улицы Нагорной,
Пленяет песнею задорной.

А с Нижней улицы девица,
Та лаской в пляске может виться.

Ай-гай! Где свой покой найду я?
На Пюлеха¹ я негодую:

Мою любовь — такое лихо! —
Не разделил на четверых он!

Я просыпаюсь дома на заре.
Белей сурбана рядом мать стоит,
Поет петух горластый во дворе,
Отец в раздумье трубкою дымит.

¹ П ю л е х — верховное языческое божество у чувашей.

Родные, грустно глядя на зарю,
Советуются тихо меж собой,
Кого из сыновей отдать царю,—
Жаль всех, да что поделаешь с судьбой!

У старшего детишки — как отдашь?
Второго б, да сноха уж очень зла...
На среднем дом — «умень... кормилец наш...»
Четвертого б — «молодка понесла...»

«Что делать нам? Меньшого отдадим»,—
Решил отец. И согласилась мать:
«Куда бы ни попал, он все ж — один,
Сам за себя сумеет постоять...»

Тут снова я накрылся с головой.
Чуть плакать не заставила беда.
Зачем петух горланил заревой?
Не просыпаться мне бы никогда!

*

Когда просохнет холмик надо мной,
Любимая, до дна ты ковш хмельной
Над насыпью могильной осуши,
Второй же ковш пролей на прах земной.

Не будет пива — холмик земляной
Полей водой студеною речной,
Росткам дать вволю влаги поспешн,
Чтоб зеленел могильный холм весной.

Коль воду с пивом одолеет зной,
То слез пусть хлынет дождик проливной:
Любя, успокоением души
Обязан быть хочу тебе одной.

Отца с могучим львом сравню:
Растил меня под бородой,
Спознаться не давал с бедой,
Берег и от молвы худой.

А мать с орлицею сравню:
Как станет буря завывать,
Одним крылом спасала мать,
Другим меня ласкала мать.

Я брата с беркутом сравню:
Горой он за меня стоял,
Мне на ноги не наступал,
Поблажку младшему давал.

Ни с кем невестку не сравню:
Как люльки я покинул плен,
Так не сходил с ее колен,
Пошли ей счастье бог взамен.

Сестру я с лебедью сравню:
На свадьбе сам я гнал конька,
Трясься на крышке сундука...
Тилли зовут ее сынка.

А брата младшего сравню
С чирком, юркнувшим в краснотал:
По посиделкам он шнырял,
О том, что слышал, не болтал.

Сестрицу младшую сравню
Я с куропаткою лесной:
Делилась лакомством со мной,
Звала и на девичник свой.

Себя я с ястребом сравню:
Я днем и ночью распевал,
На каждой свадьбе погулял,
Всех девок перецеловал.

*

У кладбища конь мой встал,
Головою замотал.
Рядом шафера гнедой
Громко ржет, бренчит уздой.
С бубенцами тонок, чист
Слился тихий звон монист.
С брички я невесту снял
И тихонько опустил
На колена у могил,
Чтобы род благословил.

— Дорогой мой, славный дед,
Ты совсем недавно, дед,
В горностаевом камзоле
Спел, сплясал и выпил вволю
Там, на свадьбе на чужой.
Отчего ж до свадьбы внука
Не ждала печаль-разлука?
Что ж до времени, до срока
Избу без дверей, без окон
Ты купил себе, родной?

Бабка славная моя,
Бабка добрая моя!
Ты на свадьбе на чужой
Повязала свой сурбан,
Белый, как густой туман.

Там в хушпу¹ из серебра,
Словно солнышка сестра,
Ты сверкала, а ко мне
Не пришла ты, азанне,
В гроб легла ты, азанне.

Дед мой, добрый, славный дед,
Бабка милая моя!
Жил я с вами много лет,
Стал почти что мужем я...
Для чего же в мир иной
Вы ушли от нас четой?
Плача, на могильный холм
Полный ковш я меда лью,
Вас благословить меня,
Голову склоня, молю.

*

Немятым беленьким платком
Любимая была,
Невзятым в руки пояском
Любимая была,
Не знавшим дела пряслицем
Любимая была,
Никем не ношенным кольцом
Любимая была,
Из сердолика бусинкой,
Иголкой не пронзенною,
Любимая была,
Серьгой, в ушко не вдетою,
Любимая была,
Воротничочком шелковым,

¹ Х у ш п у — женское украшение.

Ни разу не застегнутым
Любимая была,
Тухъею непримеренной
Любимая была,
Смычка не знавшей скрипочкой
Любимая была,
Непробованной дудочкой
Любимая была...
Стал черным белый мой платок,
Не мне достался поясок,
А пряслице распалось вдруг,
Колечко распаялось вдруг,
Мой камень-сердолик пропал,
Жемчужинку я потерял,
Воротничочек лопнул мой,
Случилось то же и с тухъей,
Рассохлась скрипочка моя,
Сломалась дудочка моя,
Богаче Пюлеха я был,
Теперь беднее нищих я!

Отец мой не казанским был купцом,
Не в Петербурге материнский дом.
Тилли я! Поп нарек меня — Сергей.
В округе лучше нет певца, ей-ей!

В оглоблях конь мой норовистый
Одолевает путь с натугой,
А в голове сиротской быстро
Сменяют думушки друг друга.

Ай-гай, как будто сквозь решета
Пушинки белые кружатся.
Одни печали да заботы
Сегодня на сердце ложатся.

Вокруг безлюдье, голо, сиро.
Звенит уныло колокольчик.
О переменчивости мира,
Мне кажется, сказать он хочет.

Ай-гай, ухабы жизнь отравят —
Конь много раз в пути застрянет,
А все ж назад никто не правит,
У каждого свой конь и сани.

У каждого свой колокольчик —
Звенит, дразня, путь коротает.
То горько плачет, то хохочет,
Пока навек не умолкает.

*

Ку-ку! Ку-ку! Звучит в лесу.
В ладоши бьет дубок-плясун.
Черемуха — невестою,
Березоньки — подружками,
А клен зеленый — дружкой...

Ку-ку! Ку-ку! Идет Тилли,
Собак своих ведет Тилли.
Борзая — та стрелой летит,
Легавая в кустах трусит,
А лайка — «гав-гав-гав!» — звенит.

Кукушка, правду ты скажи:
Мне сколько лет осталось жить

И сколько зайцев загублю,
Волков я сколько затравлю,
Медведей сколько заколю?

Ку-ку! Ку-ку! Звучит в ответ.
Год. Два. Ох, много, много лет.
Мне это по душе, мой свет.
Хочу глядеть на белый свет,
Его оставить мочи нет!

*

Землю покрывает снег,
Но весною тает снег —
Так и молодость пройдет.

На деревья иней лег.
Глядь, его смел ветерок —
Так и молодость пройдет.

Росы пали на поля,
Солнце сгонит их, паля,—
Так и молодость пройдет.

Я, Тилли, твержу давно:
— Пейте юности вино,
Дважды молодым не быть!

*

Все пой да пой, вы просите меня.
А ведь не настоящий мастер я.
Но коль спою то, что люблю я,
И мастерам не уступлю я.

Коль восемьдесят восемь есть стихов
И девяносто девять к ним ладов,
Но нету времени их слушать,
Не спеть ли те, что греют душу?

Ай, желтый стол у вас и чалый мед!..
А если песнь за сердце не возьмет,
Коль песню не найду такую,
Что скажете, когда уйду я?

Ковши резные подавались мне,
Меды хмельные наливались мне,
От яств стал крепкий стол ломиться.
Пусть все вернется к вам сторицей!

Так будем веселиться мы и петь,
Плясать давайте лихо и шуметь —
Никто два века в мире не жил,
Никто владыкой мира не был!

*

Надеясь, что кораллы есть на дне,
Я чуть не захлебнулся в глубине,
Но не было на дне коралла —
Течение только тину гнало.

Лишь добрым будь, как солнце по весне,
Придет к тебе почет, казалось мне,
Почета нет и не бывало —
Навек нужда ко мне пристала.

*

По лугу ручей, журча, бежит,
Лишь в глубоком омуте кружит.
В сердце тишина теперь, покой,
Лишь от злых наветов грудь щемит.

Дует ветер, дует все сильней,
Листья прочь уносит он с ветвей.
Ветер, волосы мои — не лист,
Лучше горе горькое развей.

Гуси с криком в воздухе снуют —
Иль внизу уж слишком илист пруд?
Ноет сердце и скорбит душа —
Иль меня одни печали ждут?

Сносное сулит ли жизнь житье,
Горести ль в запасе у нее,
Что б ни ждало, песню пой, Тилли —
В песнях утешенне твое!

*

Ай-гай, шумит осенний лес, шумит,
Как будто мало он, кудрявый, рос.
А грудь горит, душа моя грустит,
Я смыл бы грусть-печаль, да нету слез.

Ай-гай, как ветер верховой свистит,
И косо желтый лист с дерев летит.
Не думаю, так будто нет забот,
Подумаю, так голова болит.

Ай-гай, вон облака плывут, взгляни,
Округлые, как серый след костра.
Проходят дни-года, а в памяти они —
Как будто сон, приснившийся вчера.

*

— Тилли, Тилли! — в округе все твердят,
А знают, кто такой Тилли, навряд.
Плясать да бить в ладоши — ай, люли! —
Не значит быть похожим на Тилли.

— Казань, — твердят, — Казань, а мы-де —
глушь...

Да, из Казани мой отец Кируш.
Купцом стать — капитала не хватило,
Сидельцем в лавке — гордость не пустила.

— Майра, майра ¹, — твердят кругом с утра.
Да, мать моя красавица майра.
Умыта молоком цеженным,
Спелената холстом беленым,
В Казани первой, говорят, была...

*

Сыграть бы мне на скрипке, да боюсь:
По струнам огонек не побежит ли,
Натруженный смычок не задымит ли,
Мне бороду огонь не опалит ли?

Мне песню бы запеть, да я боюсь:
Вдруг крылья мой напев не обретет ли,
И крылья те, взлетев, не распахнет ли,
Мне сердце этот взмах не разорвет ли?

Сплясать бы от души мне, да боюсь:
Чуваши вслед за мною ведь запляшут,
Не треснет ли тогда земля, как чаша,
Не станут ли тогда все клясть чувашей?

¹ М а й р а — так чувашки называют русских женщин.

*

Я в лес помчался на лихом коньке
И спрятал грусть свою в березняке:
Коль в голове держать свои печали,
Заговорят ведь как о чуде.

Ходил-бродил у Черемшана я,
Нет даже горсти хмеля у меня,
Хоть я и дожил до преклонных лет,
Мне завещать вам нечего, друзья.

Изменчива, капризна дней река,
Скамейка жизни ох как широка.
Чтоб разгадать загадку бытия,
Жизнь человека, видно, коротка.

*

Коль на пчельник забрели,
То, наверно, невдали
Вы увидите, ребята,
Скоро лысину Тилли.

Что он делает? Играет.
Скрипку петь он заставляет.
Матка, слыша голос скрипки,
Далеко не улетает.

Успокоенный игрой,
Собрался на вязе рой.
Поспеш, Тилли, с лукошком
И ковшом его накрой.

Золотистая пчела
По щеке моей ползла,
А ужалить не решилась —
Жизнь и пчелка берегла...

Ах ты, труженик-малыш,
Ты за взятком, зная, спешишь,
А хозяина-то знаешь:
Слышу, ласково гудишь...

Что же сделает Тилли,
Коли в гости вы пришли?
Крепкий сим¹ Тилли нацедит,
Чтоб отведать вы могли.

Тем хвала, кто сок земной
Превращает в мед хмельной.
Слава, слава изобилью,
Солнцу с щедрою весной!

Гости, пейте на здоровье,
Подношу я вам с любовью.
Пусть и в будущем году
Пир такой же приготовлю!

*

Зашел я в караулку, в сени,
Где у начальников конторы
Просил народ, встав на колени,
Чтоб снизили свои поборы.

¹ С и м — медовый напиток.

А староста со старшиною
Сидят в избе при всех медалях.
Лежат и розги там горою,
И писарь чиркает в скрижалях.

Ай-гай, ни ржи нет, ни пшеницы.
В Макарьеве барыш не взял я,
И золото под половицей
Про черный день не закопал я.

И пол обмел я бороною,
И, обругавши для начала,
Всю спину мне ожгли лозою,
И дума в голову запала:

— Коль есть владыка мира правый,
Что ж слабо у владыки зренье
И что же я, как червь безглавый,
Сношу безропотно глумленье.

*

Не развязать ли мне, ребята,
Такмак¹, в каком я песни спрятал?
Напев таков
У рекрутов,
Что тронул он Тилли-солдата.

Приклад тяжелый, штык твой острый...
Служить царю полжизни просто ль?
Чуваш терпел,
Хоть и кряхтел,
Вот борода и стала пестрой.

¹ Такмак — кожаный мешок, переметная сума.

Мы в море веслами махали,
На горы голые влезали.
Высок Кавказ:
Слеза из глаз —
Так вечные снега сверкали.

В крутых горах, на ровных нивах
Душ сырых больше, чем счастливых.
Един лишь свет,
А судьбы — нет:
У этих блага, те — чуть живы.

Беда что ком, судьба что желоб.
Нрав у небесных сил тяжелый:
Хотят — сомнут,
Хотят — пошлют
Тому — орех, тем — горький желудь.

На час я развязал, ребята,
Такмак, в котором песни прятал.
Напев таков
У рекрутов,
Что тронул он Тилли-солдата.

*

Мои мечтанья с трубочным дымком
Растаяли, свернувшись завитком.
Надежды, потонув на дне ковша,
Заглохли, как зерно в песке сухом.

Не зря в народе присказка живет:
На бога понадейся — сук проткнет.
Поверив человеку, в грех впадешь.
Кому же верить? Вот ведь переплет!

Слуге поверь — останешься без глаза,
Жене — так потеряешь оба разом.
Верь псу: он просит ласки без обмана,
Вот что Тилли подсказывает разум.

Пойдем, Сарбай, безмолвный друг хороший.
Давай с тобой побродим по пороше.
В лесу добудем тетерева, что ли...
У многих, друг мой, жизнь гораздо плоше!

Есть птица у меня ручная,
На волю выпустить мечтаю,
Да вот, когда открою клетку,
Как поведет себя, не знаю.

На чье плечо присядет птица?
Какой он песней насладится?
А если в час печали сядет,
Печаль той песней утолится?

Вот про меня твердили: хват —
Не тонет, не горит солдат,
В беде на миг не оробеет,
И нынче то же говорят.

А вот каков на самом деле?
Не стала борода куделью?
Мы, отхлебнув из чаши жизни,
От магысмы¹ не захмелели?

Пока смысленых песни учат,
Пока не путаюсь в онучах,
Быть может, к праотцам, друзья,
Отправиться мне было б лучше?

¹ Магысма — слабое пиво без хмеля.

Без кашля хорошо б свалиться,
Покуда трубочка дымится,
И, коль по правде, то пока
Язык мой острый шевелится.

Споткнуться может конь здоровый,
Но фыркнет и бежит он снова,
А вот у клячи, что споткнется,
Прочь отлетают все подковы.

Юрсты постигнет неудача —
Встряхнется и споет иначе,
А если кто поет без лада,
Мне вспоминается та кляча.

Погода — ад, дорога — жуть.
Все вехи скрыла вьюги муть,
Своей рябиновою палкой
С трудом нащупываешь путь.

Мечта твоя летит вперед,
А счастье позади бредет.
Коль жребий выпавший обманет,
Никто другой раз не метнет.

Все переменчиво на свете,
Да вот о трех концах все плети.
Добро б один конец задел,
Увы, хлестнуть все разом метят!..

Царь на земле, на небе — бог.
Кто б сильному перечить смог?
Один Тилли поносит власти,
Что гнут людей в бараний рог.

Барышники, гляжу, коней сбывают.
Эх, серые, как шеи выгибают!
Как вспомню свою юность-аргамака,
Так в старом сердце слезы закипают.

Глашатаи в усердии великом,
Чтоб залежь сбыть, вращают шапки с криком.
Ах, молодость, ни за какую цену
Тебя не купишь: ты не мед, не лыко...

Вон мерят ситцы ловкие купчины.
В руках играют желтые аршины.
В любом аршине лишь четыре пяди,
Какой бы наугад ты ни прикинул.

Китаец фокусами завлекает:
Булатный нож при публике глотает.
А я устал от скоморошеств жизни,
И сердце отдохнуть уже мечтает.

Летит косяк гусей над большаком,
В пути непросто править косяком;
Кто выводки беспечные сберег,
В последний раз помчался жожаком.

На белый свет я появился голым,
Уйду в рубахе белой, тих, как голубь.
Тот свет мне, благочинный не сули,
И этим-то я сыт, хоть мучит голод.

*

Ай-гай, не стал бы пить, не стал бы,
Уху к вину варить не стал бы —
С похмелья голова болит,
И больше я дурить не стал бы!

Но что же делать без вина,
Когда лишь только вполпьяна
Я вижу птицу, что весельем
Зовут, и мне поет она?

Тогда я молод и богат,
И тараканы, мнится, клад:
Горят, как золото, они,
И мне тогда сам черт не брат.

«Пей,— говорю себе я,— старый,
Цени работу пивовара,
Вслед за ковшом пой по сявре¹,
Ведь ты рожден юрсты недаром!»

*

Хертсурт, избы хранитель нашей,
Тебе варю я полбяную кашу.
За то, что будет сытной, сладкой,
Огню погаснуть не давай,
А ночью ты не шарь по лавкам,
Мою старуху не замай!

¹ С я в р а — куплет песни, строфа.

*

Из корня вишни трубку сделал я,
Чубук я смастерил из бересклета.
Курил в печали, в радости, друзья,
А жизнь моя прошла — за летом лето.

Из липы ковш узорный резал я,
Над ручкою трудился до рассвета.
Я медом ковш наполнил по края,
А жизнь моя прошла — за летом лето.

Из клена скрипку долго делал я,
Как девушка, прекрасна скрипка эта.
Играл, печаль и радость не тая,
А жизнь моя прошла — за летом лето.

*

Зеркальце имел я небольшое —
Ясное да круглое такое,
Поутру в него смотрелся я,
Вечеру в него гляделся я,
Да и не заметил, мой ровесник:
Все лицо, что рдело, как гранат,
Серые ряды морщин рябят.

Медный гребень с головой коня
Был на ремешочке у меня,
Поутру расчесывался я,
Вечеру причесывался я,
Да и не заметил, мой ровесник:
Надо лбом, где словно рос горох,
Стало голо, словно чистый ток.

Два насеста белых кур имел я,
Тридцать две — и все, как кипень, белы.
Я зубами поднимал до пуда,
Перекусывал витые путы,
Да и не заметил, мой ровесник,
Как мои насесты опустели,
Как с насестов куры те слетели.

Не боялся никогда я сглазу,
Враг мой взгляд не выдержал ни разу,
Погляжу — и дуб зачахнет сразу.
Различал коня я за пять верст,
Днем на небе видел россыпь звезд,
Как умру, зря пропадут глаза.
Даже жаль с такими помирать,
Но кому глаза мне завещать?

*

Секрет бессмертия мне не был дан.
Ни Қиремет, ни Пюлех, ни Харбан¹
На помощь нам прийти, увы, не могут.
Ну, как им мочь, когда они — туман?

Я жертвы приносил, постился я,
Чтоб грош сберечь, я не жалел рубля,
А меж иконой и простой доскою
Различия так и не вижу я.

Я видел солнце, блеск ночных светил,
Богатым был я и с сумой ходил,
Но кто же мне на склоне дней моих
Сомненье это в душу заронил?

¹ Х а р б а н — чувашское языческое божество.

Явился я на белый свет — рахмат¹.
И я оставлю в нем свой след — рахмат.
Но почему, землей полюбовавшись,
Должны отдать мы душу за погляд?

Богаче ли стал мир со мной? Едва ли.
Беднее станет, коль уйду? Едва ли.
Так для чего же рос я, гриб земной?
Чтоб снова в ту же землю закопали?

Кудесники мне жизни не продлят.
Так где же чудеса в подлунном мире?
Ни слово мага, ни волшебный яд
Не смогут сердце старца сделать шире.

Пускай попы пекутся о просфорах,
Мне все равно два века не прожить.
Мулла, перебирая четки споро,
Не свяжет дней оборванную нить.

Возьму-ка лучше скрипку и смычок,
Развею грусть хотя бы на часок.

Седого старца в парня превращу,
А бабушку девкой в танце закручу.

Пусть парни скачут в пляске, как песты,
Пусть щеки девок вспыхнут, как цветы.

Пока я жив, соседushки мои,
Забудьте-ка про бедушки свои.

А то, боюсь, как справлю новоселье,
Совсем заглохнет в Сиктерме веселье...

¹ Р а х м а т — спасибо.

*

У света суть четыре стороны,
На скрипочке четыре же струны.
Вас тоже четверо, мои сыны,
Что мне сказать вам? Что вам завещать?

Наперстком пьешь — и то недостает,
Пьешь братиной — и то в достатке мед.
Что лучше, коль живет в согласье род?
Ну, старший сын, как будешь отвечать?

Что голову в сомнении склонил,
Второй мой сын? Есть два конца у вил,
Но сноп один ты, глядь, на них навил.
Сам вдумайся, как это понимать.

Ты ль, третий сын, подносишь ковш старинный
В смущенье мне? Ты стал уже мужчиной...
Хоть средний палец самый длинный,
Все ж трудно одному, ты должен знать...

А кто поцеловал меня с душой?
Не сын ли несмышленый мой меньшей,
В семействе нашем баловень большой?
На нем пусть будет неба благодать!

*

Когда навек глаза закрою,
Не лейте слез, друзья, родня.
Не плачьте, люди, надо мною,
В сырую землю хороня.

О дети, мы живем лишь раз,
И честь всего одна у нас.
Пусть на нее не сядет пыль —
Пегиль! ¹

Сородичи, единый корень
Взрастил нас — колос, полный зерен.
Путь вековой, мой род, осиль —
Пегиль!

Соседи, дружба грела нас,
Мой голос в памяти у вас.
Запеть заставили не вы ль?
Пегиль!

О земляки, по всем приметам
Мы только гости в мире этом.
Не в миг поймешь, где сон, где был —
Пегиль!

Земля родная, не томи,
Ты жизнь дала, ты и возьми,
Прими меня под свой ковыль —
Пегиль!

*

Для гроба дуб я распилил на доски,
Чтобы живым не доставлять забот.
Пазы и щели залил желтым воском:
Весной вода вовнутрь не попадет.

И каждый день с тех пор зимой и летом
Смотрю я на приют предвечный свой.
Хочу проститься раньше с белым светом,
Чем сам он распрощается со мной.

¹ Пегиль — благословение.

Родился я, сжав пальцы в кулаки,
Как будто говоря: «Мой этот свет».
Умру, так обе разожму руки —
В моих горстях богатств не будет, нет.

Пятак в могилу бросьте, как ведется,
Чтоб под землей мог свет увидеть я.
Пусть у могилы песня раздается,
Пусть с плясками расходятся друзья.



Природа — я все больше в это верю —
Смеется над тобою, человек.
Единый раз лишь распахнутся двери
И, хлопнув, закрываются навек.

Откуда мы являемся? Кто знает!
Куда идем, покинув белый свет?
В песках сыпучих ветер замедает,
С земли дожди смывают легкий след...

А сколько разнонаправных, разнолицых
Протопало по тем путям людей!
И все же я на вспаханной земле
Хочу оставить след своих лаптей.

«Тилли загадку загадал нам, что ли?» —
Могли б спросить ровесники-друзья.
Что лапти! Я хотел бы, чтоб на воле
Осталась песнь любимая моя!

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
 Я прошу утешиться, кто плачет.
 Есть у жизни гаснувшей наследник,
 Не пустеет белый свет наш, значит.
 Меркнет взор. Пришел мой час последний.

Я прошу утешиться, кто плачет.
 Соль от слез испортит даром зренье.
 Мы ведь рядом с теми, кто судачит
 О кончине нашей, о рожденье...
 Я прошу утешиться, кто плачет.

Есть у жизни гаснувшей наследник,
 И к чете всегда приходит нечет.
 Всех грачей весною спрячет ельник,
 А в отлет полнеба крылья мечет.
 Есть у жизни гаснувшей наследник.

Не пустеет белый свет наш, значит.
 Вон меня и внуки окружают.
 Жаль бездетных: ведь у них иначе —
 Им глаза чужие закрывают...
 Не пустеет белый свет наш, значит.

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
 Разом все сбываются мечтанья.
 Что искал — обрел; желанья — бредни:
 В горсть земли вмещаются желанья.
 Меркнет взор, пришел мой час последний.

Неприступный Ленинград

Сурова невская волна,
Свинцом блестит вода.
Не будет пленницей она —
Ничью! Никогда!

Дворцы, музеи, и сады,
И бронзу, и гранит
Народ, как кровные труды,
Навеки сохранит.

Проспекты, улицы, мосты —
Все родине под стать:
На всем российской широты
И вольности печать.

С железного броневика
Простертая вперед
Вождя знакомая рука
К победе нас ведет.

Великой совестью страны,
Не бронзовый — живой,
В багровом зареве войны
Встал Ленин над землей...

Сурова невяская волна,
Свинцом блестит вода.
Не будет пленницей она —
Ничью! Никогда!

1941, июль, Ленинград

* * *

Думы мои, думы...

Т. Шевченко

Дума моя, дума,
Ты сплелась с тоскою,
А пока угрюма,
Сердцу нет покою.

Волга моя, Волга,
В памяти всегда ты,
Песнь слагал я долго,
Чтобы приняла ты.

Песня моя, песня,
Без тебя нет жизни.
Разум, дух мой — весь я
В песне для отчины.

Дождик льет холодный,
Ветер больно хлещет...
Дрожь в ночи походной
Только песня лечит.

Сухо выстрел треснет,
Схватка прямо в топи...
Неразлучна песня
С сердцем и в окопе.

Друг мой, смерть солдату
Знать не даст заранее —
В лес иль прямо в хату
Придет на свиданье.

Что бы ни случилось,
Друг, поверь, не струшу!
Краю, где я вырос,
Клятвы не нарушу.

1942

* * *

Навстречу падающим звездам
Летят светящиеся пули.
Под августовским небосводом
Друзья мои навек уснули...

Я древнее поверье вспомнил:
Звездой отмечен жизни жребий.
И в детстве было так легко мне
Кричать: «Моя звезда на небе!»

А ныне молча провожаю
Звезду, ныряющую в пропасть,
И поневоле обнажаю
Я голову в сыром окопе...

Ребята, воины простые,
Едва был начат путь их жизни,
Сыны суровых лет России,
Все отдали они отчизне.

Прекрасна молодость — прекрасней
Мне песни не сложить. Но если
В ночи звезда моя погаснет,
Я мир с одной покину песней:

Пусть звезды падают... Нет краше
Звезды земной, пятиконечной.
И кровью чистою всех павших
Алеть и пламенеть ей вечно!

1942

Журавли

Мы залегли в бурьяне и в пыли.
Замолкла к ночи канонада.
И только пролетают журавли,
Курлыча грустно, к Сталинграду.

Расстроенный гортанный голос птиц,
Нет-нет и затрубит вожак их.
Летят они вдоль Млечного Пути
Туда, за море, в край свой жаркий...

О журавли! Далеко, далеко ваш путь...
Пусть мне под утро — снова к бою,
Но не забудьте вас: вам негде отдохнуть
От выжженных войною.

Рокочет то самолет вдали.
Рокочет и Знаком по звуку.
Вы можете спокойно, журавли,
Лететь под , даю поруку.

До скорого , аня, журавли,
Лететь вам до о-далече!
Весною на по , юей земли
Нас иная буд , встреча.

Пока же — равнодушный Млечный Путь
И звезд холодных мириады,
Тоска, что до утра не даст уснуть,
И зарево над Сталинградом...

1942

Разведчик

Против ветра неся рысью конь гнедой.
Горячил гнедого парень молодой.

Мокрый снег, летя навстречу без конца,
Белой звездочкой отметил жеребца.

Всадник наземь соскочил у блиндажа.
Словно вкопанный, стоит гнедой, дрожа.

Белой звездочкой на лбу слежался снег.
Приласкал коня гнедого человек.

С морды снег смахнула теплая ладонь,
И приветливо заржал усталый конь.

У сосны стоит на привязи гнедой.
Вот в блиндаж спустился парень молодой.

Наклонился, чтоб попить, к ведру с водой.
Шапку снял и вдруг увидел: он седой.

И подумал: «Отряхнул'я снег с коня...
Отряхнет ли кто вот этот снег с меня?»

* * *

Мы неделю сна не знаем,
Мы не брились век, поди,—
Мы врагу перерезаем
К отступлению пути.

О черешни Украины!
В беспощадный страшный час
Вас на части рвали мины,
Бомбы падали на вас.

Всю листву поразбросало,
В сукровице и в пыли
Ягод желтые кораллы
На спаленный дерн легли.

Вишня розовая рядом
Приглашает: «На! Сорви!»
Но, сраженная снарядом,
Мертвой падает в крови.

В улей врезался осколок,
И семьей бездомной всей
Зажужжали грозно пчелы,
Негодую на людей.

Люди здесь, как пчелы эти,
Под ударами невзгод
Все мытарятся на свете
Вот уже который год.

Что врагу судьба людская!
Палачом он над тобой;
Оставляет, отступая,
Лишь пожары за собой.

Он мечтает — кат проклятый,
Ненасытный «властелин» —
Все сровнять с землею хаты,
И амбар наш, и овин.

Мсть пришла! Узнай, собака,
Горький вкус земли чужой!..
Враг упал, но дымный факел
Держит мертвою рукой.

1944

* * *

Может, месяц, может, больше
Не снимали мы сапог,
Гоним мы фашиста к Польше —
Без путей и без дорог.

Сквозь огонь — вперед, к победе!..
На двухверстку поглядишь:
Сколько там еще трагедий
Спрятала лесная тишь?

Радостью делиться с другом
Хочется в победный час —
Польша там лежит, за Бугом,
Польша ожидает нас!..

Или это только снится?
Сколько мы в боях прошли!
Государственной границы
Мы черту пересекли.

Пыль июльская кружится
Вместе с дымом день-деньской,
Вечером туман ложится
Над несчастною землей.

Мгла тяжелая нависла,
Артиллерия гудит...
Вот уж перед нами Висла,
А за Вислой враг укрыт.

Ярких вспышек полыханье...
И на каждого бойца
Враг в предсмертном содроганье
Тратит чуть не пуд свинца.

Только мы всегда на страже,
Нас не остановит враг.
Трудно нам — мы «Волга» скажем,
И — увереннее шаг!

Сомкнутым железным строем
Сквозь огонь и дым идем,
После боя, перед боем
О родной реке поем.

И под грохот канонады,
Мнится, нам издалека
Светит славой Сталинграда
Наша гордая река.

Павло Тычине

В секстинах стремительных, в строгих терцинах
Доходит Ваш голос до нас.
Мы чувствуем локоть поэта Тычины,
И песней звучит нам приказ.

Пылают сады, от музеев — руины...
Но, что бы ни видел мой глаз,
Бессмертна в единой семье Украина
И вечен в ней песен запас.

Пусть гарью и кровью заря запеклась,
«Твой пепел стучит в мое сердце, Клаас!» —
То голос Ваш гневный, призывный.
И мать, кем был вскормлен великий Тарас,
Почуяла в Ваших словах в скорбный час
Объятия верного сына.

1944

Адам Мицкевич

Пусть ваши кандалы расплавит гневный стих
Слезами жгучими окровавленной Польши.

А. Мицкевич. «Русским друзьям»

За Бугом Западным, на польском берегу,
Вошли в деревню мы, в деревню без домов...
Одну картину я навеки сберегу,
Хотя рисунок мой едва ли будет нов:

Поляк — старик седой, ограблен, сир и вдов,
Стоит среди золы и смотрит на реку,
Туда, откуда вдруг на долгодневный зов
Пришел свободы друг, друг мира к старику.

Все сожжено дотла. Но чудом сохранен
Мицкевича портрет. И мнится, видит он,
Как я, взволнованный, молчать не в силах больше.

Прими привет бойца, великий мой собрат!
Твой гневный стих встает солдатом с нами в ряд
Во имя завтрашней, навек счастливой Польши.

1944

Освободитель

Когда на сельское кладбище
Порой заводит бой,
Тревожный взгляд невольно ищет
Могилу под звездой.

Неважно, кто он — мусульманин,
Католик иль буддист:
За мир народов был он ранен
И умер, сердцем чист.

Под расщепленную черешней,
Среди крестов и плит,
Такой нездешний он и здешний —
Земной навеки — спит.

Звезду из медной гильзы мне бы
Над миром так поднять,
Чтоб ярче всех созвездий неба
Могла она сиять!

1944

* * *

Чу! Гуси-дикари на юг летят!
Мне вспомнилось, как пел земляк-солдат...

«Ки-кик! — я диким говорю вослед,—
На Волгу отнесите мой привет.

Прекрасная, сверкает, как стекло...
Пусть примет она странников тепло.

На юге, на чужом вам берегу,
Вы тоже песней лечите тоску...

Приветлив край наш, гуси, добрый путь!
Там вам дадут спокойно отдохнуть».

1944, Польша

*ИЗ ЦИКЛА
«ПИСЬМА ИЗ ГОСПИТАЛЯ»*

*

За окном палаты —
Золотая осень.
Знаю, не ждала ты,
Не гадала вовсе.

Не гадал и сам я
Там, в жестокой сече,
Что вот этой самой
Пулей буду встречен.

Думал — не отлита
И не отольется...
Вздогнула ракета,
Почернело солнце.

Красною росой
Окропились травы...
Я ль над силой злою
Суд творить не вправе?

*

Обетов никаких
Тебе я не даю.
В тревоге каждый стих
За чистоту твою.

На свете люди есть,
Особый род ханжей:
Блюдут чужую честь,
Лишенные своей.

Молва нас не щадит,
Завистлива, дика.
О, если б сделать щит
Из верного стиха!

*

Дожди, дожди... Лежи и жди!
Как будто кто-то малой дозой
Больной земле дает глюкозу —
И день и ночь... Дожди, дожди...

•

Теперь в сосновый бы уют,
К черновикам, сверчку и кошке.
И чтоб узоры на окошке,
И песню слушать бы твою.

Но вижу я, закрыв глаза,
Грязь, хлябь, размытые траншеи;
Пурга, и тает снег на шее,
И не по времени гроза...

И там друзья мои идут
Вперед упрямо, стиснув зубы;
Небриты щеки, пальцы грубы...
Благословен их тяжкий труд!

Они, они — никто иной —
Сквозь ад и гром, сквозь смерть и тленье
Несут отраду исцеленья
И мне, и всей земле больной.

Твой портрет всегда, везде со мной
В офицерской сумке полевой.

Степи, горы, реки, переправы...
Ты обстреляна не меньше, право.
Нынче я в больничной тишине
Говорю с тобой наедине.

В час, когда роятся звезды в парке
И в палатном бледном полумраке

Отзвенит курантов дальний бой,
Я держу тебя перед собой.

И ты видишь, как старушка няня
Дремлет чутко, сидя на диване.
И ты слышишь, как вблизи сквозь сон
Прорывается невольный стон.

Мне тогда ты кажешься, не скрою,
Самою заботливой сестрою.

*

Госпитальный Харитоша,
Твой конверт передавая,
Говорит мне: «Все от той же...»
Будто может быть другая!

«И какой хороший почерк!» —
Добавляет он лукаво.
Хоть графолог он не очень,
Но ему я верю, право.

Он, кто носит скорбь и радость
С явной гордостью мальчишки,
Он, наверное, по взгляду
Знает, кто кому что пишет.

Мы прощаемся. На память
Мне приходит поневоле,
Что невинными устами
Только истина глаголет.

*

Синее небо. Солнце выше.
Спокоен гордый кипарис.
Что видишь ты в окно, что слышишь?
Где бродишь сердцем? Отзовись!
Тебя не помнить я не в силе:
То юной Зоей под Москвой,
То Ярославною в Путивле
Встает твой образ предо мной.

*

Война вошла мне в кровь и плоть,
Ее не вытравишь с годами.
Пусть сердце превратится в камень —
Осколка не перемолоть.
Но вдохновение, любовь,
Бессмертье песни — все отдам я,
Чтоб только не услышать вновь
Мужского страшного рыдания.

*

О нас еще не сложена былина,—
Нас много. И у каждого бойца
Была мечта — добраться до Берлина
И довести победу до конца.

И вот она вошла под флагом нашим.
Не минет кары тот, чей бог — война.
Живущим слава! Трижды слава павшим!
Навеки их священны имена.

На веки вечные покрыта славой
Мужавшая в огне и бурях Русь,
Сплотившая великую державу —
Народов вольных клятвенный Союз.

1944—1945

Женщине

В бою, в походе, на привале.
У партизанского костра —
Всегда тебя мы вспоминали,
Подруга, мать, жена, сестра!

И если в роте иль отряде
Была одна — ее очам,
Ее волос волнистой пряди
Слагали песни по ночам.

И если приходили письма —
Солдат был к канонаде глух:
С какой тоской читали их мы
И перечитывали вслух!

Слова сердечные, простые,
Любя, волнуясь и скорбя,
Нам говорили о России,
А в ней — мы видели тебя.

Тебя, жена, сестра, подруга,
Тебя, тоскующая мать!
И заклинали мы друг друга,
Идя на смерть, не умирать.

И вот мы снова рядом в жизни.
Где край такой, мне назови?
Звенеть весне, цвести отчизне
В труде, и мире, и любви.

1945

Николаю Тихонову

Я с теми был, чье имя — ст а л и н г р а д ц ы.
Я был звеном в той сомкнутой цепи,
Которой вышла доля — насмерть драться —
И победить в заснеженной степи.

Мела метель, свистя над головами,
Все замерзало — хлеб, консервы, щи...
Газета принесла нам: «Киров с нами» —
Из города, зажатого в клещи.

Окопы стали вдруг теплей и краше
От Вашего, дошедшего к нам в срок,
Стоического мужества, от Ваших
Железной поступью прошедших строк.

Все — русские, узбеки и чувашаи,
Грузины и татары — вновь и вновь
Почувствовали мы к России нашей
Безмерную сыновнюю любовь.

А Ваш правдивый стих под гром снарядов,
В цепи солдатской, не боясь преград,
На Волгу шел, на помощь Сталинграду,
Чтоб на Неве воспрянул Ленинград.

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ»

Ты,— пред тобой не скрою я,—
Песнь лебединая моя.

Но лебедь, чуя смерть, поет,
Твоя же песня жить зовет.

Полет паденьем не зови:
Нет грешного в такой любви!

Ей, как мечте, преграды нет.
Она чиста, как утра свет.
Так пой же, распахнув крыла,
Чтоб песня к солнцу подняла!

*

Вечно б в гости мне к тебе ходить
Иль тебе моею гостьей быть.
На земле нам краткий век отпущен,
Так пускай же он не будет скупен.

Лучше груз тоски смертельной несть,
Чем тебе стать в тягость, надоесть.
Лунный свет не каждой ночью льется,
И не каждый день смеется солнце...
Если промелькнешь ты, как комета,
Поклонюсь судьбе я и за это,
Думаю без горечи, без злости:
Вечно б нам ходить друг к другу в гости.

*

Распахнут свадебный кафтан,
Как лед — росинка серебро.
Ты медленно склоняешь стан,
На коромысло вздев ведро.

Халатика трепещет край —
На пуговицы не застегнуть...
— О Пюлех, мне терпенье дай,
Дай силы, милосерден будь!

Твой голосок, вспугнувший тишь,
Холодный поглотил туман.
С упреком в небо ты глядишь,
Распахнут свадебный кафтан...

*

Терзает душу твою ревность,
Грудь взволновалась — не унять.
Чья успокоит сердце верность?
Кто станет за тебя кричать? ¹

¹ Древний обычай, соблюдая который, помогают роженице криком.

В постели жаркой ты под утро
Сидишь подолгу без огня,
Кого-то слушаешь как будто...
Услышь, узнай в себе меня!

*

Мой Черный лебедь, светлый гений,
Где крылья легкие твои?
Кинь хоть перо в поток весенний —
Ко мне снесут его струи,
Мой Черный лебедь, светлый гений.

Где крылья легкие твои?
Я в одиночестве тоскую,
Мне слышен шелест взмахов их
И ясным днем, и в ночь глухую.
Где крылья легкие твои?

Кинь хоть перо в поток весенний,
Оно меня отыщет пусть,
Чтоб в сердце радости волненье
Разлуки заменило грусть.
Кинь хоть перо в поток весенний!

Ко мне снесут его струи.
Как песня родины, мне силу
Вернут опять слова твои.
Пошли перо, мой лебедь милый,
Ко мне снесут его струи.

Мой Черный лебедь, светлый гений,
Журчат хрустальные ключи,
И днем и ночью нет забвенья...
На зов откликнись, не молчи,
Мой Черный лебедь, светлый гений!

*

В коричневом знакомом платье,
Распахнутом, откроешь дверь.
Узнаешь вмиг, но без объятия
Ты скажешь: «Не ждала... теперь...»

Посмотришь хмуро, исподлобья
И сделаешь ко мне шажок,
Мой взгляд, проникнутый любовью,
Поймешь... «Молчок, мой друг, молчок!»

И осветит лицо улыбка,
И тихо скажешь: «Слушай, вот...» —
Мою ладонь движеньем гибким
Кладя на круглый свой живот.

*

Вдали грустит мой Черный лебедь,
А чем утешу я его?
Пусть торопливых строчек лепет
Всю нежность сердца моего
Ему откроет, как объятие...
Рад имя милое назвать я.

Глаза смыкаю поздней ночью
И просыпаюсь поутру
С тоской в груди: нет больше мочи
Пылать, как факел на ветру.
Одно лишь утешенье мне ведь —
Вдали грустит мой Черный лебедь.

*

В тревоге за свои мечты
Ты медь и сталь петь заставляла.
Кидала сверху пальцы ты,
Как будто клавиши клевала.

И, покорясь, дрожал рояль,
Ум обижал, чужое счастье
И чуждую открыв печаль,
Но сердце... Кто над сердцем властен?

Переплела ты пальцы вдруг
И, успокоясь, с хрустом сжала.
Тогда-то понял я, мой друг,
Что ждет тебя...

*

Мой Черный лебедь далеко,
Но крылья надо мной легко
Снижаются, парят... Их ласки
Несмелы, кротки по-чувашски...
С родимым пятнышком щека,
Смех звонче плеска родника...
Когда я верующим был бы,
У бога одного просил бы:
Дать по волнам всех лет и зим
Плыть вместе с Лебедем моим.

*

Нет вечного горя! — не плачь.
Забудь поскорее печали.
Ах, как бы мне строки сопрячь,
Чтоб вечно тебя прославляли!

Вода есть, что слез тяжелей...
Пусть скопят хоть целое море.
Не сладят с любовью моей
И светлой, и вечной, как зори.

Знай, самый могучий днесь тот,
Кто где-то по травке впервые,
Шатаясь, отважно идет,
Ножонки расставив босые...

Последнее слово не скорбь,
Верь, скажет земле, а любовь!

1945

Серенада

Смотри, как хорошеет Волга,
Открой окно, открой окно.
Впусти хоть песню ненадолго,
Хоть на минуту — все равно,
Открой окно!

Ты видишь, как спокойны воды,
Какая всюду тишина.
А в сердце кружит непогода,
Уймешь ее лишь ты одна,
Лишь ты одна.

Плывет луна и, обольщая,
Ныряет русой головой.
В душе моей тоска большая:
Хочу я вечно быть с тобой,
С тобой одной.

Природа нас благословляет.
Открой окно, открой окно.
Тебе я песню оставляю,
А песне — сердце вручено.
Открой окно!

1945

Раковина

(из «Латвийских стихов»)

Раковину звонкую, витую
Друг мне подарил на берегу.
Море вспоминая зачастую,
Я подарок друга берегу.

Если вдруг по морю затоскую
Здесь, в родной чувашской стороне,
Раковину я возьму морскую,
И оно приблизится ко мне.

Прижимая раковину к уху,
Слышу нарастающий прибой.
Пенные валы рокочут глухо,
Закипая в бездне голубой.

Слышу я шипенье пены зыбкой,
Вольной чайки приглушенный крик.
Голос друга и его улыбка
Оживают в памяти на миг.

Может быть, и он в часы досуга
Раковину звонкую берет,
Ропот моря, дальний голос друга
Пожелав услышать в свой черед.

Раковину к уху он приложит
И, ловя мой отдаленный зов,
Чутким сердцем ощутит, быть может,
Трепет недописанных стихов.

1947

ИЗ ЦИКЛА «СИКТЕРМЕ»

Инча

Обогнув лужок колечком,
В плавнях ласково журча,
За селом струится речка —
Наша светлая Инча.
Сквозь ольшаник еле-еле
Проберешься к ней весной:
Вихри вьются каруселью,
И черемухи метелью
Осыпают цвет густой.
Под черемуховой веткой
Я сложил немало строк...
Кто ж назвал тебя так метко,
Жемчуг, светлый наш поток?
Говорят, что Питтабаем¹
Наречены так твои
Серебристые струи.

¹ Питтабай — легендарный глава чувашского рода.

Правда ль это, я не знаю,
Но на свете, ей-же-ей,
Не найти реки милей.

Может быть, другой чувашин
Эти воды отличил,
Жемчуг, Жемчуг — речка наша,
Жемчуг — светлые ключи!
Кто, скажи нам, в добрый час
Так назвал тебя, Инча?

Кто назвал — того уж нету,
Он, конечно, был поэтом,
А скорей всего — была,
Та, что речку назвала.
Не бродила ль тут, мечтая,
Дочь того же Питтабая?

Целый мир, Инча, вместила
Ты в названии своем!
Но не только близкий, милый
Мир, в котором мы живем.
Нет, еще другой, привольный,
Хоть он вечно наг и сир,
Нас Инчи родимой волны
Заставляют вспомнить мир:
Берега лагун далеких
С шалашами рыбаков,
Россыпь звезд в грядях высоких
И прозрачных облаков,
И жемчужно-белой пеной
Окаймленные валы...
Мир отваги неизменной,
Мир, где люди — как орлы.

Только все ж, Инча родная,
Лучше всех земля простая,
Та, где ты несешь свои
Серебристые струи.
Лейся ж, лейся вдаль, журча,
Наша светлая Инча!

1948

От зари до зари

1

Когда краса и гордость дома —
Петух наш — трижды пропоет,
Я подхожу к окну двойному,
Смотрю спросонок на восход.

Зарею желто-розоватой
Подернут неба узкий край.
В степи алеет снег по скату.
И вдруг, как будто невзначай,

Сковородою раскаленной
Всплывает солнца красный диск.
На стеклах, словно золоченых,
Цветы нездешние зажглись.
Морозно. Дом простыл к рассвету.
Я выхожу: топить пора.
По завещанию поэта
Дрова колю среди двора¹.

Поленья мерзлы, суковаты,
Удар — и отскочил топор.
Но бьешь да бьешь по ним, пока ты
Не кончишь этот долгий спор.

¹ Поэт М. Сеспель писал: «Пусть поэт дрова поколет».

Вот так и с первою строкою:
Не те слова, не тот накал,
И рифмы врозь... Но нет покоя,
Пока на след ты не попал.

Готовит завтрак мать-старуха,
Блины гречишные шипят.
Зимою в стужу-завируху
От них теплее, говорят.

Вот заскрипели половицы:
Мать чай несет. Клубится пар.
И важный, словно сват, садится
В конфорке-шапке самовар.

Но я о прозе забываю,
Сев за рабочий стол к окну,
И вновь тетрадку открываю,
В окно уставясь — на сосну.

2

Сосна шумит. Сугроб за нею
Напомнил чем-то мне Казбек.
А вон, замерзшая, синее
Инча — светлейшая из рек.

Я не сравнил бы с морем целым
Теперь одной ее струи:
На берегу, под снегом белым,
Там детские следы мои.

Там, засучив штаны, бродила
Моя недоля сиротой
И старым решетом ловила
Рыбешку мелкую весной.

Какое все же это счастье,
Когда колючий первый ерш
Заплещется в нехитрой снасти!
На всю окрестность заорешь.

А летом, в жаркую погоду,
Мы в день купались раз по семь.
Чуб высох — значит, снова в воду,
Ныряй по омутам по всем!

Обвеян дальними ветрами,
Пропитан солью трех морей,
Смотрю на речку в зимней раме
И знаю: нет ее милей!

На берегу все те же ивы,
А дальше — ферма за рекой;
К ней, вижу, на коне ретивом
Подъехал бригадир рысцей.

Там симментальские телята,
Бараны-мериносы там.
Все стало явью, что когда-то
Показывали в книжках нам.

Там, над Инчой моей жемчужной,
Стоит высокий светлый дом:
То штаб артели нашей дружной,—
Недавно побывал я в нем.

Там в раме Иванов мечтает,
О лучшем думы затая;
В другой узнал портрет Тукая,
Татарского поэта я.

Ровесники, друзья по духу,
Они — с народом, что навек
Похоронил соху-старуху
И корень нищенства подсек.

3

Шумит сосна. Я поработал.
Петух не зря пропел зарю.
Пусть нелегка моя забота —
Всегда я правду говорю.

По правде ж — здесь еще не праздник:
Колхоз наш не миллионер,
Соломой ветер с крыши дразнит,
И вид села довольно сер.

Не все мы носим драп, па многих —
Домашнего сукна кафтан.
Еще не в фетр обуты ноги
И кочедык в музей не сдан.

Но под соломенную крышей
Уже иных событий ход.
В названьях улиц даже слышно,
Как новь великая растет.

Вот, например, я жил на Задней,
И в детстве думал часто я:
«Ужели будет неприглядной
Вся жизнь, как улица моя?»

А нынче, подойдя под вечер
К селу родному — не гадал! —
На крайнем доме, на дощечке,
Я имя «Пушкин» прочитал.

Гляжу — столбы под снежной пеной,
Распелся ветер в проводах;
Стоят над крышами антенны,
Потемок предвещая крах.

Теперь, я знаю, в доме каждом
В тиши чувашских сел стучат
Сердца родных моих сограждан
Со всей советской жизнью в лад.

Свои усилия умножая
Без шума и без лишних слов,
Здесь люди знают: урожай —
Удар по проишкам врагов.

Они не ждут указов сверху,
А поклялись — не хуже всех
Заштопать каждую прореху
И каждый запахать огрех.

Я видел их: вчерашний воин,
Парторг сегодня, в тишине,
Как над двухверсткой перед боем,
Сидел над книгой при огне.

И схему севооборота
Готовит председатель наш.
С артелью, как, бывало, с ротой,
Он совершит победный марш.

Они прошли, солдаты наши,
Европу вдоль и поперек:
Румынские заплаты-пашни,
Немецкий серый супесок,

Австрийские луга, долины
Болгарских роз, венгерский лес —
Все памятно бойцам доньше,
Но лучше нет родимых мест.

Шумит сосна. Уже над нею
 Зажглася Ужина Звезда¹.
 Окно синей, в избе темнее...
 Подтопку топим, как всегда.

В золе печем «картошку в шубе»,
 Пospела — словно бы мячом
 Играя, обжигая губы,
 Едим ее мы с варенцом.

Все так же в полумраке синем
 Мигает свет — «цыплячий глаз».
 Все так же пахнет керосином
 По вечерам в избе у нас.

Но уж коптилки стали редки,
 Есть свет другой верстах в пяти;
 По воле нашей пятилетки
 Не сможет нас он обойти.

За огоньком неяркой лампы
 Я вижу нового черты.
 Пишу — и воплощают ямбы
 Мои заветные мечты...

Шумит сосна... Крепчает ветер.
 Знать, до утра не жди добра.
 Зарядкой будет на рассвете
 Уборка снега со двора.

¹ Звезда Ужина — Сириус.

Завьюжило кругом... Вздыхает,
В ладонь покашливая, мать.
А боль в ноге напоминает
О Сталинграде мне опять.

Но вот на огонек заходит
Сосед мой, гвардии солдат.
Привет. Два слова о погоде.
Я оживаю, гостю рад.

О маршах говорим, о фронте,
Но не затем, чтоб вновь там быть,
А чтобы в грозное «Не троньте!»
По праву голос наш включить.

Пусть воин покалечен в танке,
Пусть тих и скромн он на вид,
Но ворс его простой ушанки
След от звезды еще хранит!

А речь идет уж о плотине,
О стройке ГЭС — в счастливый час,—
О свекле сахарной, о дыне,
О многом, что волнует нас...

6

Бывает, что хранитель древний
Преданий и легенд ко мне
Заходит на чаек вечерний
Потолковать о старине.

Какой родник живого слова!
Бесценна каждая струя.
И жадно впитываю снова
И снова все до капли я.

Когда сказитель седовласый
Смолкает, новый гость опять:
«Поэт, школяр восьмого класса,
Приносит мне свою тетрадь».

Я вслух стихи его читаю.
Он, шейным вязаным платком
Как будто снег с лица стирая,
Бормочет: — Лучше вы потом...

Тогда мы, по слогам хорей
Да ямбы меря, шутим так:
Пока огонь горит, скорее
Разжечь бы новый нам очаг!

Мы о чувашских полугласных,
Об удареньях говорим...
И представляется мне ясно:
Я — мост от старых к молодым.

Пусть годы-волны бьют о сваи,
Расшатывая их,— вперед
И прямо, юность боевая,
Бесстрашный, дерзкий вездеход!

Столбы — поэмы, а доскою —
Мой каждый стих, и вот настил.
Его не варом, не смолою,
А кровью сердца я полил.

Там, впереди, счастливый берег,
Там радуга цветов живых.
Дерзайте! Будете, я верю,
Там молоды навеки вы.

И там звенеть чувашской речи.
Я вижу — берег недалек.
Плечо к плечу! Держитесь крепче.
Раздайся, дружный топот ног!

Шагайте по мосту, потомки,—
Его я выстроил для вас,
И песни счастья пойте громко,
Мой голос вспомнив в добрый час!

7

Сосна шумит в ночи глубокой.
Не спится. Кровь стучит в висках.
Я вижу город мой далекий
И ту, что всюду мне близка.

В воображенье нахожу я
Слова всех прочих слов нежней,—
Слова, которых не скажу я,
Быть может, никогда при ней.

И я зову: вперед и выше!
Пусть ветер лют и крут подъем,—
Твой каждый вздох в пути я слышу,
Идти нам до конца вдвоем.

Вперед и выше! Коль погаснуть,
Так самой яркою звездой!
Чтоб ослепительный и ясный
Зажегся свет от нас с тобой...

Пора! День новый недалеко!
Сосна уснула. Жар потух.
Вновь свет зари встает с востока,
Вновь на дворе поет петух.

1948

Учительница

Н. Я. Яковлевой

Ни ветер, ни мороз, ни вьюга
Не помешают видеть друга,—
Как в дальнем детстве на урок,
Я захожу к ней на часок.

Не так велик уж дней остаток —
Идет к концу восьмой десяток,
Из них на школьные дела
Она полвека отдала.

Ей мой приход — как светлый праздник...
О, сколько проживает разных
Ее «детей» в стране родной!
И... грустновато ей одной.

Зима долга. А снег валит как!..
Все ждет — не стукнет ли калитка
И не войдет ли почтальон.
Какая радость — это он!

Пять писем сразу — просто чудо!
Посмотрим, от кого, откуда
Ей шлют привет ученики...
Скорей, скорей найти очки!

В письме нетрудно разобраться:
Знаком, примерно, лет уж двадцать
Ей почерк — он такой, как был,
Наклон лишь малость изменил...

Почуяв крылья за спиною,
Бросаем мы гнездо родное,
Летаем по другим местам...
И что односельчане нам!

Но нас с любовью ожидают
И так приветливо встречают,
Когда приедем погостить!..
Как их забыть, как их забыть!

Ко мне так радостно прильнула
Учительница, чуть всплакнула
Разок и лишь потом смогла
Расспрашивать про все дела.

Лишь назвала меня — тотчас же,—
Как бы не уезжал я даже,—
Я с ней на «вы», она на «ты»...
Воскресли детские мечты.

И самовар сверкает медью,
И стол уставлен разной снедью,
И снова прошлое со мной,
И повторился день былой.

Сквозь даль годов я четко вижу:
Зимою... нет, к весне поближе,
В лаптях промокших мы сидим;
А класс не тоplen, все дрожим.

Но «Бежин луг» встает далекий
(Тургенев нынче на уроке)...
Она сама перевела
И нам взволнованно прочла.

И Короленко нам дотоле
Был незнаком,— в холодной школе
Его далекие «Огни»
Манили, грели нас в те дни.

А то казалось мне, бывало,
Тухъя Нарспи вдруг засверкала...
Нарспи! И ты была не прочь
Сидеть с ребятами всю ночь.

Твои далекие потомки,
Мы декламировали громко.
Учительница тонко нас
Вводила в мир певучих фраз.

И репетиции бывали:
С руками в муфте, в серой шали,
В такт строчкам, молча, нам порой
Она кивала головой.

Порою повторяла фразу
В другой тональности — и сразу
Ясней мы видели, о чем
Хотел сказать поэт стихом...

Тянули жребий мы порою —
Кому из нас сыграть героя?
Сетнера и Нарспи любя,
Мы узнавали в них себя.

Учительница понемногу
Нас выводила на дорогу.
А музы первые плоды?
И в них, и в них ее труды!

Потом, когда мы повзрослели,
Всё так же с нею мы сидели;
Она, наш друг, в сомненья час
Любовно вдохновляла нас.

И я хочу сказать ей нежно:
«За всю любовь, за труд прилежный,
Поверьте искренним словам:
Спасибо вам! Спасибо вам!»

Я видел далеко в разлуке
Заботливые ваши руки;
Мы стали старше, но не раз
Тепло мы вспоминали вас.

Любимы вы семьей немалой:
Врачи, артисты, генералы,
Поэты... Всех не перечесть.
И вам за все — хвала и честь!

От всех передаю привет вам,
Пусть ваша старость будет светлой!
Недаром ваши дни прошли —
Посевы пышные взошли.

1948

В поле

Как лист неначатый, бело
Лежит под снегом наше поле.
А вот его пересекло
Ну... многосточиями, что ли...

Тут цензор с рыжим был хвостом.
Не убережь такому шубы...
Вот там он крался за кустом,
На след зайчишки скаля зубы.

А тот, ловча, на свой же след
Напес другой и третий снова,
Как будто труженик-поэт
Искал единственное слово.

Вон там, где степь, как стол, ровна,
Щитки — как ломаные спички
Иль искаженные спьяна
Редакторские галки-птички.

Вдали пустой маячит ток,
А вон амбар битком набитый.
Как зерен в нем, так мне бы — строк.
Какой я стал бы знаменитый!

А вон, в полуверсте от них,
Застыл вагончик трактористов,
Как позабытый всеми стих
Кого-то из конструктивистов.

Лишь Улыпов курган вдали
Бесстрашно борется с веками...
О, если бы вот так могли
Стихи мои остаться с вами!

1948

Кот

У старой матери моей
Бюро погоды — кот мурлыка.
Скребет — жди снега иль дождей,
А повалялся — сушь накликал.

Терпел бы я — куда ни шло —
Кота, лишь дал бы знать мне с печки,
Что — холодок или тепло —
У милой нынче на сердечке.

1948

Метель

С воробьиною головку
Хлопья сыпались кругом,
А под вечер ветер ловко
Прихватил их холодком.

Как медведь мохнатый, белый,
Туча к нам подобралась.
Закружило, завертело —
Мигом вьюга поднялась.

Вновь метель! Но не ворчи ты:
Лишь глаза на миг сомкну,
Вижу я в тухье расшитой
Ясноглазую весну.

Кто там легкими шагами
Ходит-бродит по двору,
Кто, стуча в окошко, с нами
Начал хитрую игру?

Вот легко взбежал, пушистый,
По ступенькам на крыльцо,
И на двери, как монисто,
Тихо звякнуло кольцо.

На стрехе шуршит солома,
А в избе — тепло, уют.
Хорошо сидится дома,
Если вьюги запоют.

И для сказок-неотвязок
Лучше нет поры в году
Той, когда зима с салазок
Дует в сиплую дуду.

Мать кудель прядет, молитвы
Что ни час творя за тех,
Кто в пути с дорожных рытвин
Нынче сбился, как на грех.

«Господи,— твердит, вздыхая,—
Помоги ты им дойти...»
Если б знала ты, родная,
Что твой сын всегда в пути,

Что обязан быть готовым,—
В зной ли, в холод,— день и ночь
В той дороге теплым словом
Он уставшему помочь;

Если б знала, что с годами
Путь для сына все трудней:
Чем щедрей горим, тем сами
Остываем мы сильней...

Как медведь мохнатый, белый,
Туча к нам подобралась.
Закружило, завертело —
Мигом вьюга поднялась.

Все ж зима шумит напрасно.
Вьюга нынче не страшна:
К нам идет в тухье прекрасной
Ясноглазая весна.

1948

У проруби

У проруби лежит колода
В наплывах синих ледяных,
Ледок уже подернул воду,
Весенний ветер пьян и лих.

И вдруг красавица нагая
Наядой встала у воды...
Откуда здесь взялась такая?
Но есть приметы и следы:

Листочек банный на лопатке,
От бани виден след в снежку.
Вот облилась и без оглядки
Обратно к жаркому полку.

Ледок опять подернул воду,
А ветер мартовский притих.
У проруби одна колода
В наплывах синих ледяных...

1948

Здравствуй, солнце!

Мелькают звездочки снежинок,
Садятся тихо на стекло.
Но вот, как мотыльков с былинки,
Их дальше ветром понесло.

В извечный путь свой вышло солнце
Опять за тучей снеговой.
Не вспыхнул на моем оконце
Веселый отблеск заревой

А стан бабочек докучных
Все кружатся, в глазах рябя...
Не скрою, солнышко, мне скучно,
Когда так долго нет тебя!

Пора тебе явиться к нам бы,
А ты так скупо даришь свет.
Войди! Чистосердечным ямбом
Тебя приветствует поэт.

1948

Маме

Полно, мама, взгляда не лови,
Не вздыхай за прялкой поминутно.
Сына в дальний путь благослови —
Ветерок с Инчи подул попутный.

Не забыть мне наш уютный дом,
Наш очаг, душе навеки милый,
Где за старым липовым столом
Молоком парным ты нас поила.

Полно, мама, нежностью своей
Крыльев мне не спутывай, родная,
За глухими створками дверей
Мир меня широкий ожидает.

Не стели мне мягкую постель,
В честь меня не надевай сурбана.
Белым снегом зимняя метель
Голову твою покрыла рано.

Не теперь, давным-давно, когда
Рос в деревне я ребенком малым,
Что с тобою будем мы всегда,
Ты, меня баюкая, мечтала.

«Вот кто будет в старости беречь
Мать свою», — ты думала, родная.
Только здесь не развернуть мне плеч,
И тебя я снова покидаю.

Не посетуй, что твои мечты
Я порой не исполняю, мама.
Вечно к свету тянутся цветы,
Реки к морю катятся упрямо.

Ты прости! Я кровь твоя и плоть,—
Это сердцем, каждой жилкой знаю;
А теперь — отрезанный ломоть,
Тот, что не пристанет к караваю.

Но и там, вдали, я буду знать,
Что, коль есть в душе огонь и сила,
Это ты их отдала мне, мать,
И себя ни капли не щадила!

Милая, ты взгляда не лови,
Не вздыхай за прялкой поминутно.
Сына в дальний путь благослови —
Ветерок с Инчи подул попутный!

1948

Прощание

Уголок мой под сосною,
Уголок родной, прости!
Распахнулись предо мною
Нынче новые пути.

Далеки — измерить нечем,
Тяжелы — хватило б сил!
Что ж! Я сам себе на плечи
Бремя тяжкое взвалил.

Пусть и холод и усталость,
Пусть подчас и пот с лица,—
Что бы там со мной ни случилось,
Пусть пройду я до конца!

От плетня заковыляла
И с ленцою, без огня,
Собачонка лаять стала
Для острастки на меня.

Пусть полагает! Меряй метры,
Мой дорожный посошок.
Вместе с солнышком и ветром
Грустно мне, но хорошо!

Уголок мой под сосною,
Уголок родной, прости!
Распахнулись предо мною
Нынче новые пути!

Глаз Волги

Стоят леса в серебряном уборе,
И толщиной в аршин зеленый лед
Уже сковал течение волжских вод.
Хоть яростна зима в своем напоре,
Но полынья на ледяном просторе
Кругла, светла всю зиму напролет.
Она стихию победила в споре.
«Глаз Волги» — так прозвал ее народ.

Неистовствует стужа, иней блещет,
Но, льдом не покрываясь, полынья
Все медленно колышется и плещет...

Проходят годы, но желал бы я,
Чтоб, не одевшись льдом ни на мгновенье,
Всю жизнь плескалось в сердце вдохновенье.

1949

У Мавзолея

В сердцах навеки сохранятся
В простой и строгой красоте
У всех людей, народов, наций
Пять букв на траурной плите.

И как призыв и вдохновенье
Для всех пяти частей земли,
Пять букв слилися в слово *Л е н и н*,
С которым в *Завтра* мы вошли.

Оно дало бойцам бесстрашие,
Вело под красною звездой,
С ним побеждала правда наша,
Наш мир рождался молодой.

И несся громкий клич свободы
От башен древнего Кремля:
«Вставайте на борьбу, народы!
Вставай на подвиги, Земля!»

...Знакомое родное имя
Ты издали еще прочел,
И молча, следом за другими,
В раздумье в Мавзолей вошел.

И кажется тебе: как будто,
Великий не закончив путь,
Не навсегда, а на минуту
Прилег Учитель отдохнуть.

1949

*Я — Советской
страны гражданин*

*Владимиру Маяковскому —
живому среди живых*

Много разных земель знаю я: мир не тесен.
Не везде только солнце свободы.
Много разных наречий, обычаев, песен —
Расковать бы лишь силы народов!
На чужое не зарюсь, и зависти нету,
Мил и дорог душе край один.
Снова слышится голос трибуна-поэта:
Я — Советской страны гражданин!

Где следов не оставил я поступи твердой?
Помню степи, и реки, и горы.
Преодо мной расступались бароны и лорды,
Короли с их наемною сворой.
Батраки и рабы, как свободу, встречали
Мой приход среди холмов и долин.
Все я понял: их думы, надежды, печали,
Я — Советской страны гражданин!

Это слово гремит, старый мир оглушая,
И, крылатое, реет все выше.
На земле, в облаках, океан рассекая,

Это слово ты сердцем услышишь.
Кто бы ни был — шахтер, хлебороб или воин,
Украинец, чуваш, армянин,—
Честь и слава тому, кто воскликнуть достоин:
Я — Советской страны гражданин!

Нет советского неба яснее и краше.
Нет советского солнца светлее.
Но дороже всего — это равенство наше,
Наша верность всесильной идее.
По лесам коммунизма бессменным рабочим
Поднимусь я до самых вершин.
Знаю, верит мне партия — славный наш зодчий:
Я — Советской страны гражданин!

1949

Мы — россияне

Пусть не русская кровь в нас течет,
Пусть в глазах не лазури сиянье,
Но Россия — наш дом и оплот:
Мы — четыреста лет россияне!

1951

Родной язык

В век радио и атомных открытий
Хотел бы я дожить до дней, когда
И языков связующие нити
Сплотят в одну семью людей труда.

Хотел бы я, чтоб речи доходили
Мыслителей, поэтов и вождей
В их первозданной красоте и силе,
Как свет лучей, шум ветра и дождей.

А что меня с землей, с травой зеленой,
С высоким небом, с клетотом орла
Знакомило, баюкая, с пеленок? —
Родная речь наставницей была.

Всегда, везде — в кругу привычном дома
Иль далеко от наших рубежей —
Я благодарен языку родному:
Он мне открыл мир мыслей и вещей.

1951

Константину Иванову

1

Ты — первая любовь моя
И первый жаркий трепет сердца.
С тобой поверил в слово я,
Ты дан в наставники мне с детства.

Ты — дружбы доброе вино:
Тост поднят — и до дна, не так ли?
А выпив, вновь гляжу на дно,
Последние смакуя капли.

Ты — зеркало моей души,
Смотрю и говорю себе я:
Минутной славой не дыши,
Всю жизнь — избраннице идее!

Спроси себя: и впрямь ли ты
Имеешь что поведать миру?
Коль так, взнуздай коня мечты,
Берись уверенней за лиру.

Но если людям песнь твоя —
Вчерашний день, скажи спокойно:
Вы пойте, сверстники-друзья,
А я — ваш слушатель достойный.

2

Ты — первая любовь моя,
И в дни великого похода
В пробитой пулей сумке я
Твой стих пронес как честь народа.

Бойцам читал я про Нарспи
У волжской сказочной твердыни,
В донецкой выжженной степи,
Под Брянском, в Сандомире, Гдыне...

Мне шумный памятен привал.
Грузин воскликнул: — Руставели! —
Бакинец Низами назвал,
Украинцы Шевченко спели.

Узбек кричал: — Наш Навои!
— Наш Пушкин! — прогремело всюду.
Все знали: впереди бои,
За все они в ответе будут.

Как горд я был, когда чуваш
Прислушался к родному слову,
Поправил молча патронташ
И вдруг сказал: — За Иванова!

3

С простой фамилией мильонов,
Народа-труженика сын,
Ты встал над Волгой обновленной,
Навеки юный, Константин!

Ты, следуя за Горьким твердо,
В глухие, мрачные года
Прославил Человека гордо
И торжество его труда.

Не знавшие тебя, влюбленно
Читавшие из года в год,
Мы видим взгляд твой удивленный,
Бровей трепещущих разлет.

Да, все достойно удивленья,
Все радует и слух и взор.
Не плачет по глухим селеньям
Невест чувашских грустный хор.

Батрацкой долей удрученный,
Не стонет в горе твой Сетнер:
Он — мастер поля, врач, ученый,
Артист, художник, инженер...

Все двери нам открыты настежь
Во все края, во все концы.
Мы — радости земной и счастья,
Мы — новой истины творцы.

О юноша с душой крылатой,
Кудесник слова, чародей!
Ты был нам музыкой и клятвой,
Надеждой, лаской с детских дней.

Ты был, и есть, и будешь снова
Залогом силы, красоты,
Богатства языка родного,
Его высокой простоты.

Так стой же славою народа,
В сердцах и в памяти живи,
Глашатай правды, и свободы
И человеческой любви!

1940—1952

Скульптору

Чем чаще я бываю у тебя,
Тем мне ясней: народ — вот суд наш строгий!
Чем больше радуюсь, твой труд любя,
Тем мне стыдней... за собственные строки.

Вот у тебя рабочий, вот солдат,
Студент, матрос, колхозница простая...
Их лица мне так много говорят,
Так ясно все, что я на них читаю.

Здесь и поэт, что нашей стал судьбой,
Он вечно юн, проживший век недолгий.
Ему не место в тесной мастерской —
И вот он, бронзовый, стоит над Волгой¹.

Идея — плоть, порыв — душа труда.
Они в художнике неразделимы.

Пусть будут и мои стихи всегда,
Как бронза, осязаемы и зримы.

1952

¹ Имеется в виду памятник поэту Константину Иванову.

Киевским каштанам

Каштаны киевские! Вы воспеты
На всех, наверно, языках у нас,
И вас уже не удивят поэты.
Что делать мне, коль здесь я первый раз?

Что делать мне, коль в середине лета
Пришел я к вам и не застал на вас
Ни свеч, ни их чарующего света?
Цветы осыпались — и свет погас.

Но мне светило дружбы жаркой пламя —
И все как будто снова зацвело,
Все трепетало, пело и влекло:
Бульвар, и пляж, и звезды над волнами,
Веселый смех, прибрежная лоза
И карие — с хитринкою — глаза!

1952

У Аркадия Гайдара

Украинские троянды-розы,
Груши и черешни... и одна
Молодая, тонкая береза.
Кем же здесь посажена она?

Пионер какого был отряда
Тот, кто позаботился, принес
К изголовью воина наградой
Арзамасский шум родных берез?..

Память мне Гайдара сохранила:
Под шинелью скромною бойца
Что-то вечно детское в нем было,
Что присуще истинным творцам.

Это чувство, не дробя на части,
В чистоте первичной сохранить —
Для художника большое счастье!
Не оно ли к детским душам нить?

1952

Памятная песня

«Украина золотая,
Белоруссия родная...» —
Эту песню вновь я слышу,
О походах вспоминая.

Эту песню под Москвою,
И над Волгою-рекою,
В эшелонах, и на марше
Пели мы, готовясь к бою.

Эту песню слышал в Курске
И в лесах я белорусских,
Вместе с русскими повсюду
Пели мы ее по-русски.

С думой светлую, единой
И армяне, и грузины,
И башкиры, и узбеки
Звали н а ш е й Украинну.

«Украина золотая,
Белоруссия родная...»
Что ж припомнилась в дни мира
Эта песня боевая?

С этой песней, с этой песней
Через степи и полесье,
Через горы мы шагали
С алым стягом в поднебесье.

Украинцам и литовцам,
Белорусам и эстонцам,
Молдаванам и казахам —
Всем одно светило солнце:

Солнце родины любимой,
Солнце дружбы нерушимой;
Пусть в сердцах сияет вечно
Свет его неугасимый!

Пусть крещение боевое,
Испытанье огневое,
Что прошла отчизна братства,
Нам прибавят силы вдвое;

Силы вдвое, силы втрое,
Чтоб герои новостроек
Были все у нас достойны
Победителей-героев...

«Украина золотая,
Белоруссия родная...» —
Эту песню вновь я слышу,
О походах вспоминая.

* * *

Поэзия — радость, так пусть она будет
Водою в дни жажды, живым родником;
Пусть каждая строчка волненье в нас будит,
Как будто ты встретился с милой тайком.

Поэзия — юность, с ней бодростью тело
Наполнится и облегченно вздохнет.
И вот уже сердце твое просветлело,
Готовое ринуться в новый полет.

Поэзия — дерзость, чудесная сила.
Ты к ней припадаешь с мечтой, чтоб она
Тебя на ковре-самолете носила,
Чтоб пела душа твоя, счастья полна.

Поэзия — чувства и ширь и бездонье,
Не узкие гранки — безбрежный простор;
Наборщик огонь ее держит в ладони,
Печатник с ней первым ведет разговор.

Поэзия — редкий целебный напиток,
Ее лишь глотками отведать дано.
Ценитель твердит: «Среди вин знаменитых
Волшебной поэзии манит вино!»

Поэзия — мысли мучительный поиск,
Улыбка ребенка, и гения труд,
И сказка любви, и отчаянья повесть,
Которую, может, века не сотрут.

Поэзия — это сиянье рассвета,
И солнце, и музыка, и непокой...
Я жажду дожждаться такого поэта,
Я знаю — в народе моем есть такой!

1954

* * *

Давно я с этим городом знаком
И, где бы ни был,— думаю о нем.
Коль выпал случай, так спешу сюда,
Меня на распутьях поезда...
Как тихо! Вдалеке гудит мотор.
Должно быть, кончил поздний рейс шофер.
Не спится. Пережитые года,
Волнуя сердце, в памяти встают,
Мне за полночь покоя не дают.
Закончив день, спокойно спит семья —
Спят сын, жена и мать, один лишь я
Лежу, всю ночь не закрывая глаз:
Не обрывает память свой рассказ.
То радость вспыхнет в сердце, то печаль,
Когда на миг вдруг близкой станет даль.
Я вижу детство: мальчик на ветру
Шагает с недоуздком поутру;
Его лаптям, обрызганным росой,
Мечта указывала путь другой...
Я вижу годы юности моей.
Металось сердце в пламени страстей,
Но та мечта сильнее день ото дня
Куда-то вдаль звала, влекла меня.
Простор чужих морей, громады гор

Издаലെка притягивали взор.
Обычаи, одежды, языки —
Все, все узнать хотелось до тоски.
А нынче, где бы ни был, всей душой
Хочу я одного: скорей домой!..
Все тихо. Только мерное «кап, кап»
Звучит, как поступь чьих-то мягких лап.
И мысль ко мне приходит: не она ль,
С косою, которой никого не жаль?
«Встать, что ли, кран покрепче завернуть?
Нет, пусть в тиши звучит хоть что-нибудь!»
Поохала слегка за стенкой мать,
Должно быть, собирается вставать.
Теперь ее шагов я слышу звук —
Наверно, смотрит, не раскрылся ль внук.
И вдруг во мне напрягся каждый нерв:
«Стой! Руки вверх!» — кричит во сне Атнер.
Ах, мальчик мой, шалун мой дорогой,
Не знаешь ты, что это значит — бой
И отчего отец всю ночь подчас
В тяжелых думах не смыкает глаз.
Мой маленький, еще не знаешь ты,
Что пули убивают и мечты...
Вот шлепанцами шаркает опять,
На кухне двери отворяет мать,
Тихонько нашим чайником гремит,
И слышно, как вода в него бежит.
Беги, вода, гуди, звени, журчи!
Пускай бьют жизни светлые ключи,
Пускай веселый звонкий плеск струи
Развеет думы хмурые мои.



У гроба друга молча я стоял.
Был гулкой тишиной наполнен зал.
Сквозь складки штор две световые нити
Пробились, чтобы лечь на темный китель
Сурового военного сукна.
Сверкали боевые ордена...
Всю жизнь ушедшего в одно мгновенье
Я увидел в каком-то просветленье,
И показалось мне, что друг мой жив,
Что встанет и, улыбкой осветив
Торжественный и строгий сумрак зала,
Заговорит со мною, как бывало...
Но оставалось все без перемены.
Печальная мелодия Шопена
И черный креп на бархате знамен
Напоминали, что не встанет он;
Что эти губы, сжатые сурово,
Отныне не произнесут ни слова;
Что друг не улыбнется мне в ответ
И не подаст в тяжелый час совет...
Да, в разные неведомые сроки
И мы уйдем все в тот же путь далекий.
Иная жизнь на смену нам придет.
Бессмертен на земле один народ.

«Что сделал для него я? Неужели
Все кончено, и годы пролетели,
И я уйду из мира без следа?» —
Так сам себя я спрашивал тогда.
Мне избежать хотелось бы забвенья
И жить в словах хоть одного творенья.
Ни веткою над струями ручья,
Ни облаком стать не хотел бы я.
Их немота всегда меня томит.
Навек с людьми я помыслами слит.
Далекий брат, свидетель жизни новой,
Пусть до тебя дойдет живое слово —
Вот этот стих, что нынче я кладу
Венком на гроб, с молчаньем не в ладу;
Быть может, бросив горсть земли сырой,
Помянешь ты меня моей строкой...

1956

Полвека

Васьлею Митта

Отныне я не загрущу нимало,
В толпе приметив стройного юнца.
Ровесник мой, коль сердце не устало,
И ты пройдешь по веку до конца.

Щепотками нам бодрость выдавали
Или пудами мерили ее —
Не в этом суть. Прочнейшие детали
В тираж выходят, отслужив свое.

Едва ль помчишься, голову закинув,
Как жеребенок, увидавший луг,
Коль тридцать лет, натруживая спину,
Тянул по целине тяжелый плуг.

Но нас не вдруг согнешь, не вдруг состаришь!
Конь вдохновенья не сдает пока.
В любой строфе, — не правда ли, товарищ? —
Стрелюю с тетивы летит строка.

Как острый плуг, распахивая поле,
Врезается в сердца упрямый стих.
Нет тяжелей, но и завидней доли,
Чем труд на щедрой ниве душ людских.

Теперь кругом возделанная почва
И рук — не счесть. Работай, молодежь!
А раньше было б некому помочь вам.
Кряхти один, пока не упадешь.

Вся жизнь была суровым поединком:
Что б ни стряслось — никто не пособит.
Мне небо показалось бы с овчинку,
Побудь я день на месте Шелеби ¹.

Чувашия, он знал твой день вчерашний.
Он мук твоих и радостей певец.
Он первый плуг провел по Новой Пашне
И Сеспеля дождался наконец.

Немало их, кем должно нам гордиться.
Один из них мог ныне быть средь нас.
Наш Константин! Я вижу, как лучится
Глубокий взгляд твоих правдивых глаз.

Еще одно не позабыть мне имя...
Где наши общие труды и дни,
Расцвеченные шутками твоими,
Ушедший мой собрат Шубоссинни?

Где ты угас? Что надорвало силы?
Под чьей рукой оборвалась струна?
Священна ранняя твоя могила,
В каком бы ни была краю она.

Да, было тяжело. Всё камни, корни...
Случалось так, что лемех пополам.
Но мы идем вперед еще упорней:
Свой путь нелегкий каждый выбрал сам.

¹ Шелеби, Сеспель, Константин Иванов, Шубоссинни — зачинатели чувашской поэзии.

Оглянемся! Ведь пройдено полвека.
Из них ни дня, ни часа не забыть.
Бывает всяко в жизни человека,
А я отнюдь не баловень судьбы.

За долгий путь колдобин знал я много
Но все ж мечта по-прежнему светла.
Пускай бежит с холма на холм дорога,
Пускай ведет вперед нас, как вела.

Летит мой конь, земли едва касаясь.
Ты, кровь неугомонная, гуди!
Быть может, внуки испытают зависть,
Что нет такого трепета в груди.

Смелей, смелей, мой ипходец верный!
По ветру гриву и — во весь опор!
Там, впереди, раскинулся безмерный,
Весенним солнцем залитый простор.

Порой не просто разобраться сразу,
Где прямо гнать, где надо брать в обход.
Но в сторону мы не сошли ни разу
С того пути, каким идет народ.

И ты не скоро, время, нас состаришь!
Конь вдохновенья не сдает пока.
В любой строфе, — не правда ли, товарищ? —
Стрелою с тетивы летит строка.

* * *

Стучи, работай, дятел-друг!
Страшит меня безмолвный бор.
Солдатский краток мой досуг.
Не верю в тишь я до сих пор.
Стучи, работай, дятел-друг!

Страшит меня безмолвный бор:
Так много знали мы тревог,
Засад и выстрелов в упор,
Шагая вдоль лесных дорог!
Страшит меня безмолвный бор.

Солдатский краток мой досуг:
Быть может, вновь пароль шепнут,
И встать с винтовкою сам-друг
Придется мне на страже тут.
Солдатский краток мой досуг.

Не верю в тишь я до сих пор:
Пусть что-нибудь — сучок сухой,
Скрип дерева, сова, топор —
Нарушит тягостный покой.
Не верю в тишь я до сих пор.

Стучи, работай, дятел-друг!
Порой так вздрогну я в тиши,
Как будто хлопнут дверью вдруг,
Мне ближе мирный лад души...
Стучи, работай, дятел-друг!

1958

* * *

Над зеленым озером огни,
Там горят кувшинок желтых свечи.
Кем же зажигаются они?
Близко он живет или далече?

В озере глубоком отражен
Лес прибрежный, словно трехэтажный:
Краснотал внизу, с дубками склон,
А повыше — сосны стали важно.

Ты воскликнешь: «Это красота!»
И да будет так, как есть от века.
Пусть же все прекрасное всегда
Видит мир глазами человека!

1958

* * *

Темнеют волжские излучки,
Река сегодня не светла.
Как девушка, простерла руки
К другому берегу ветла.
Чем вдруг встревожена она
И почему так смята?

За Волгой, гордо вскинув ветви,
Встал дуб на берегу крутом.
Порыв ветлы он не заметил,
Не шелохнулся над бугром,
Подняв вершину к небесам.
Что в них он видит? — Знает сам.

1958

* * *

Дождь прошел. Стал мягким мох,
Не шуршит, как в сушь.
Я в бору весь день бы мог
Вслушиваться в глушь.

Воздух, как цветочный мед,
Пить бы мне да пить.
Пусть в полет мечта зовет,
Ей — земною быть.

Там, в надзвездной вышине
И в мирах иных,
Не забыть вовеки мне
Радостей земных.

Заменить бы мне не смог
Всех миров простор
Этот мох, траву, песок
И смолистый бор...

Дождь прошел... Земля моя!
Пусть гроза, покой —
Все в тебе приемлю я:
Я и сам такой.

1958

* * *

В бору свежо и тихо. Воздух росный.
Брусники капли. Муравьев возня.
Червонным золотом сверкают сосны.
Радушней солнце на исходе дня.
Одна мне дума тяжела, несносна:
Так будет вечно, только... без меня!

1958

Чайки

О крики чаек на рассвете
Над тихой волжскою водой!
Как будто разрыдались дети,
Проснувшись в комнате пустой.

Еще туман. И как-то странно
Мир неуютен, одинок,
Как будто хаос первозданный
Природу снова обволок.

Летают чайки и, не видя
Добычи сквозь туман сырой,
На что-то словно бы в обиде,
Кружатся с криком над рекой.

Но вспыхнет солнце золотое —
И мир становится другим:
И чайки, как и все живое,
Поют извечный солнцу гимн.

1960

Пушкин

Как часто в дни, когда я дома
С самим собой наедине,—
Не с книжной полки пыльным томом,
Живым приходит он ко мне!

Горят каштановые пряди,
Тепло пожатие руки.
Порыв и мудрость в ясном взгляде.
Движенья быстры и легки.

И эти пальцы... я впервые
Как будто ощущаю их:
Они горячие, сухие,
Когда душа рождает стих.

С годами мне слышнее этот
Могучий голос всех страстей,
И слово вещее поэта,
Как яркий луч, в судьбе моей.

В отчизне ко всему причастен,
Храня ее красу и честь,
Я думаю: какое счастье,
Что у России Пушкин есть!

1960

«Тигушь-тигушь!»

У девочки глаза на редкость сини.
«Тигушь-тигушь!» — зовет она гусей.
В открытые ворота за гусыней
Идет весь выводок, послушен ей.

Лет пять иль шесть — не больше босоногой,
А уж хлопочет, трудится она.
Гусей впустила и смущенно-строго
Глядит в глаза мне, стоя у окна.

Вот вырастет, и доведется, может,
Ей где-то эти строки прочитать.
Себя в них не найдет: все гуси схожи,
Все девочки-чувашки ей под стать.

...«Тигушь-тигушь!» И — сразу в горле сушь...
Где вы теперь, мои «тигушь-тигушь»?

1961

Амись

Есть обычай старинный;
Может, он и не наш,
Но его и поныне
Соблюдает чуваш.

Коль с полком в дальних странах
Побывает солдат,
Без монет иностранных
Не вернется назад.

Их служивый подарит
Ненаглядной своей —
Не затем, чтоб в амбаре
Спрятать в короб скорей.

Наши девушки любят
До сих пор звон монист.
Я одну видел в клубе,
Где играл гармонист.

Пригляделся к монетам,
Что на шее висят:
И каких только нет там,
Понанизанных в ряд!

Кроны, золотые, левы...
Вышла девушка в круг,
Повела бровью левой,
Оглядела подруг.

И пошла, хорошея,
В пляс смелей и смелей.
Звон все громче: на шее
Пол-Европы у ней!

«Шире круг! Где там наши?
Выходи, не срамись!..»
Это птичница пляшет,
Комсомолка Амись.

Партии

Мир, Труд, Свобода, Равенство и Счастье
На знамени твоём читаю я.
Над чувствами моими я не властен:
Тебе гимн сердца, Партия моя!

С тобою мы прошли такие кручи,
Где в пламени жестоких гроз не раз
Решалась историческая участь
Страны, народа, каждого из нас...

От стен Парижа до снегов Норильска
Кровавый след тянулся целый век.
Впервые мы увидели так близко
Все то, за что боролся человек.

Что призраком бродило по Европе,
То к нам пришло как плоть и естество.
Ни гнев врагов, ни козни их, ни ропот
Не остановят поступи его.

Мы будем в коммунизме жить! Какое
Великое свершение времен!
К нему стремлюсь не в поисках покоя.
А новым взлетом мысли окрылен.

Свободный от вседневных тягот разум
Неудержимо устремится ввысь,
И всю Галактику охватит разом
Бессмертная и дерзостная мысль.

Неслыханных симфоний звуки, краски
Невиданных картин тех светлых лет
Уже я ощущаю, словно в сказке,
И новому поэту шлю привет.

Счастливый мой собрат! Скрывать не стану:
Я тоже о гармонии мечтал.
Но мир наш разделен был на два стана,
И в красном стане я солдатом стал.

В мои напевы, где любовь и нежность
Звенели, как свирель в ночной тиши,
Врывались трубы гнева неизбежно
Под тайный ропот дрогнувшей души.

Я был в огнег клокочущем горниле,
Где души переплавились людей
И, отделенные от шлака, гнили,
Сверкают чистым золотом идей.

Горжусь всем сердцем, что и я — участник
Похода, двинувшего мир вперед.
Мир, Труд, Свобода, Равенство и Счастье —
В них и мое горение живет.

Желуди

...А желудь редко с чашечкой сорвется,
Лишь в бурю — незрелый, молодой,
Такому ничего не остается,
Как гнить и сетовать на дуб родной.

Как правило, всегда он дозревает
И, чашечку, как тюбетейку, сняв,
Летит, тяжелый, сытый, отливает
Коричневым атласом средь дубрав...

Бывает — второпях сорвутся строки,
Потом стыдишься сам, читая их.
Хотелось бы, чтоб созревания сроки,
Как желудь на дубу, прошел мой стих.

Я в жизни слаб пред бурей новых чувств,
В поэзии — владеть собой учусь.

1962

* * *

Нет! Никогда не примирюсь,
Что будут больше не со мною
Сосна, и дятел, муравьи,
И под листвою прелой груздь,
И тихий еж, и все земное,
Вся тварь, как спутники мои!

Не видеть Волги, где я рос,
Костров рыбачьих, лодок, чаек
И не услышать нашу песнь?..
Неважно, что решен вопрос
«Быть иль не быть»,— я быть желаю
И, если можно, только здесь!

1962

ИЗ ЦИКЛА
«ВЗДЫБЛЕННЫЕ ВОЛНЫ»

Перекликаясь в поднебесье, гуси
Над родиною Райниса летят.
Чувашской музыки — есть такая! — гусли
Звенеть готовы кликам этим в лад.

Вновь даже домовитого куда-то
Зачем-то тянет — в помыслах раздор.
И все тебе чего-то маловато...
Передо мною Балтики простор.

Мутна вода, и одиночки льдины
Пока еще припудрены снежком.
Чирки, нырнув, показывают спины,
Сбивает с курса чаек ветерком.

В прибрежном парке женщина сгребает
В больше кучи прошлогодний лист:
Пусть молодой траве он не мешает
Узнать, как мир приволен, как лучист.

Опавший лист в костер идет сегодня,
Дымится тленом тронутая медь...
Я сам уже не лист ли прошлогодний?
Ведь дважды никому не зеленеть!

Я верю граблям времени, что чистят
Сад жизни, выгребая всякий хлам.
И если строки высохли, как листья,
Пусть не мешают молодым росткам.

Скажу и больше: коль увижу сам я,
Что помешал надежному росту,
То брошусь в очистительное пламя
И горькой стружкой дыма потеку...

*

Во многих странах подаю я голос,
Бывает, и по-русски лажу стих,
Но только ветер с Волги тронет волос,
Кладу листы в сторонку: не до них.

Когда влетает этот ветер в душу,
То прочь уходит надолго покой.
Становишься вдруг замкнутее, суше
И сам не свой ты ходишь день-деньской.

Ты споришь с ним, а он поет трубою,
То нежно, то надрывно он поет.
В страданиях, в исканьях пред тобою
Чувашская история встает.

И думаешь: «Должник ты неоплатный
Пред прошлым и пред будущим... Не стой!»
И по стране ты мчишься необъятной
С единственной спутницей — мечтой:

Поднять родной народ еще немного —
Пусть знает мир, как можем мы дерзать;
Язык наш вынес трудную дорогу,
И он о многом может рассказать.

Последний миг настичнуть может всюду —
В лесах, в степи — отчизна велика...
Коль эпитафьи удостоен буду,
Пусть на чувашском будет та строка.

Хочу я встретить смерть свою на Волге,
Но где — как знать? — зайдет спор с ней
недолгий!

Коль быть при том друзьям моим случится,
Хочу одним желаньем поделиться:

Когда погаснет взор и кровь остынет,
Пусть тот, кто саван на меня накинёт,

Сначала вынет сердце, чтобы взял
Его народ, что жизнь мне даровал.

А где его родной земле предаст он,
Решит он сам: он это сделать властен.

Одно бы знал: я сделал все, что мог,—
Служа ему, я сердце не берег.

*

Строчит мой друг обеими руками —
Его машинку слышно через дверь.
Мне Константин¹ наш вдруг пришел на память:
Ему бы то, что есть у нас теперь.

Из дуба он машинку изготовил,
Чтоб песня обошла весь белый свет.
О, как мечтал он о печатном слове,
Не выпустивший сборника поэт!..

Он пишет — ну не чудо ли чернила!
Зачеркивает... Кругом голова!
Чтоб песня обрела красу и силу,
Он ищет лишь бессмертные слова...

Строчим, стучим мы — буквы, как мечтал он,
Ложатся, что на белый снег — следы.
И книг своих сейчас у нас немало,
А все ж нам до «Нарспи» — как до звезды!

*

Кибек²,--- в окошко вижу,— на пенек
Посыпал что-то. Чем же он смущен?
Ага! Кедровые орешки он
Для шустрой здешней белки приберег.

В охотнике пятишудовом дух,
Должно быть, нежен — грозен только вид.
Но жизнь — борьба, скрутить нас поровит:
Верх наш или врага — одно из двух...

¹ Чувашский поэт Константин Иванов.

² Д. К и б е к — чувашский писатель, друг автора.

Не потому ли друг мой и смущен?
Я вижу: он стоит ко мне лицом.
«Пусть правая не ведает о том,
Что левая творит»,— знать, мыслит он.

А белка тут как тут. Она грызет
То, что насыпал для нее Кибек,
Настороженно: все же человек,
Кто знает, что на ум ему взбредет!

На беличьем «спасибо», видно, нет.
Ну что ж, мы обойдемся без речей.
Большое состоит из мелочей,
Ни для кого уж это не секрет.

Покою нынче песни не дают.
Одна с утра в уме свивает петли:
«Кругом все только пьют, а не поют!
Эх, самому мне песню не запеть ли?»

Да, лишку, вижу, нынче пьют у нас,
И красоты в застолье нашем нету,
И не клаксон такси к концу подчас,
А милицейская гудит карета.

Поэты тоже падки на грехи.
С иным, как выпьет чарку, нету сладу.
А что в подпитье пишет за стихи —
В строках ни складу не найдешь, ни ладу.

Как чист, друзья, и звонок наш язык!
Поэт, из серебра литое слово
Не искажай и на страницы книг
Дай путь одним лишь связанным толково!

Я крепко верю, что мой младший брат,
То ль с черными, то ль с синими глазами.
Орехи рвет или пасет гусят,
Но скоро воспарит орлом над нами.

Слова, что мне покоя не дают,
Пусть вспомнит он, как шутку, как завет ли:
«Кругом все только пьют, а не поют,
Эх, самому мне песню не запеть ли?»

*

Все пристальней гляжу на окоем
И, вспоминая край свой, писем жду.
На Волге, видно, самый ледолом,
Играют льдина с льдиной в чехарду...

Люблю я дни, когда свой белый сон
Природа непреклонно гонит прочь.
Звучит в душе капли вешней звон,
И этот зов никак не превозмочь.

Он, словно кровь цыганская, меня
На поле гонит, в лес, к кипению рек.
Оглобли вверх, стреноживай коня
И под шатром готовь себе ночлег!..

Но этого уж нету — век не тот! —
И в Шубашкаре на откос друзья
Идут лишь посмотреть на ледоход.
Меня не видят. Только с пими я!

*

Покоя не ищу. У славы
Я не был в батраках ни дня.
Забудут? Первого ли, право?
Сам труд — блаженство для меня.

Что ж, деду-табакуру — трубка,
Юнцу любовь милей всего...
Ласкаю слово, как голубку,
Пред тем, как в мир пустить его.

Коль, чувства этого не зная,
Хотят стиха раскрыть секрет,
Я только сумрачно вздыхаю:
Еще не родился поэт...

*

Вздыхает море... Не такое
Пред взором мысленным моим —
Не серое, а голубое...
И солнце, словно жар, над ним!

Едва оно касалось края
Зелено-голубой волны,
Шипело, помню, угасая,
Среди вечерней тишины.

Ах, знаю, что не так все было.
Я сам тогда душой пылал,—
Шипеть спокойное светило
Воображеньем заставлял...

Бродил я по стране горячей,
Горяч был, да остыл, утих...
О всех обидах, незадачах
Лить слезы или вылить стих?..

Вздыхает море шумно, грозно...
То стихнет, то плеснет сильней.
Не будоражь меня ты, поздно —
Другое в памяти моей!

*

Ждет путь. Подтягиваю ванты.
А в сердце каждая струна,
Как скрипка мага-музыканта,
Как нерв его, напряжена.

Проверен лад, смычок подкручен,
На деку подбородок лег —
И мир мелодией озвучен,
Что музыкант в душе берег.

Лети, стремительное скерцо,
Звени, заставь светиться миг.
У юных пусть пылает сердце,
Пускай утешится старик.

Пусть улыбнется он, припомнив
Обличье юности своей...
Путь к истине... Шипов и комьев
Немало на дороге к ней.

С пригорочка яснее видишь.
Как легче было бы шагать.
Но ты колдобины одни лишь
Встречал бы на пути опять...

Жизнь норовила под микитки,
Аж искры сыпались из глаз.
«Не лучше ль собирать пожитки?» —
Уныло думалось подчас.

Но скрипка и моя звучала
И спела, что могла, сполна.
Не всем, быть может, слух ласкала,
Но не фальшивила она.

«В руках кормилица-соха,
В сердцах у нас отец да мать...»
Легко за эти два стиха
Я мог бы том своих отдать!

Бессмертный мастер, где ты жил?
В каком роду? В который век?
Какие песни ты сложил
И вечный где обрел ночлег?

Землицу отряхнув с лаптей,
Ты борозду прямую вел
И вдруг нашел мечте своей
Неувядающий глагол.

Грач, как гадалка, за тобой
Следил, внимал звучанью слов,
Как будто к выси голубой
Их понести он был готов...

Ковш поднимая на пиру,
Ты в нем свой разум не топил.
Собрат, товарищ по перу,
Ты песню радости творил.

Благ за нее не получал --
На что же соловью они?
Зато напев не отзвучал —
Попробуй это оцени!..

Обычай наш, мечты, тоска —
Две строчки, словно благодать! —
«В руках кормилица-соха,
В сердцах у нас отец да мать...»

*

Давно я не был здесь! Верхушкой,
Кажись, кивнула мне сосна:
Мы знались некогда друг с дружкой,
И «здравствуй!» молвила она.

Иль тут смешно с людскою меркой
Искать чуть не родства мне душ?
Стройна, но зелень только сверху,
А ниже сучья голы... Сушь...

Стоит, как будто бед не зная...
Кругом соседи разрослись,
Ее макушка небольшая
Сквозь кроны их стремится ввысь...

Я думаю о грешном теле
Своем, что сохнет уж давно:
С годами, видно, в самом деле
Зреть только голове дано...

Плывут над кроной друг за дружкой
Лебяжьи стаи облаков.
Красива пышная верхушка,
А все ж мне жаль сухих суков...

«Ни́менé! Ни́менé!» —
 Клич, бывало, звучал.
 На подмогу родне
 Поднимал он сельчан.

Осыпается рожь —
 Сам забудь тут о сне
 И друзей потревожь:
 «Ни́мене! Ни́мене!»

Жать хлеба, иль косить,
 Или скирды метать,
 Или избу рубить —
 Как народ не позвать?

Что ты можешь один?
 И из глуби веков
 Со жнитва, с луговин
 «Ни́мене!» слышен зов.

Хоть просторна земля,
 Да вот клином сошлась
 На меже, где былья
 Полоса поднялась.

Сжат нуждой белый свет.
 От избы — никуда.
 «Нет жены — долга нет», —
 А коль есть, что тогда?

В доме деток полно,
 Лет с семи дочь прядет.
 Холст, сукно иль рядно —
 Все на дело пойдет.

Срок пришел бить кудель,
И звенит в тишине,
Как в бору — птичья трель:
«Нимене! Нимене!»

Руки трудятся влать,
Тут и мысли простор;
Любят родичи, страсть,
Чтобы ум был остер.

Труд — твоя колыбель,
Возрожденный народ!
В небесах, на земле ль
У нас дело идет.

Тем, кто ум свой запрѣг,—
Сыновьям, дочерям,—
Не идти поперек —
Помогать надо нам.

И чем дело трудней,
Тем бы голос, по мне,
Подавать посильней:
«Нимене! Нимене!»

*

...от града белого, от волны со звездой
спаси нас...

Из старинной молитвы

«От волны со звездой...» Как воочью,
Вижу яростно вздыбленный вал,
Вкось летящие пенные клочья,
Устрашающий белый оскал.

«От волны со звездой...» — знать, немало
Этих волн повстречал ты, чуваш,
Знать, молитва не всем помогала,
Не всегда вызволял и кураж.

Глядь, тем вздыбленным валом гремящим
Половину гребцов унесло...
Уцелевший на судне ледащем,
Дух крепя, налегал на весло,

Чтоб на стрежень истории ныне
Мы, наследники, выплыть смогли
И в любую волну без унынья
Новый ходкий корабль повели.

«От волны со звездой...» — поцветистей
Ищет слово присяжный певец.
Исполать! Но куда сноровистей
Ты, народ мой, поэт и мудрец!

*

В Доме творчества — твори!
Ясно. Только просто ль?
Бес внушает мне: «Схитри,
Поголяй-ка вдосталь!»

Да и сам-то я не раз
Клялся: «Хватит! Крышка!
Поэтических колбас
Понабил с излишком!..»

Но за лацкан взявши вдруг,
Муза тихо: «Экий
Баловень ты все же, друг!
Знай, ты мой — навеки!

Бросишь милую, любя,
Дом уютный тоже,
От меня ж, как от себя,
Убежать не сможешь!»

*

«...не стерпел, не выдержал — запел».
«Запеваает песню, плача...»

Из чувашских народных песен

Да, видать, не стерпел, не сумел удержаться.
Смех и слезы в единой укладке хранятся.

Вышивала ль чувашка, ткала ль — напевала,
С песней пряжу пряла и холсты отбивала.

В агадуй¹ запевали, бывало, и парни.
С песней рекрут к дороге готовился дальней.

Пел счастливый отец, луб для люльки сшивая;
Колыхая ее, пела мать молодая.

С песней мед наливался, шумело застолье,
С грозной песней шагали на ратное поле.

Человек родился — песня к небу летела,
Человек умирал — песня с нами скорбела.

Мысль одна меня мучит: построчная плата
Не спознала ли песню с большою утратой.

Ведь поэзия, став ремеслом понемногу,
В каждый дом не нашла еще нынче дорогу.

¹ А г а д у й — праздник весеннего сева.

Как покончим с деньгами — меня помяните! —
Стих заблещет у нас, словно солнце в зените.

Вот предлог стихотворцам иным посмеяться...
Что ж, видать, не стерпел я, не смог удержаться.

О крылышко мое! Родная!
Как нежен, ласков наш язык!
Опять тоскую без тебя я!
Твой образ в памяти возник,
О крылышко мое! Родная!

Как нежен, ласков наш язык!
Я слышу звуки милой речи:
То ль в руки гусли взял старик,
То ль это ласточка щебечет?
Как нежен, ласков наш язык!

Опять тоскую без тебя я!
Сказал бы я, как в песне, тут:
«Возьми полсердца, дорогая!»
Но, вынув сердце, не живут...
Опять тоскую без тебя я!

Твой образ в памяти возник.
Ну как мне полюбить другую,
Коль не забыть мне ни на миг
Тебя, все так же дорогую?
Твой образ в памяти возник...

О крылышко мое! Родная!
Мечта моя, как мотылек,
Кружится, крылья опаляя,—
Ты жгла! И я, наверно, жег...
О крылышко мое! Родная!

Дай, Латвия, в последний раз
Взглянуть, как луг ты вешний стелешь.
Бумаге белой не поверишь
Всего, что здесь подметил глаз.

К тому ж, по правде говоря,
Не справочник стихи поэта.
В них есть и местные приметы,
Но... гиды хлеб едят не зря.

Экзотикою бредит тот,
Кто не томим заветной мыслью.
Душевным миром с порку мышью
Кому ж бахвалиться расчет?

Ну что ж, пускай их колесят.
Кому что суждено, не так ли?
Ведь есть и те, что в горской сакле
И в юрте с миром говорят...

Янтарный берег... Подышать
Хотелось мне морским озоном,
Но на́зло докторским резонам
Пришла поэзия опять.

Торопит сердце, чуя, что ль,
Как жизнь уходит миг за мигом.
Нижу слова я, как под игом,
Как в самой крепкой из неволь.

Средь трав, что блещут, словно ярь,
Под солнцем синего апреля,
Вдруг нанизал я ожерелье
В краю, где так любим янтарь.

К вам сердце нежности полно,
Зеленый берег и лагуны.
Я кончу путь, но кто-то юный
Продолжит путь, как быть должно.

И может, тут встречая май,
Топча песок, бродя ль по лугу,
Он, что-то вспомнив, скажет другу:
«Вот здесь ходил наш Хузангай».

1963, Дубульты

«Интернационал»

Шестого ноября в театре «Мелья»
Мы встретили великий праздник наш.
В предчувствии всеобщего веселья
Смотрел я в полный зал и слушал марш.

Открыли занавес. Уже на сцене
Президиум. А сзади, в глубине,
Над миром руку простирая, Ленин
В торжественной поднялся тишине.

В бородачах с оружием, в строгой форме,
Вчерашних партизан я узнаю.
Пока что Куба носит в полной норме
Всю выкладку солдатскую свою...

«Интернационала» слышу звуки,
Встаю — соседка за руку берет.
Смотрю — сплетаются повсюду руки,
Весь зал стеной единою встает.

Стоим, покачиваясь влево-вправо,
Как будто бы в колонне мы идем.
Поют друзья гимн доблести и славы,
И я пою — на языке своем...

Весь вечер, сердцем радостно волнуясь,
Я видел все яснее и ясней
И Октября испытанного юность,
И юность собственную — рядом с ней.

1963, Гавана

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕГЕНДАРНЫЕ ДНИ»

Жар-птицей летите!

Жар-птицей летите!

М. Сеспель

Добрый путь, чувашский Сокол,
Украинский Беркут!
Высоко же, ой высоко!
Все легенды меркнут.

Вы взметнулись, как жар-птица,
В солнечные дали.
Хорошо ль вдвоем летится?
Что на сон читали?

Мать не спит над Волгой где-то,
Над Днестром — другая.
Не смыкают глаз поэты,
Вам стихи слагая.

Но какими мне словами
Выразить все чувства?
Беден я в сравненье с вами,
Как это ни грустно...

Верю, вас Отчизна встретит
В заданном районе.
Пусть хотя бы строки эти
Вас в пути догонят.

А со мной, как голос крови,
Будет чувство долга...
Здравствуй, Беркут Приднепровья!
Здравствуй, Сокол с Волги!

Четыре дня, четыре ночи

Есть дни такого просветленья,
Когда слова «вражда» и «мечь»
Постыдны, словно преступленье,
Я не могу их произнести.

...Четыре дня, четыре ночи
Я слушал музыку вершин.
Кровь в сердце все еще клокочет,
Как будто подвиг сам свершил.

К их мужеству дерзанья, к счастью
Открыться, полному тревог,
Мне кажется, и я причастен
С бессонницей вот этих строк.

Взлетели с Лермонтовым в небо
И со священным словом «мать».
Им на планете нашей мне бы
Одно хотелось пожелать:

Влюбленным в звездный мир и солнце
Всей силою земных страстей,
Вовек пусть людям не придется
Стрелять в людей!

Мать космонавта

Анне Алексеевне Николаевой

Рука еще дрожит, грудь ноет глухо...
Не сняв платка, освободила ухо.

Прикладывает трубку, чуть вздыхая.
Над черною пластмассой прядь седая.

Секунда — словно час, минута — сутки.
А люди так заботливы, так чутки.

Налаживают связь телефонистки...
Вот голос наконец — родной и близкий.

«Анне!» — сказал он по-чувашски — «Мама!»
Впорхнуло слово птицей в сердце прямо.

Вступая в мир, во всех углах планеты
Мы первым произносим слово это.

Заветное он к звездам поднял слово
На крыльях сердца своего земного.

Речь матери, как песня, зазвучала,
Как будто колыбельку мать качала.

Не видя слез ее, глаз просветленных,
Он слушал, благодарный, умиленный...

Август 1963

Колыбельная Елене

Не Прекрасною Еленой,
Не в особый день и час,—
Родилась обыкновенной,
С угольками черных глаз.
Для меня же ты прекрасней
Всех троянок, всех Елен.
Спи, дочурка! Месяц ясный
У кремлевских светит стен.

Твой отец — чувашский Сокол,
Мама — русская твоя.
Высоко же — ой, высоко!
Поднялись мы, он и я.
Может, там была и качка,—
На земле бы лишь покой.
Спи, чувашечка-русачка!
Наши крылья над тобой.

Папа — с Волги, мама — с Волги,
Родилась москвичкой ты.
Жить тебе век долгий-долгий
И исполнить все мечты.
Вырастай же смелой, сильной,
Чтоб гордилась вся семья.
Для меня ты всех красивей.
Спи же, звездочка моя!

Вода

В каких песках, в какой пустыне
Ты не бродил, народ родной!
Не зря мы говорим доньше:
«Живет он славно, он — с водой».

Я вижу в этой поговорке
Твой путь нелегкий, долгий путь.
Ты не мирился с долей горькой
И не хотел жить как-нибудь.

Вода! Она влекла, манила.
Истоки — в глубине веков.
Ты с берегов, быть может, Нила
Дошел до волжских берегов.

Большие водные просторы
Не раз тебе пришлось пройти:
И реки были, и озера,
И море было на пути.

Но слышу, слышу по сей день я:
«Живет он славно, он — с водой».
...Какой простор для размышленья,
Родное слово, мне с тобой!

1964

В лесу

Август. Кончилась росная ночь.
Заалел палый лист на суглинке,
И листки земляники — обочь
Чуть приметной забытой тропинки.

Лес притих. Птичьим песням конец.
И кукушка, видать, улетела.
В чьем гнезде рос кукушкин птенец?
Это ей знать... Какое мне дело?

Ландыш, чудом весной уцелев,
Смотрит весело ягодкой алой.
Над пеньком клен зовет нараспев:
«Посиди-ка ты, путник усталый...»

Ладно. Сяду. Пора отдохнуть.
В самом деле в пути притомился.
Тяжесть, горечь обид, жгущих грудь,—
Все — как сон, что под утро приснился.

1964

* * *

Опять, опять я одолел недуг
И радуюсь, что дух мой им не сломлен,
Что живо сердце и что мир вокруг
Все так же ярко, празднично, огромен...
Вон в поднебесье, тучки серебра,
Сверкает месяц над росистым лугом,
Как ноготь Улыпа-богатыря¹,
Обрезанный иль знахарем иль другом.
У тех, кто злой хворобой скручен был,
Ногтей не обрезали наши деды,
Так, значит, Улып, снова полный сил,
Шагает средь полей чувашских где-то...

1964

¹ У л ы п — легендарный чувашский богатырь исполинского роста.

Кукушка

Кукушка хореем скандирует «кú-ку!»,
Но вдруг обрывает на «ку» и молчит,
Как будто певица с привычной доукой:
А как, мол, сегодня мой голос звучит?

Потом она ямбом кукует задорно,
Опять обрывает, сомнений полна,
Но вот, осмелев, веселясь непритворно,
Анапестом звонко хохочет она.

Ну что за артистка! Игриво и нежно
За речкой звучит непрерывно «ку-ку!»...
Знать, предки-поэты учились прилежно
У менторов тех, что поют на суку.

1964

* * *

Стихи мои! Все, что угодно, --
Не пережить бы только вас.
Пусть ваш напор волной свободной
Обдаст меня и в смертный час.

Не потому, что я когда-то
С наивным вызовом юнца
Поверил в «яркую заплату
На ветхом рубище певца».

Не потому, что, к сожаленью,
Я — ваш поденщик, вы — мой хлеб:
Вернувшись пахарем в селенье,
Я вновь отдаться мог земле б.

Не потому... Не в том вопрос-то,
Что пашни нет, а есть тетрадь:
Без строк моих бессонных просто
Мне нечем было бы дышать!

1964

Береза Тукая

Простые люди из Тукай-Кырлая
Не так, конечно, были все просты.
Никто бы их не упрекнул, я знаю,
В отсутствии понятия красоты.

Душа народная всегда крылата,
Но многим — ох как многим! — крылья их
Карга-судьба калечила когда-то,
И меркли краски, глохли песня, стих.

А красота сливалась здесь с природой,
Помощницей в труде была она...
Я подошел к березе, что народом
«Березою Тукая» названа.

Она уже стара. Гласит преданье,
Что посадил березу сам поэт.
Другие говорят, что им был дан ей
Какой-то важный, клятвенный обет.

А третьи повествуют, что под нею
Стихи свои писал он... Все темно.
От прошлого давно легендой вест,
Ну, а березе это все равно.

Портрет Тукая под стеклом и в раме
Висит на сморщенном ее стволе.
Здесь запросто живет он с земляками,
Что видят хлеб поэзии в земле...

Я знаю в бронзе этого поэта,
Он мне в граните, в мраморе знаком.
Но больше тронула береза эта
Своим живым, всеобщим языком.

1966

Были мы, и есть, и будем!

Век за веком, вдаль шагнувшим,
Тащит мудрости багаж.
Ищут книжники в минувшем
Древний, трудный путь чуваш. .
Смотрим пристально вперед
И о прошлом нашем судим.
Мысль мне силы придает:
Были мы, и есть, и будем!

Человечество поэты
С лесом сравнивали — что ж! —
Лес разнообразен этот,
Оттого он и хорош.
Думали о нас враги:
«Выкорчем, свалим, срубим!»
Только руки коротки:
Были мы, и есть, и будем!

Неприязни не питали
Мы к соседям в старину,
Но по-своему назвали
Солнце, звезды и луну.
Ясен, словно свет в ночи,

Ум, присущий нашим людям.
И сердцами горячи,
Были мы, и есть, и будем!

Сей, выносливое слово,
В душах гордость — но не спесь!
Сквозь века пройти дано вам,
Чудо-вышивка и песнь!
С этой верой на земле
Самый долгий путь не труден.
В вере сила — как в крыле...
Были мы, и есть, и будем!

«Бедноват язык наш», — бросит,
Сморщив нос, иной чуваш.
Пусть презренье наше сносит
Верхогляд за эту блажь.
Жалок нищий дух таких.
Что ж тогда волнует грудь им?
Пусть сердца прожжет им стих:
Были мы, и есть, и будем!

На большом пути преграды
Одолев в труде, в борьбе,
Сам себе народ награда,
Сам и памятник себе.

Помня время бед и слез,
С клятвой землю поцелуем:
В зной, и в слякоть, и в мороз
Были мы, и есть, и будем!

Все его лишь мерой меря,
В годы тягот и невзгод
Я писал о светлой вере
В древний добрый мой народ.

Знаю, скажет он со мной:
«Одолев и мрак и сутемь,
Вечно на груди земной
Были мы, и есть, и будем!»

1966

* * *

«Не исчерпаешь Волгу ковшом!»...
Кто придумал присловье вот это?
Так найтись и сказать хорошо
Можно было лишь только поэту.

Ум народа и мощь языка
В поговорке коротенькой слиты.
По такому вот слову тоска
И сегодня душой не избыта.

1966

Семену Данилову

Якутский мой собрат и друг!
Я вспомнил о тебе на юге.
Сверкает Ялты полукруг,
А там у вас, быть может, вьюги.

И может, где-то в этот час
С ружьем ты бродишь и собакой.
Стреляешь, а стихов алмаз
Гранишь и на ходу, однако.

Судьба поэта нелегка:
Своим призваньем одержимы,
Ни в лес зеленый, ни в снега
Уж от него не убежим мы.

Поэт — судья и наших дней,
И будущего, и былого.
Сокровищ всех земных вечней
Граненное поэтом слово.

Таким я чувствую тебя:
Среди суровой ты природы,
Одним дыша, одно любя,
Творишь бессмертне народа.

Тебе всегда я сердцем рад,
В стихах, среди друзей встречая.
Люблю, как на старинный лад
Поешь ты песнь родного края.

К виску прижмешь ладонь свою,
И зазвенит твой голос чистый.
Так, видно, пели и поют
Сказители в снегах лучистых.

Мне чудятся в напеве том
Пути нелегкого движенья
И дым костров в краю пустом,
Народа самоутвержденье.

О эта жажда — быть всегда
Самим собой, навеки, прочно!
Какая дальняя звезда
Звала людей в тот край полночный?

Я понимаю их мечты,
О многом говорят те песни.
Но больше говоришь мне ты,
Как революции ровесник...

1967

Вяз

Проходя по улице знакомой,
Я гляжу с волнением каждый раз
На растущий перед новым домом
Необычно одинокий вяз.

Здесь была дорога. Рощей целой
Разрослись деревья по бокам.
Вот одно из них и уцелело,
И стоит нетронутым пока.

Покрывал асфальтом тротуары
Тут, наверно, добрый человек:
Пощадил он вяз, еще не старый,
И продлил его зеленый век.

Оградил он четырьмя досками
Сизый комель с четырех сторон:
Вязу ведь земля нужна, не камень,
Ливням теплым радуется он.

Кто же позаботился о вязе?
Как его зовут? -- Не знаю я.
Хочется благодарить, да разве
До него дойдет строка моя?

Может, нет давно его на свете,
Может, в дальнем он живет краю.
Все равно ему здесь шепчут ветви
Нежную признательность свою.

1967

* * *

Я все так же зимою и летом
Езжу: мне без людей одиноко.
Среди странствий по белому свету
В сердце строки коплю я до срока.

Длинен, краток ли путь — не прибавить.
Зорче будь, и ты станешь богаче,
Только надо в душе переплавить
Все, что видишь вокруг,— не иначе!

Жить спешу я в трудах и заботах,
А народ говорит: «Все едино,
Хоть спешу, остается работы
На три дня даже после кончины...»

О чуваш мой! Готов он трудиться,
Словно вол,— пока ног не протянет...
Знать, в пути суждено мне свалиться,
Иль она за машинкой застанет.

1969

* * *

Оставил сорок позади...
И пятьдесят!
И шестьдесят!
Но не сложил рук на груди.
Просеиваю зерна слов
И только те из них беру,
Что даже на крутом ветру
Остались в сите.
Срок придет —
Посею, зная, что взойдет.

1969

* * *

Иней, иней выпал в ночь,
Над водою пар...
Пожил. Знать, пора и прочь...
Ну, прощай, Хисар!

Буду помнить в час любой
Твой радушный кров.
Расставаться и с тобой
Горько — нету слов!

1969, Болгария, Хисар

* * *

Падает листва...
Я бреду едва,
Жилы — как из лык.
А ведь был джигит.
«Крепок! Туго свит!» —
Слышать я привык.
Жизнь — вся впереди!
Молодость в груди
Радугу зажгла.
Прибавляла сил,
Чтоб крылатым был.
Ей за то хвала!

1969, Болгария, Хисар

* * *

Какой-то римлянин давным-давно
На чьем-то надмогильном камне высек:
«Здесь, если и торопишься, постой!»
Тысячелетия строку не стерли,
И нынче я задумался над ней.
Мне, торопящемуся вместе с веком,
Пришло на ум, что, может, надо все же
Для передышки приостановиться,
Подумав, кое-что принять в расчет,
В огне, что человечество зажгло,
Одну заметить искорку — свою...
«Здесь, если и торопишься, постой...»

1969

* * *

Метель... Болгария! Родная!
Ты нынче далеко.
Перед тобой в долгу я, знаю,
И сердцу нелегко.
Закрою я глаза и вижу
Твоих небес простор,
И волны, что побережье лизут,
И склоны добрых гор.
А солнышко! Забыть нельзя мне
Ласкающих лучей:
«Ну, не хирей, смотри, не зябни...
Вот так! Держись бодрей!»
Метель... Все белой мглой одето.
Что ж, ведь пути земли
Когда-то нас через полсвета
На север привели.
Но с южной кровью нет покоя —
Вновь сердце берedit.
Тысячелетнюю тоскою
Оно горит, горит...

1969, Чебоксары



Поэмы





Дом в Горках

1

Покрыты инеем деревья.
На кровлях — снега пелена.
Простая русская деревня —
Навек запомнилась она.
Весь шар земной,
Все страны света
Ее названье обошло.
Дыханьем Ленина согрета,
Она хранит его тепло.
Тут в наши дни крестьянин каждый
Расскажет с радостью тебе,
Как Ленин выступал однажды
В простой бревенчатой избе.
И мраморной доской отмечен
Навеки день счастливый тот.
— Наш Ленин жив,
Наш Ленин вечен!
Он — с нами! — говорит народ.

Мы съехались в Москву с Кавказа и Памира,
С таежных быстрых рек, со всех концов страны.
И потянуло нас, борцов за дело мира,
К тому, чьей правдой мы сильны и сплочены.

Морозно. Сумерки. Уходит вдаль аллея,
И ели, пышные под снегом января,
В пахучей тишине теснятся, зеленея
И о бессмертии великом говоря.

Обширный этот парк вовеки неизменен.
И каждый уголок здесь полон Ильичем,
Как будто и сейчас живой проходит Ленин
И твоего плеча касается плечом.

Он летом приходил к зеленому пригорку,
Садился на свою любимую скамью.
На пахоту глядел Ильич и на уборку,
И думу думал он заветную свою.

Лежала перед ним Советская Россия.
Он видел: далеко, за синий край земли,
По самый горизонт шли полосы косые.
На ширь полей они заплатами легли.

Но Ленин занят был в ту пору не пейзажем.
Он видел нищету разрозненных дворов
И думал: «Если дать бы для начала, скажем,
Крестьянской бедноте сто тысяч тракторов!»

Избу, где по почам в светце лучина тлела,
Мечтал он озарить негаснущим лучом.
Его великий план мы претворяем в дело.
Какой гигантский путь начертан Ильичем!

За три десятка лет, в короткий срок, недаром
Полкарты мира свой переменяло цвет.
Гореньем Ильича, его душевным жаром
Навеки шар земной пронизан и согрет.

3

Вон дуб, Москвы ровесник, перед нами.
Ильич о нем заботился. Дупло
Заполнено цементом; обручами
Скрепили ствол, чтоб дерево росло.

На перекрестке двух аллей нередко
С рабочими совхоза в городки
Играл Ильич, прицеливаясь метко.
Его броску дивились игроки.

Зимою, в куртке меховой короткой,
С ружьем в свободный час он уходил.
В аллеях парка легкою походкой
Он с маленьким племянником бродил.

4

Нескладного «роллс-ройса» кузов древний
Разглядываем долго в гараже.
У нас не только в городе — в деревне
Теперь таких не встретите уже!

О, если б мог своим орлиным оком
Хоть на мгновение увидеть Ильич,
Как сходят нескончасным потоком
С конвейеров «Победа», «ЗИС», «Москвич»,

Как движется в полях электротрактор,
На стройках — экскаватор-великан,
Как в наши дни стал жизненной правдой
Начертанный его рукою план!

*

А вот и лодка Ленина.

Подолгу

Он греб, и равномерный плеск воды
Ему напоминал, быть может, Волгу,
Прибрежные обрывы и сады.

Всплывал перед глазами город старый
С разноязычной, пестрою молвой.
В Симбирске жили русские, татары,
Ютились рядом чуваша с мордвой.

О многом говорило их соседство.
Глумление над ними, их нужда
Ему запали в душу с малолетства
И в памяти остались навсегда.

Питал он отвращенье к темной силе,
Что безраздельно властвовала тут.
Он возмущался тем, что пол-России
С презреньем «инородцами» зовут.

И «инородец» Яковлев¹ немало
Познал гонений на пути своем.
Зато в семье Ульяновых встречал он
Сердечный, теплый, дружеский прием.

¹ Иван Яковлевич Яковлев (1848—1930) — выдающийся просветитель чувашского народа, педагог, общественный деятель, создатель чувашского алфавита и письменности.

Нам телеграмма Ленина знакома.
О Яковлеве помнил он всегда.
Высоко оценил Предсовнаркома
Полвека беззаветного труда.

...Тянулось жадно к свету наше племя,
Из тьмы бесправья выбиться спеша.
Ильич еще был юношей. В то время
Он обучал наукам чуваша¹.

Об этом память не умрет в народе.
Но ты не знал, учитель мудрый наш,
Что сына, в честь Ульянова Володи,
Решил назвать Владимиром чуваш.

На бой с неправдой выходил ты смело,
Всегда клеймил насилие и зло.
И ненависть к царизму в сердце зрела,
Стремление к свободе в нем росло.

В борьбе прошли года. Оковы рабства
Разбила нашей партии рука.
Ты всех народов равноправных братство
Провозгласил впервые на века.

5

При входе в дом нам душу озарило
Незримое присутствие вождя.
За эти деревянные перила
Держался он, по лестнице всходя.

¹ Будучи гимназистом последних классов, В. И. Ленин подготовил на аттестат зрелости чуваша Никифора Михайловича Охотникова.

Балкон глядит в притихший парк.

Не здесь ли,

Шутя над предписаньями врача,
Сидел Ильич в плетеном белом кресле?
Вот перед нами кресло Ильича.

6

...Надежда Константиновна по дому
Проходит, неустанно хлопоча,
Заботливо читает вслух больному,
Оберегает отдых Ильича.

Ей детский дом прислал письмо из Вятки.
Как взрослые, в те памятные дни
О Ленине тревожатся ребята,
Хотят вождя порадовать они.

Проникнуто любовью беспредельной
Письмо.

И сквозь музейное стекло
Глядим на их подарок самодельный
И ощущаем детских рук тепло.

7

...Взглянешь — и картина оживает.
На столе синеют васильки.
Крепкий чай в стаканах остывает,
Вдаль поля уходят, широки.

Вся страна видна как на ладони —
До того прозрачен оком!
Это Ленин с Горьким на балконе
В летний день беседуют вдвоем.

Тот язык для мира драгоценен,
На котором Горький наш творил,
На котором сам великий Ленин
С трудовым народом говорил.

8

У его рабочего стола
Мы стоим в просторном кабинете.
Ленинская мысль исток брала
Здесь,
 пускаясь в путь по всей планете.

Здесь он диктовал свои статьи.
Комнату обводим долгим взглядом.
Книжка Джека Лондона,
 «Мои
Университеты» с нею рядом;
На стене обычный календарь
С чеховским портретом...
 Сердце сжалось:

Здесь на веки вечные осталось
Двадцать первое число, январь.

И, отмечен этой скорбной датой,
Пожелтел несорванный листок.
Но душе не свыкнуться с утратой...
Ленин!..

 Ленин умереть не мог!

Мир

 его великой правдой крепок.
В ней — вся наша сила и судьба.
...Зимней ночью этот белый слепок
Снял ваятель с выпуклого лба.
Скорбным нескончаемым потоком
Двинулся народ под свист пурги.

Проторили путь в снегу глубоком
Многочисленные шаги.
Позабыв о стуже и метели,
В ночь глухую, не смыкая глаз,
Люди шли сюда.

Они хотели
На вождя взглянуть в последний раз.

9

И вот, качаясь, этот гроб тяжелый
У миллионов на плечах поплыл.
Его несли и города и села.
Весь шар земной охвачен скорбью был.

Повсюду смолкли голоса людские.
Лишь хор гудков, тревожно-величав,
Звучал над всей землей, над всей Россией,
Провозгласив бессмертье Ильича.

И партия великая клялась
Хранить святыню ленинских заветов,
И с нею клялся весь рабочий класс
Бережь свою Республику Советов.

10

Сейчас, народов равноправных дети,
Мы собрались в Москве, чтоб сообща
Вести борьбу за мир на всей планете.
А дело мира — дело Ильича!

Посланцы дружбы, мы слились в едином
Порыве —

братъев крепче не сплотишь!
С корейцем, русским, чувашом, румыном
Плечом к плечу стоят поляк, латыш.

...Здесь Ленина любимая аллея.
Пушистый снег на елях голубых.
Я видел их сестер у Мавзолея
Гранитного, у стен Кремля седых.

Могущество родной моей державы
Походит на незыблемый гранит.
И ель, как символ жизни величавый,
В себе приметы Родины хранит.

На свете равных нет моей отчизне!
Она — труда и мира бастион.
И каждую минуту нашей жизни
Мы — с Лениным и с нами вместе — он!

Моя Россия

1

Буря мглою небо кроет...

А. Пушкин

...Россию Пушкин мне открыл.
Когда окно с одною рамой
Напоминало глаз бельмастый
И в дверь, обитую рогожей,
Заиндевавшую в мороз,—
Чуть приоткрой ее — врывался
Клубами воздух ледяной,
А в еле видной из-под снега
Печной трубе выл ветер выюжный,
Мне чудилось: живет на свете
Волшебник-мастер, что умеет
Из этой стужи неуютной,
Из вихрей, льда и снега делать
Слова прекрасных чистых песен,
Сверкающие, как алмаз...

В бураны непроглядной ночью,
С поземкой, с ошалелым свистом,
Чтоб путнику не заплутать,
Бил в колокол церковный сторож.
Во тьме далеко звон унылый

Летел в заснеженное поле.

Бил с передышками звонарь:
Ударит раз, другой... десятый
И ненадолго замолчит.
В тот самый миг в моей груди
Как будто что-то обрывалось,
По коже пробежал озноб,
В огромном мире человек
Казался жалким, беззащитным
И неустроенным созданием.

Мать, сидя за гудящей прялкой,
Заслышав колокольный звон,
Придерживала колесо,
В окно глядела и вздыхала:
«Ах, боже наш! Пускай никто
Со следа не собьется нынче,
Пусть не свернет с дороги конь,
Пускай гужи не оборвутся...»

А в книге, на столе белевшей
Под тусклым огоньком мигалки,
Такая же крутилась вьюга,
В сугроб кибитка зарывалась,
Возница заставлял коней
Месить глубокий рыхлый снег,
И полосатые столбы,
Пред взором седока мелькнув,
Во мгле тотчас же пропадали.
Он слышал песни ямщика,
То грустные, то удалые,
И, одинокий, ехал, ехал...

Куда, зачем спешил в пургу
Ездок, сумевший растопить
Кипучей кровью африканской
Лед северной унылой скуки?
Что там искал он? Что пленяло
В просторах русских бесконечных

Воображение его?
Что б ни было — его удел,
Его судьба неотразимо
Влекли мой отроческий ум,
И думал тайно я в тиши:
«Мне с ним бы в дали снеговые...»
Он для меня был всей Россией!

2

Я Пушкин просто, не Мусин.

А. Пушкин

Жил в тридцати верстах от нас
В селе Безднѣ какой-то барин.
Не помню имени его,
Но в этом нет большой беды.
Я слышал, что лет сто назад
Селенье русское с названьем,
По ближней речке кем-то данным,
Считалось вотчиною графа
Мусина-Пушкина. Его-то,
Как сказку страшную, поныне
Односельчане не забыли.

Случилось так, что крепостной
Антон Петров, мужик бесстрашный,
Округу поднял на восстанье.
Селений сто, а то и больше
Пошло за смелым вожаком.
Прослышав о безднинском бунте,
За вилы и за топоры
Взялась повсюду беднота.
«Антон,— кричали,— знает правду
О нашей воле, о земле!
Он царский манифест читал!
Земля за нами! Спину гнуть

На бар не станем больше! Хватит!
Пришла, ребята, к нам свобода!»
Так гомонила голытьба,
И ополчались на господ
Деревни, волости, уезды.

Жестоко генерал Апраксин
Мятеж крестьянский подавил.
По безоружным мужикам
Войскам он дал приказ стрелять,
Колоть их пиками, рубить!

Кололи, вешали, секли...
Петров был схвачен. Без суда
Для устрашенья бунтарей
Его на месте расстреляли.
Свершилась казнь, но разве можно
Убить народную мечту,
Засечь народную надежду?!

В туманном Лондоне гремел
Набатный «Колокол». Европу
О зверствах Герцен известил.
Конечно, этот дальний звон
Не слышали односельчане,
То был бесписьменный народ.
Но не забыт «Андун Петрух».
От поколения к поколению
У нас передавалась повесть
О смелом русском человеке:

«По-разному в России жили...
Бездна вон... Барские крестьяне
Погорше нас хлебнули горя!
Менял их барин на собак,
Проигрывал и продавал,
Невест крестьянских он бесчестил...
Не захотел смельчак Андун
Сносить позор, не пожалел
Своей удалой головы,

Сложил ее за мир крестьянский...»
Вот шли к нам отзвуки какие
От бурь, гремевших над Россней.

3

Понятна мне времен превратность.

А. Пушкин

Домой по Волге возвращаясь,
Бездну́ я проезжал не раз.
Деревню эту в честь Петрова
Антоновкой теперь зовут.
Остался в памяти людей
Вожак крестьянский. Читит народ
Своих героев беззаветных.

Высоким тыном от соседей
Чувашский мир не отделялся.
Ходили земляки мои
По всей России необъятной.
В приволжских городах торговых
Кипели страсти; чистоган
Владел сердцами их степенств...
Обман, мошенничество, взятки...
Из всех губерний мужики
Тянулись к волжским берегам.
Они раскрашенные ложки
Несли на шапках: так виднес...
Харчи хозяйские, а сила
Твоя — валяй, тяни, бурлак!..

Неподалеку от Бездны́
Есть русская деревня. Ею
Владел помещик Арыстух —
Так наши деды называли,
А как по-русски звался он,
Наверное, никто не вспомнит...

Бывало, в праздник старики,
Родни обширной патриархи,
Народ веселый, башковитый
И острословы хоть куда,
Любили под хмельком шутить:
«Теперь бы к свату Арыстуху
Не худо было бы заехать,
Еще разок попить!»
Коль удивлялась молодежь,
Мол, как же так — помещик, барин
И вдруг простым крестьянам сват,
Так старики им говорили:
«Про то вам невдомек, конечно,
Да мы и сами это знаем
Со слов давно умерших дедов:
Из русских наша прапрабабка.
Да, да, сынок, не позабудь!
Мать рода нашего большого,
Хранительница очага,
Была из крепостной семьи,
Принадлежавшей Арыстуху.
Сто с лишком лет жила она,
Сурбан носила, как чувашка,
Богам чувашским поклонялась
И говорила по-чувашски
Свободно, как вода течет...»

Россия, древняя загадка!
Могучая лихая сила!
Как разгадать, понять тебя?
Спасибо бабке-россиянке!..

Чуваш, как перекасти-поле,
Носился некогда по свету.
Он, видно, был из беспокойных,
Коль занесло его в Казань...
Как долго прожил там земляк,
Счастливо или несчастливо —

Кто знает! Но как раз в Казани
Сумел он русскую пленить,
Вернулся с ней в свое село
И прозван был у нас *К а з а н е ц*.
Пристала крепко эта кличка:
Когда в том надобность была,
Он и писался *К а з а н к о в*.
Род Казанковых разрастался,
И нынче нас уж полсела.
В дни возрождения народа,
Когда в истории впервые
Мы в автономии чувашской
Хозяевами стали сами
И жизни и судьбы, решил я
Назваться на чувашский лад.
Казань по-нашему — Хузан,
Так Казанков стал Хузангаем...
Перед тобой в долгу я, Русь.
Когда и как я расплачусь?!

4

Дела давно минувших дней...

А. Пушкин

Кто скажет, русская прабабка,
Как выглядела ты? Никто!
Картин с тебя не рисовали,
Не помнят, где твоя могила,
И даже имени не помнят...
Да. Не дворянкой столбовою
И не из княжеских хором —
Была ты дочкой хлебороба
И вместе с барыней своею
Попала, говорят, в Казань.
Ты не смотрелась в зеркала:

Прислуживая госпоже,
С нее ты не спускала взора.
Проворной, точно трясогузка,
Была ты, и любое дело
Горело у тебя в руках.
Но душно сердцу твоему
В покоях барских, видно, было —
На волюшку рвалось оно...

Голубоглазая девчонка
С ковыльной толстою косою,
Ты как-то выбежала в сад
И встретила там парня. Тот
Был смуглолицый и курчавый,
Сияли черные глаза.
Был скромн молодой чуваш,
По-своему любезен, вежлив,
Немного говорил по-русски,
Вид городской имел: не лапти
У парня были на ногах,
А сапоги, пусть из дешевых;
На плечи юноша накинул
Кафтан фабричного сукна
С борами; спереди виднелась
Расшитая его рубашка...
Купцом заправским стать — нет денег,
Холопом у купца — обидно...
Взглянул на девушку чуваш
И вздрогнул: синие глаза
Влекли его к себе, как омут,
Крутящийся бездонный омут,
Что по весне на быстрине
Реки разлившейся увидишь.
«Эх, утону так утону!» —
И он заговорить решился...
Что в голосе его в тот день
Тебе слышалось и что

В глазах его продолговатых
Блестящих, черных, точно уголь,
Ты разглядела — мне ли знать?!

Тогда чугунка не ходила,
Не слышно было пароходов,
Но все-таки однажды ночью
Не то пешком, не то в телеге
Поспешно пара молодая
Прочь из Казани подалась.
Все дальше белостенный город.
Поди настигни беглецов!..

Что заставляло чуваша
В избу курную возвратиться?
Что потерял он? Что искал?
Во что поверив, ты пошла
За этим черноглазым парнем
Навек из города большого
В далекий край, в медвежий угол,
В деревню тихую лесную,
К язычникам, прабабка наша?
Никто об этом не узнает.
Известно у чуваш присловье:
«Живет в нас то, что нас сильнее...»

Сыграли свадьбу по старинке
И молодых благословили:
«Срок первой ночи — сорок лет...
Вдвоем вам лечь — троим подняться!..»

Красивых дочек и сынов
Рожала русская невестка,
Кровь рода с нею обновилась.
Могучие дала природа
Ей чресла; через каждый год
Целебным сладким молоком,
На зависть бабам, наливались
Большие груди молодайки,
Похожие на два ковша,

Что опрокинуты вверх дном.
Она рожала в пятьдесят
И больше века прожила!

Издавека ее детишек,
Светлоголовых, сероглазых,—
Полуславян, получувашей,—
От прочих отличали. Все же
Они смуглели, подрастая...

Согласью этой дружной пары
Недаром удивлялись люди:

Они оставили на свете
Потомков крупных и горячих —
Наездников неутомимых,
Охотников и рыболовов,
И бортников, и землепашцев,
И плотников, и кузнецов.

Когда же наступало время
Садиться на казенный хлеб,
Шли эти парни в гренадеры...
И музыкантов, и певцов,
И сказочников-фантазеров
Всегда у нас в роду хватало!

Прабабка, русская душа!
Осталось ли во мне немного
Той крови, что текла в тебе?
Хоть синь очей твоих славянских
В глазах потомка не сверкает,
Но в жилах у меня, наверно,
Есть несколько горячих капель
Твоей неугомонной крови;
Они, быть может, и родили
Огонь неуголимой жажды,
Влекущей сердце в путь-дорогу,
Чтоб видеть с каждым днем все больше
И на земле и в небесах...

О безымянная, простая

Красавица из неприметной
И тихой русской деревеньки!
Давно хотел я посвятить
Тебе нежнейшую из песен,
Хотел я словом воссоздать
Черты, в сердцах еще живые:
Ты тоже для меня — Россия!

5

...И назовет меня всяк сущий в ней язык.
А. Пушкин

Республика моя на карте
Напоминает сердце: к югу
Направлена его верхушка,
На севере — аорта — Волга.
Минуло не одно столетье
С тех пор, как бьется небольшое,
Но чуткое к добру и злу,
Отзывчивое сердце это
С великодушным и открытым
Российским сердцем в унисон...

Я был в селенье, чье названье
Взял как фамилию себе
Великий следопыт Востока,
Чувашского народа сын,
Китаевед монах Бичурин.
Да, тот Бичурин Иакинф,
Друг Пушкина и декабристов,
Бунтарь и вольнодумец в рясе.
Бичурино почтило память
Славнейшего из земляков
И пригласило в день столетья
Со дня кончины Иакинфа
Писателей, ученых наших.

Здесь, впрочем, мало кто слышал
Его монашеское имя,
Всегда тут люди называли
Односельчанина по-свойски —
Никита Яковлевич: так
В миру ученый схимник звался.
В селенье с гордостью великой
Из поколения в поколение
Передавалось, что в столице,
В далеком Питере, есть свой —
Бичуринский — мудрец и книжник...

 Был летний вечер. В сельском клубе
Уже прослушали доклад,
И высыпали все на площадь,
Где будут песни и стихи:
Желающих послушать много,
Клуб не вместит и треть из них.

 По малым рекам, по оврагам,
Сквозь рощицы и сквозь дубравы,—
Поверх дубов, выдавших виды,
Встречавших все без удивленья,
Вершинами едва кивнув,—
К нам с ветром тихим и прохладным
Дыханье Волги доносилось.
И я по-странному был полон
Всем пушкинским: вон на плоту —
На виселице — пугачевцы
Плывут вниз по реке... Три тела:
Два русских и старик чуваш,
Как описал поэт... А здесь,
В Бичурине, он побыл сам:
Ему на станции почтовой
Сменили лошадей, и дальше —
В Казань — его умчала тройка.
Мне слышался звон бубенцов,
Но с ним смешался звон кандалный:

Через Чувашию давно уж
«Владимирка» шагнула вдаль;
По ней прошли и декабристы.
Как говорят, заночевали
Они совсем недалеко —
В тюрьме цивильской пересыльной...

Да, полон Пушкиным я был.

И в это время по-чувашски
Послышались слова поэта:
«Юлдажым, шан...» — «Товарищ, верь...»
То коренастый восьмиклассник,
Сверкая черными глазами,
Свободно, смело, вдохновенно
Продекламиривал стихи.

И вспомнилось мне тут, как сам я
Зимой, в буран, в лачужке темной,
Мечтая о путях далеких,
Листал страницы, спотыкаясь
О незнакомые слова...
Ну что же! Труден первый шаг.
А я шел ощупью средь ночи,
И лишь белки глаз лиценста,
Искрясь, сверкали мне навстречу,
Как синеватый снег в бору.
Их чистый свет пронес я в сердце,
Преодолев преград немало,
Чтоб этот деревенский мальчик,
Читающий самозабвенно
Мой перевод стихов бессмертных,
Смог сделать все, что я не смог,
А может, просто не успел:
Путь бесконечен, жизнь одна,
И нет предела совершенству...

Иди! Идущий путь осилит.
Дерзай! Ты тоже сын России.

Под небом Африки моей...

А. Пушкин

Передо мною фотоснимок,
Что сделан в пятьдесят восьмом
Незабываемом году.
В Ташкенте солнечном тогда
На многих языках земли
Гремело «Африка» везде
И «Азия» звучало всюду.
На этом снимке трое: слева
Татарский мой собрат и друг,
Я справа, а посередине
Курчавый африканский парень
Из Камеруна. Пусть простит
Поэта юный камерунец,
Коль доведется прочитать
Ему вот эти строки, но
Подростком выглядит он, право,
В сравненье с нами. Не забыл
Я имени его, однако
Пока не стану называть...
Он, невысокий, точно вырос,
Когда заговорил с трибуны
И речью умной и горячей
Зал без остатка захватил.
Как гром, овация гремела,
Мы аплодировали стоя.
Но главное не в том. Друг другу
Дарили книги мы, и мне
Случилось с ним разговориться.
Вот тут и подоспел фотограф...

В беседе Пушкин был помянут,
И африканец мне сказал:
«Счастливец вы, доступны вам
Творенья этого поэта

На языке его родном;
Как жаль, что с ними я знаком
Лишь по французским переводам:
Ведь нам он — близкая родня,
Себя назвал он африканцем.

«Ему дал кровь я неплохую!» —
Мой континент сказать бы мог.
Прочешь его не в переводе —
Одно уж это заставляет
С годами русским овладеть...
Да, россияне, вы счастливы...»
Я камерунцу подарил
«Дом в Горках» — маленькую книжку.
Лишь переводчик наш умолк,
Друг поднял тонкий палец. «Ленин?»
«Так. Ленин», — отвечаю я
И вижу, как глаза у негра
Сверкнули радостным огнем.
Он бережно подарок принял,
Перелистал, едва касаясь,
Страницы первые и снова
Задумчиво промолвил: «Ленин...»
Он понимал, конечно, кто нам
Открыл мир разума и солнца,
Мир светлый, пушкинский...

Россия,

И желтый материк и черный —
Все смотрят на тебя с надеждой!
И счастлив я принадлежать
Отчизне тех, чьи имена
Прославили ее навеки.
Горжусь тобой, страна моя!
Куда ни брось меня судьба,
Какое имя ни носи я —
Я твой, Советская Россия!

Семья Аптраман¹

Род

Всякий знает: Аптраманы —
Плодовитый, старый род.
Счет я им вести не стану:
Много времени займет.

Сто семей, никак не меньше,
Есть с фамилией такой.
Полк мужчин, а сколько женщин
Уходило в род чужой!

Аптраманы у народа
На виду и посейчас.
«Густокровная порода!» —
Говорят о них у нас...

Наш земляк не из богатых, —
Злой подвох, своя судьба ль, —
Четверть века был в солдатах
И принес домой медаль.

¹ Роман в стихах «Семья Аптраман», в котором насчитывается около 10 000 строк, — многоплановое произведение о жизни чувашского народа в 1940-е годы. В настоящее издание включены главы, в которых изображается главным образом судьба одного из сыновей Илле Аптрамана — Эндри.

Ту медаль герой Кавказа,
Как, бывало, обещал,
Внуку с родственным наказом
Перед смертью завещал.

Как же стал наследник важен,
Как медаль свою берег!
Я видал ее и даже
Надпись помню назубок.

Что та надпись означала,
Не открылось никому.
В ней «Не нам, не нам,— стояло,—
А имени твоему...»

И не смог бы тут помочь нам
Даже сам геройский дед.
Знал по-русски он «так точно»,
«Ваше бродь» и «никак нет».

И сошел старик в могилу,
До конца не распознав,
Чья, какая злая сила,
Кем придуманный устав

Обкорнали жизнь простую,
Парня сдвинули с земли,
А потом и боевую
Славу в корне подсекли.

Что бы мог кружочек медный
О солдате рассказать,
Коль во всей округе бедной
Не умел никто читать?..

А герой с людьми жил в дружбе,
Подносили — выпивал,
О своей солдатской службе
Часто песню напевал:

«Ай-хай-ах, Кавказ, Кавказ!
Занесла недоля нас.
Снизу камни, сверху — снег,
Становись-ка на ночлег!
На Кавказе мы бывали,
Мы и там не унывали!

Ай-хай-ах, солдат, солдат!
Чем пред богом виноват?
Штык не тронет — трость доймет,
Трость не тронет — штык проткнет,
Все равно нам пропадать,
Так чего же унывать!..»

Так певал солдат бывалый,
Осушив до дна стакан.
«Ан аптра!» — не унывай, мол.
Вот и стал он Аптраман.

Но иные говорили:
«Самый первый Аптраман
Жил, когда еще был в силе
Император Барабан».

Так в насмешку Бонапарта
Окрестили мужики,
Услыхав, с каким азартом
На Россию шел в штыки.

Языкасты деды были
И не робки: в грозный час
Над врагом они шутили...
Но пора и за рассказ.

Тем же слушателям рьяным,
Кто уж очень хочет знать,
Где, мол, корень Аптраманов,
Я могу совет подать:

Вы прислушайтесь под вечер,
Как на бревнах среди селян
Будет речь держать Хеведер,
Ныне старший Аптраман.

Впрочем, так или иначе,
Жди ее или не жди,
Раз я повесть эту начал —
Эта встреча впереди.

Как бы люди ни судили,
Кто бы что ни говорил,
Без владельцев нет фамилий —
Аптраман исконный жил!

А пока сказать я вправе
То, что знает целый край:
Род их древний в прежней славе,
Жив девиз «Не унывай!».

Он в сердцах у них и ныне.
Диво ль, что такой народ
В стужу в поле не застынет,
В бездорожье путь найдет.

И солдатами гордится
По заслугам этот род:
Штык таких, мол, побоится,
Пуля-дура не возьмет...

Им и с турком повстречаться,
И с японцем довелось,
И с германцем... Да, признаться,
Многим солоно пришлось.

Отличались Аптраманы
И в гражданскую войну:
Гнали белых к океану,
Постояли за страну.

Кое-кто бежал из плена,
А иные брали в лоб,
Увязая по колено
В смрадной тине, Перекоп.

И в артели постоянно
Их приходится хвалить:
«Кто там в поле? Аптраманы?
Ну, порядок, стало быть!»

Дед Хеведер, как известно,
Ныне старший Аптраман.
Он рассказчик интересный —
Много видел ветеран.

До сих пор жива-здорова
И старуха Сабани.
Век прожив, недобрым словом
Не обмолвились они.

Молода была, так силы
Не жалела кинемей¹,
В три ведра она носила
Воду в избу — только пей!

¹ К и н е м е й — почтительное обращение к старой женщине.

Дед и сам не тратил даром,
Как пришел со службы, дни.
Не сыскать дружнее пары,
Чем Хеведер с Сабани.

И детей они взрастили
Им самим во всем под стать.
Сыновей переженили,
Стали дочек выдавать.

Средний дом, а выдавали
Без особенных хлопот:
Аптраманов всюду знали —
Работающий, мол, народ.

И теперь как дед наш древний
Вдоль по улице пройдет,
Так ему от всей деревни
Уваженье и почет.

А старушке доведется
Появиться — то и знай
Ей навстречу раздается
«Азанне» и «кугамай»¹.

Так, согласно четою,
И живут они в селе.
С ними старший сын с семьею
Средний Аптраман Илле.

По летам и сам он дедом
Мог давным-давно бы стать.
Наложили годы, беды
На него свою печать.

¹ К у г а м а й — бабушка по матери.

Белых ниточек без счета
К первой ранней седине
Поприбавила забота
И у тетки Кулине.

Надо думать, что не сладким
Было теткино житье.
Слышал «семеро по лавкам»?
Ну, так это про нее.

Колыбель ногой качала,
А рукой сучила нить...
Так вот с самого начала
И пришлось крестьянке жить.

Да, семь раз страдала баба,
Семь родин перенесла,
И хоть жалобу когда бы
На судьбу произнесла.

Всех бы вырастила тетка
Милых деточек своих,
Да болезни... В срок короткий
Схоронить пришлось троих.

Вспоминая деток милых,
Как металась Кулине!
Это горе научило:
Берегла живых вдвойне.

Все снесла землячка наша.
Годы шли, и подросли
Трое братьев и Наташа,
По-чувашски — Натали.

Доля матери жестока,
Что ты там ни говори.
Грустно Кулине: далеко
Сыновья — Кервень с Эндри.

Кстати скажем тут, что первый —
Обладатель двух имен:
Он Кервень, и он же — Герман,
Как попом был наречен.

Вот о них, о взрослых детях,
Мать страдает день и ночь.
Беспокойно ей на свете,
Хорошо, что с нею дочь.

С ней и младший — радость дома,
По-семейному Палля...
Ну, теперь тебе знакомы
Все друзья мои, земляк!

*

Терпеливый мой читатель,
Коль устал — передохни.
Иль постой, узнай ты кстати,
Чем же заняты они.

Герман вуз в столице нашей
Год назад окончил. Он
Пишет книгу о чувашах.
Всем на днях прислал поклон.

Он здоров, живет исправно.
Недоволен только дед.
Деда сильно внучек славный
Огорчил на склоне лет:

Взял фамилию другую,
Знать, не впрок ему талант!
На селе о нем толкуют,
Герман стал, мол, аспирант.

«Вот Эндри — другого склада,
Всем-то в деда мальчуган...
Где теперь моя отрада,
Где наш младший Аптраман!»

А пока о нем здесь тужат,
Самый главный мой герой,
Мой Эндри, прилежно служит
В Красной Армии родной.

Срок призыва на исходе,
Служба близится к концу,
Но все медленнее вроде —
Так сдается молодцу.

Для такого нетерпенья
У бойца причина есть.
Взвесь, читатель, положенье:
Парень — там, девица — здесь.

Вести весть летит навстречу:
Пылки юные сердца...
И сейчас, в субботний вечер,
Ждет солдат мой письмеца.

Вот дождался. Отделенный
Говорит ему: «Пляши!»
Шутка — шуткой, но влюбленный
И сплясал бы от души...

И конверт знаком, и почерк...
Угодил ты парню, друг:
Ровный бисер этих строчек —
Дело маленькой Верук.

Льется свет из глаз солдата,
Счастье светится само.
Вскрыл конверт, увидел дату,
Углубляется в письмо.

«Незабвенный друг Эндри!
От души тебе привет.
Чтоб скорей послать ответ,
Нынче встала до зари.
Без тебя мне, верь не верь,
Скучно сделалось теперь.

Даже ласточки весной,
Чуть дождавшись теплых дней,
Из-за гор, из-за морей
Возвращаются домой,
Журавли летят, трубя,
А когда ж дождусь тебя?

Хорошо теперь в саду,
Много яблонь зацвело.
Все вокруг белым-бело...
К новым яблокам я жду
Возвращения твоего.
Только ждать-то какво!

Коль удержишься в пути,
Спелых яблок для тебя
Сохраню я в отрубях.
Только вкус у них, учти,
Будет все-таки не тот:
Аромат их пропадет...»

Так Верук писала другу.
А строкою ниже шло
Разное про всю округу
И родимое село.

Шутку деда Сар-Микеня
Не забыла передать:
Коль садов наряд весенний
Пышен, свадеб надо ждать.

На судьбу свою не сетуй,
Если есть дружок-солдат.
Цвет — хорошая примета:
Будет осенью назад.

А еще про Яганата,
Про другого старика,
С кем Эндри дружил-когда-то,
В том письме была строка.

Пчеловод, ребят любимец,
Был на выставке в Москве,
Каждому привез гостинец,
И уже недели две

Ходят на его рассказы
На селе и стар и млад,
Что ни день — рассказ: не сразу
Повторится Яганат.

Но, пожалуй, интересней
Всех историй старика
Им же сложенная песня
О Москве — «Москва-река»...

О себе писала мало
Другу скромная Верук,
Но письмо напоминало
Про родимый бор и луг,

Про стволы обочь тропинки,
Золотые от зари —
Пред собой, как на картинке,
Увидал их вдруг Эндри.

Но не стал солдат печальней,
Хоть, как зов гусиных стай,
Поманили строчки в дальний,
Горячо любимый край.

Письмецо Верук лекарство
От тоски в себе несло:
Простодушное лукавство
И душевное тепло.

Дом

То село, где обитает род
Аптраманов, земляков моих,
Как и все — пока из небольших,
Но теперь растет из года в год.

Старое название Ярмухаль
У народа нынче не в ходу,
Нынче речь о чкаловцах ведут.
Прошлого тут никому не жаль.

«Чкалов» в память летчика назвал
Свой колхоз с любовью сам народ.
И артель стремится свой путь вперед,
Словно сокол крылья людям дал.

Ход событий, впрочем, был иной:
Так артель назвали земляки,
Получив угодыя Ярмухи
И почуяв крылья за спиной. .

Крылья распахнулись широко
И, хоть часто крепкий ветер дул,
Все-таки в сороковом году
Чкаловцы взлетели высоко.

Молодежи не с чем и сравнить
Жизнь свою — счастлив наш молодняк —
Сделать это может лишь бедняк,
Что успел за сошкой пот пролить.

Он владел полоской горевой.
Ту полоску, гаркнув во весь дух,
Мог легко перелететь петух,
Деревенский щеголь удалой...

Только по-иному мы хотим
Полететь, не правда ль, пареньки?
Нет, не зря гордятся земляки
Знаменитым тезкою своим.

Чуть закат поля позолотит,
Малышей домой зовет народ.
Выйди и послушай у ворот:
Здесь «Валерий!» чаще всех звучит.

*

То гнездо, откуда Аптраманы
Разлетелись по лицу земли,
Долго я описывать не стану:
Сами вы в подобном жить могли.

Ведь в любой чувашской деревеньке
Есть теперь точь-в-точь такой же дом:
У крыльца три желтые ступеньки,
Новая скамейка под окном.

Три окна на улицу выходят,
Два — во двор, еще одно в сених.
Солнцем блещут стекла на восходе.
Окна не глухие — на петлях.

Вдоволь в доме воздуха и света,
Славно пахнет в горнице смолой,
На стене семейные портреты —
Бабка, дед и внуков целый рой.

Прочен дом — стоит как в землю врытый
Во дворе амбар под стать избе.
Ворота по-русски тесом крыты,
В кружевной затейливой резьбе.

А давно ли вовсе не такую
Жизнь была у дядюшки Илле,
Схожая с избушкою курною,
Где семья ютилась в полумгле.

Та лачужка в садике плодовом,
Что вплотную подступил к реке,
С завистью глядит на дом кондовый,
Скромно притулившись в уголке.

Словно чем-то белым облитые,
Яблоньки вокруг нее цветут,
Отцветают вишни молодые,
А под ними улы там и тут.

В садике теперь Хеведер старый
Будет пропадать по целым дням.
Вот и сам он. Вышел из амбара,
Не спеша побрел к своим роям.

Ласточки Хеведера тревожат:
«Шустрые... переведут мне пчел...
Говорил ведь сыну, что негоже
Их пускать. И что он в них нашел?

Это, мол, краса и гордость дома,
И без них жилье, мол,— не жилье...
Кошку, что ль, привадить от знакомых?
Нет уж, дудки... к лешему ее...»

Вспомнил дед, как осенью котище
Съел, негодный, пару голубков.
«Белые... белее и не сыщешь...»
Кот сожрал их да и был таков.

«Голуби... Нет, не к добру все это...»
Дед трясет седою головой.
У него на все своя примета,
Взгляд на вещи и обычай — свой.

В войлочной широкополой шляпе
Схож Хеведер старый с чабаном.
Тут еще Қамбур на задних лапах
Радуется, просит ли о чем...

Верный пес хозяина из тыщи
Отличит, а трубку и кисет
Хоть за три версты ему отыщет.
Впрочем, их в саду теряет дед.

Он присел на лавку у избушки.
В ней теперь омшаник и... музей.
За рекой ведут свой счет кукушки.
Он ничуть не трогает друзей.

Сколько в них тепла и пониманья!
Поглядишь и навсегда решишь,
Что Камбур — разумное созданье
И притом — отзывчивой души.

«Что, Камбур, ты тоже рад погреться?
Зажились, брат, оба мы с тобой...
Только на Эндри бы наглядеться...
Славный должен быть солдат... герой...»

Не был тут Кервень четыре года.
Как бы речи не забыл родной...
Натали... Ее бы замуж отдал,
В пору бы тогда и на покой...»

*

Натали!.. Мне самому придется
Рассказать о ней, ведь невдомек
Старику, что внучка в город рвется,
Спит и видит вузовский порог.

Но заветной думушки девичьей
Натали не выдает своей.
Ни при чем тут дедовский обычай —
Дело тут и проще и сложнее.

Девушка, едва окончив школу,
Заменила по хозяйству мать.
Случай частый, хоть и невеселый —
Захворала та — ни сесть, ни встать.

Бабка Сабани ждала, что внучка
Не отвергнет помощи ее;
«Девочка училась, белоручка,
Ей ли печь, варить, стирать белье?..»

Но ошиблась: «белоручка» эта
В трудный час и развернулась вдруг.
Так взялась за дело, что с рассвета
Дотемна кипело все вокруг.

Осенью как раз Эндри призвали,
В доме все свалилось на нее,
И, куда б мечты ни увлекали,
Жизнь твердила девушке свое.

Как самой свою судьбу решить ей,
Как сомненья все перебороть?
Герман?.. Он теперь не сельский житель,
Он давно — отрезанный ломоть.

Вместе с братом Натали и друга
Проводить пришлось в далекий край.
Замела следы их в поле вьюга,
Но подругу не забыл Сумбай.

С Педером в одном училась классе
Наша непоседа Натали,
И ничто на свете не погасит
Огонька, что дружбы дни зажгли.

Срок уж близок. Педер возвратится
Вместе с братом осенью в село.
Вот, должно быть, парень изумится.
Время-то не даром ведь прошло.

Натали теперь послушен трактор,
И комбайн она уже вела;
Наше время любит цифры, факты,
Мало ему слов — нужны дела...

Преуспела кое в чем, но что бы
Здесь ни затевала Натали,
Все ж от мысли о большой учебе
Сотни дел ее не отвлекли.

У нее пример перед глазами,—
Не мечта, пустая, не обман:
Прибыла на лето из Казани
Одноклассница ее Турхан.

Говорят в деревне, что Тамара
Возвратилась чуть ли не врачом.
И молва торопится недаром:
Учится Тамара горячо.

Не распалась дружба одноклассниц,
Даже крепче стала в эти дни,
И могли б напомнить соучастниц
Заговора школьного они.

Натали зовет подруга в город:
«Мать твоя здорова — медлить грех.
Мы уже врачами станем скоро,
Разве Аптраманы хуже всех?»...

Письмо отца

Эндри, сынок родимый мой,
Мы все: твой дед, отец, и мать,
И братья с младшею сестрой —
Тебя готовились встречать.

Но обернулось все не так —
Не время ставить пироги.
Как стая бешеных собак,
На нас набросились враги.

Эндри, средь этой кутерьмы,
Смотри не потеряй лица.
Ты — Аптраман, сынок, а мы
В бою стояли до конца.

С медалью прадеда ты сам,
Как был мальчишкой, шалил.
Хоть и стоит на ней «не нам»,
А все же он ее носил...

И дед твой старый, в свой черед,
Солдатской чести не ронял,
И сам я трудовой народ
От недругов оборонял.

В германскую войну окоп
Держал до раны штыковой,
В гражданскую брал Перекоп
Лихой атакой лобовой.

Я не забыл немецкий плен,
Гнилую брюкву да морковь...
Там, видно, мало перемен:
Все так же лить готовы кровь.

Сынок, наказ тебе даю:
За честь отчизны твердо стой,
Народ родной, семью свою
Врагу не выдай головой!

Семья тебе поклоны шлет,
И свой особенный привет
Через меня передает
Наш старший Аптраман — твой дед.

Благословляет азанне
Тебя, сынок, а с нею — мать.
Приходится частенько мне
Им весточки твои читать.

Но ты бы новые прислал...
Живем мы дружно... Вот Кервень
Раз написал и замолчал.
Ждут все тут писем каждый день.

Тебя жалеют на селе:
Мол, не успел и побывать
В деревне средний сын Илле,
А больше всех горюет мать.

Сосед Микень который раз
У нас справлялся о тебе.
Вот, мол, и есть уже у вас
Опора в поле и в избе.

«Дал,— говорит,— вам бог сына!
Хоть двадцать третий год идет,
А по уму за старика
Седобородого сойдет...»

Тебе просил писать привет
И пчеловод наш Яганат.
Не позабудь ему в ответ
Прислать поклон. Вот будет рад!

Ведь за старейшего сейчас
Он среди всех односельчан.
Писал тебе я, что угас,
Как свечка, древний Эльдиван.

Но есть охрана у ворот,
Что Эльдиван оберегал.
К нам ночью недруг не зайдет,
А коль зайдет, пиши — пропал.

Здесь в ополчение старики —
Народ бывалый, боевой.
Все следопыты и стрелки,
Годится в снайперы любой...

Так поскорей ответь, а мы
О вас тут помним, дорогой.
Теперь недолго до зимы,
А там уж разговор другой...

Наподдадите немчуре...
Уж так ведется искони,
Что коль морозец на дворе,
Так не бойцы, сынок, они.

Германец слаб на этот счет.
Не поддавайтесь вы пока,
А как морозец проберет,
Покрепче бейте под бока...

Вот так-то... Письма направляй
Мне лично. Это не пустяк:
Глава всего колхоза, знай,
Отец твой нынче как-никак...

А главное — не трусь в бою,
Но и под пулю зря не лезь.
Не забывай про мать свою,
Про всех, кто ожидает здесь...

Да, вот еще, сынок! Наш дед,—
Сам стар, а память, знать, крепка,—
Тебе напомнить дал совет
Про доблестного земляка.

Пусть, мол, с Чапаева берет
Пример мой славный внук Эндри...
«Чтоб был во всем таким, как тот...»
Поди вот, с ним поговори...

Кончаю. Бейся же, как лев,
Как глаз, храни ты честь свою,
Пускай святой народный гнев
Тебя ведет в любом бою!

Прощай! На подвиги тебя
Благословляю я, любя!

Эндри в госпитале

Аптраман в бою жестоком
Тяжко ранен был,
Завезли его далеко:
В глушь, в глубокий тыл.

Завезли его лечиться
В бор, где полутьма,
Жизнь теперь, как говорится,
Тишина сама.

Сосны медны, духовиты,
Лапы их ветвей
Иглы сеют, как сквозь сито,
На узлы корней.

Особняк. Дымок курится.
Сказка. Тишина.
Только тенькают синицы
Да стучит желна.

Аптраман стал поправляться,
Душу лечит бор.
Отчего б не прогуляться?
Вышел в коридор.

Мимо зеркала проходит,
Запахнул халат.
Посмотрел: «И я бы вроде,
И не я, а брат...»

Показалось, что ль, вначале —
Что за волшебство? —
Будто в зеркале, печален,
Старший брат его.

Щеки с впадинами, шрамы,
Волос побелел...
Он, себе не веря, в раму
Снова поглядел.

Не какой-нибудь осыпал
Порошок зубной.
И не просто иней выпал —
Веет сединой.

Верно, друг... А прожил мало,
Только двадцать три,
Вот и юности не стало,
Дорогой Эндри.

Юность, юность! Ты виденьем
Меж берез прошла,
Отмелькала птицей, тенью,
Речкой проплыла.

Жизнь манила, хорошея,
Только — в прах мечта.
Над бровями, как траншея,
Глубока черта.

Старше лет своих намного
Кажешься ты, брат.
Вдаль зовет тебя дорога,
Ты на ней — солдат!

Может, это испытанье
Первое, как знать.
А потяжелей страданье
Ты готов принять?

Будешь ты еще в походе,
Ждут тебя друзья...
Нынче грустно? Все проходит
В буре бытия.

Вот ты вышел на террасу,
Молча в кресло сел.
Я таким тебя ни разу
Не видал досель.

В жизни всякое бывает.
Говорю к тому:
Ты — орел. Орел летает,
Падать не ему.

Нрав капризен человеческий;
Хлынет грусть волной —
Откреститься даже нечем
От нее порой...

На террасу иглы хвои
Падают легко.
Мысли моего героя
Где-то далеко.

Меж ветвей дрожащих просинь,
Облачко скользит.
Может быть, и в сердце осень
В этот час царит?

Журавли над лесом тянут,
Тяжело смотреть.
Что же делать Аптраману,
Плакать или петь?

Отвернув полу халата,
Он полез в карман;
Вынул свой блокнот помятый,
Пишет Аптраман:

«...Кареглазая подруга,
Свет души моей!
Вспоминаешь ли ты друга
В сутолоке дней?

Как с мечтою все несхоже...
Все из боя в бой...
Кто вернет нам юность, кто же?
Встретимся ль с тобой?

До невзгод, до потрясений,
Не встречая зла,
Наша молодость — весенней
Ласточкой была.

Что таить — не вылетали
Мы из гнезд тогда,
Пели песни и мечтали
Строить города.

В одночасье гнезда наши
Сбила сила тьмы,
И нашли свое бесстрашье
В испытаньях мы.

Разлученные боями,
Мы живем поврозь.
Тучи в молниях над нами
Пролетают вкось.

Был зловец огонь летучий,
Брошено жильё,
Сердцу больно — черной тучей
Вьется воронье.

Пусть гремят сильней орудья,
Раздается гром.
Верю: мы придем как судьи,
Победив, придем.

Знаю: враг наш прахом станет,
Будет мир опять.
«Пусть сильнее буря грянет!» —
Хочется сказать».

Прошу считать коммунистом

1

На столе продолговатом
Под большим стеклом квадратным
Зелень свежая сукна,
Как сквозь слой воды, видна.
На столе лежат газеты,
Сводки, книги, календарь...
Медленно по кабинету
Ходит, ходит секретарь.
Будто лучики, морщинки
Возле глаз, изрядно сед,
На щеках кой-где рябинки —
Черной оспы давний след.
А глаза чуть покраснели, —
Может, он всю ночь не спал,
Может, людям в важном деле
От души он помогал...

И глубокая в райкоме
Водворилась тишина,
Кажется, в огромном доме
Машинистка лишь одна.
За окном бушует лето,
Солнце в небе, как янтарь.
Медленно по кабинету
Ходит, ходит секретарь:
Подойдет к столу — запишет,
Вновь, задумавшись, пойдет.
Шаг его почти не слышен,
Время движется вперед.

Вот он вновь остановился,
Над листком опять склонился,
Покрутил слегка усы,
Взгляд вдруг бросил на часы.
Позвонил. Строга, смугла,
Тотчас девушка вошла.
Он спросил: «Никто не ждет?
Есть? Отлично. Пусть войдет».

Человек, смутясь немного,
Задержался у порога.
Он, исполненный волненья,
Двадцати примерно лет,
С радостным благоговеньем
Получает партбилет.

Кто он? В самом деле, кто же?
А не все ль равно. Быть может,
Это ты, читатель мой.
Партбилет в карман положен.
Сам ты стал, пожалуй, строже,
Возвращаешься домой.

Ты, как небо голубое,
Сердцем чист, перед тобою
В жизнь открыт просторный путь.
Ты идешь в тени акаций
И не можешь удержаться,
Чтоб еще раз не взглянуть...

Радуешься, как мальчишка,
Горд, в глазах мерцает свет;
Эту маленькую книжку
Достаешь... «Мой партбилет!»

Пролетят, промчатся годы,
Ты, глядишь, пойдешь на отдых,
Вероятно, станешь сед,
Но и через много лет
Будешь помнить день вручения,
Поздравленье и волненье,
В тихом доме кабинет.

*

Но не всем так доводилось
В нашу партию вступать.
Валом смертным накатилась
На Россию вражья рать...

Впереди овраг покатый,
Позади лощина, лог,
В том логу в траве косматой
Притаился ручеек.
Между ними взгорья гребень,
Млечный Путь над взгорьем в небе.
И на самом на бугре
Как-то ночью, на заре,
Затаясь, ребята наши,
Длинный выдержав поход,
Прямо с хода, прямо с марша
Взяли землю в оборот.
И отрыли здесь окопы
Для короткого житья.
Тишина, лишь слышен ропот
В ложе каменном ручья.

Окопался взвод солдат,
Все посты вперед глядят,
Все направлено вперед —
Оборону держит взвод.

Справа, слева тоже взводы,
Роты, целые полки...
Ясно. Выдалась погода.
Звезды яркие, высоки.
Начеку всегда стрелки!
Сзади, в роще, пункт командный.
Подполковник рослый складный
Смотрит карту, наклонясь,
Разбирает знаков вязь;
Крестиком отметил ту
Занятую высоту,
Где посты глядят вперед,
Где не спит в дозоре взвод;
Стрелкой красной карандаш
Намечает натиск наш...

А в окопах тех, на взгорке,
У солдат — и двор и дом,
Пахнет хлебом и махоркой,
Жизнь — нормальным чередом.
Пули свищут, в дрожь кидая.
Пулемет в ответ строчит,
Иногда снарядов стая
В гости к недругу летит...

И, представьте, как в отместку
За удачный артналет,
Заревет ишак немецкий —
Шестиствольный миномет.

И над нашею горою,
Прорезая небосклон,
«Фокке-вульф» жужжит порою
(Нами прозван «бороною»),
Как комар, назойлив он.

Так и щупаем друг друга
В ясный день и при луне,—
И подчас бывает туго
Той и этой стороне.
То ведем разведку боем,
То огонь «катюш» устроим,
То охотиться идем
За немецким «языком».
Фронт — из грома и огня,
Без конца страда одна —
Нет ни ночи, нет ни дня,
Нет ни отдыха, ни сна,
Ни зимой, ни по весне,
На войне как на войне.

Поле боя — поле горя,
Кровью блещешь — не росой,
Ты от Баренцева моря
До бурунов Черноморья —
Огневою полосой.
И на этом протяженье,—
Прямо с севера на юг,—
Все в движенье, в напряженье...
Знай, читатель, старый друг,
Здесь в земле по грудь пехота —
Становой хребет фронтов;
Загляни в любую роту,—
Я на спор идти готов,—
Повстречаешь непременно
Ты солдата-чуваша.
Он, наш труженик отменный,
С точки зрения военной —
Та же русская душа;
На пиру не обносили,
Любит выпить парень-кряж...

На сто человек в России,—
Как ни кинь,— один чуваш.
Вот такой один и здесь
На холме в окопах есть.
Кто же он? Простой солдат.
Познакомить буду рад.

Он стоит, куря махорку,
Он в зеленой гимнастерке,
Правда, выцвела она,
На подоле два пятна —
Замарал ружейным маслом.
А пилотка — набекрень,
Светит звездочкою ясной.
Под бровями свет и тень,
А глаза черны, как уголь;
На ремне, как на подпруге,
Сумка с дисками, гранаты,
Над плечом ствол автомата.
Он соседа из кисета
Угощает: «Закури!»
Узнаете? Нет? Да это —
Аптрамана сын, Эндри.

*

Наступленье! Весть об этом
Просочилась в каждый взвод.

Отцвело, отпело лето,
Ветер дует — пыль метет.
Под луной, под звездной крышей
Часовой глядит вперед,

Он напрягся, что-то слышит,
Кто-то, кажется, ползет...
Может, немец? Немец, видно...
Не видать во мгле. Обидно!
И боец открыл затвор:
«У меня суд будет скор!»
Он подумал: «Пуля — доля».
Озадачен. «Вот так враг!»
Мимо перекаати-поле
Колесом летит в овраг...
Никому почти не спится
Перед боем в эту ночь.
Ночь неделей целой длится,
Сердцу грустно — не помочь.
Группами сидят солдаты
(Меж коленей автоматы),
Курят, тяжким дымом дышат,
Думы думают — и пишут...
Каждый положил листок —
Кто на кирзу голенища,
Кто на диск, а кто на днище,
Опрокинув котелок.

Наш Эндри склонился низко.
Из тетради лист — на диске,
В гильзу вставлен карандаш.
Басов спрашивает: «Слышишь,
Ты, Эндри, чернильным пишешь?» —
«Да». — «Пиши, потом мне дашь...»
Написал он кратко, кстати,
Словно зрел всю жизнь тот план:
«Коль умру в бою — считайте
Коммунистом.

А п т р а м а н».

Человеку жизнь одна
На весь век его дана.
Сколько бы ни шла война,
Все же кончится она.
Здесь окоп трава заглушит,
Ласточки-береговуши
В норах выведут птенцов.
Мы вернемся в край отцов,
Где девчата в рощу ходят,
Хоровод весною водят.
В бусах, в лентах и шелках;
Мы войдем в дома под крыши,
Где в бочонках брага дышит,
Ходит, пенится в ковшах.
Брось, голубчик, не хандри,
Поживем еще, Эндри!
Надо дело делать чисто,
Лучше жить, чем умереть,
Чтоб навек орду фашистов
Нам с лица земли стереть.

2

Пробил час. Светало. Плыло
Тихо облачко вдали,
Будто на краю земли...
Вдруг за лесом что-то взвыло,
Потрясающая сила
В небо брызнула огнем.
Гром! Гром! Гром!
Басов молвил: «Вон «катюша»
Заиграла... Началось!

Знаешь что, Эндри, послушай,
Как бы нынче не пришлось
Нам друг с другом распроститься
И расстаться навсегда...»

В небе огненные птицы
Из железного гнезда
Вылетают, прилетают,
Над окопами гудят;
В стан врага их провожает
Аптрамана зоркий взгляд.

«О судьбе сам бог не знает...—
Про себя подумал он.—
Смерть, она не выбирает,
Бац — и выпал вечный сон».

И добавил вслух: «Да что ты,
Виктор, друг,— ни в рай, ни в ад
Нас не примут из пехоты,
Нас, отъявленных солдат».

Аптраман свернул сигарку,
Курит, держит в рукаве.
«Смерть иль нет?.. А будет жарко...» —
Мысль мелькает в голове.

В небе наши самолеты,
Непрерывно пушки бьют,
Следом бьют и минометы,
Взрывы, взрывы — там и тут.

Мчатся танки. Как в воротах,
На заре они видны.
Вот сейчас пойдет пехота —
Сила главная войны.

Перед ней, живой лавиной,
Распадается металл,
Без пехоты ни единый
Генерал не побеждал.

Здравствуй, русская пехота!
Вот поднялся первый взвод,
Вот встает за ротой рота,
Полк, дивизия встает...

«Аптраман и Басов, братцы,—
Отделенный им сказал,—
Надо к танку подобраться,
И оттуда... Зря не рваться,
Ждать, когда дадут сигнал.

Будем брать вон ту траншею,
Дот, где немец, как паук.
Я пойду ложком, левее,
Справа — наш Понамарчук
И другие... Ясно?» — «Ясно».
«Нет вопросов? Ну, прекрасно».

*

В поле танк КВ подбитый,
И к нему среди быльи
В борозде, что как корыто, —
Вдоль межи ползут друзья;
Прижимаются плотнее
К лону матушки-земли,
Так оно в бою вернее,
Чтобы пули не нашли.

Что еще желать солдату?
Всюду комья, травы смяты,
Напрочь вырванные корни —
То полынь, то лебеда.
Нет, не хлебопашца кони —
Здесь идет война-беда.
Аптраман ползет, вздыхает,
Жизнь солдата нелегка,
Дух полынный он вдыхает —
И полынь напоминает
Вкус парного молока.

Он ползет. В носу щекочет,
Пыль едка, что твой табак;
Он чихнуть, представьте, хочет,
А чихнуть нельзя никак.

А с боков полно воронок,
Глубже есть и мельче есть,
Среди трав, огнем спаленных,
Столько их, что и не счесть.

Ведь все лето поле это
Артогонь хлестал и рвал.
Вдруг в зенит взвилась ракета...
«Басов!» — «Что?» — «Уже сигнал...»

И тотчас «ур-ра-а!» взлетело
И над ширью полевой
Покатилось, загремело,
Будто вихрь над головой.

Два ровесника, два друга —
Оба сразу поднялись,
И — вперед... Дрожит округа,
В молниях зловещих высь.

И они бегут, ложатся,
Поднимаются опять,
И стреляют, чтоб подняться,
Вновь ложатся, чтоб стрелять.

Аптраман в воронку — камнем.
Разрывается фугас.
Где же Басов? Дым кусками...
Скрылся друг сердечный с глаз.

Пуль, осколков ливень встречный..
Трудно голову поднять,
А поднимешь — так навечно
Здесь останешься лежать.

Но есть долг, есть повеленье
Сердца, ненависть, как бог;
Улучил боец мгновенье —
Сделал в сторону прыжок.

И — вперед — ползком и катом...
К загражденью подбежал,
Яростно метнул гранату,
Очередь по немцам дал...

И на проволоку бросил
Плащ-палатку, сам — по ней.
Враг, того гляди, подкосит,
Аптраман быстрее, быстрее!

Он в траншею прыгнул сразу,
Сердце яростно стучит.
«Хенде хох!» — услышал фразу;
Кто же это там кричит?

Знать, боец впросак попался,
Справа — там фашистский дот;
Аптраман не растерялся —
Побежал на окрик тот.

А траншея уже, уже,
Аптраман, едва дыша,
Увидал: навел оружие
Басов, дерзкая душа.

Дуло светится стальное,
Луч рассвета на щеке...
Враг стоит к Эндри спиною,
Враг с гранатой в руке.

Аптраман подкрался сзади,
За руку с гранатой — хватъ.
«Ты еще не «хох», приятель?!
Сколько можно повторять?»

*

Басов рад. «Дружище — кстати.
Мне живьем хотелось взять.
Хорошо, что ты к гранате
Сразу... Немец — тот, видать».

Обыскали быстро немца,
Из карманов извлекли
Зажигалку в виде сердца,
Письма, русские рубли
Да гармонику губную,
Да открытку площадную,
На которой дева-фея —
В чем мамаша родила...
Право, видно по трофеям,
Из какого он числа.

Перебрали все вещицы,
Обомлев от одного —
Треугольники с петлицы
На бумажнике его.

Басов вздрогнул, охватило
Душу жутким холодком.
«Старшину, должно, убил он...
Чтоб похвастаться потом...»

Людоеды лишь могли так,
Состязаясь в похвальбе,
Из зубов людей убитых
Бусы мастерить себе.

Между тем привел другого
К ним Понамарчук. «Друзья,
Он твердит одно лишь слово —
«Тельман». Тот кивает: «Ja».

Аптраман не понимает.
«Кто ты? Т е л ь м а н — что? Девиз?»
«Тельман, Тельман! — повторяет
Пленный немец. — Коммунизм!»

Он сапог с ноги снимает,
Из-под стельки достает
Партбилет — и раскрывает,
Улыбаясь, подает.

Басов смотрит. «Да, похожий...
Он на карточке моложе.
Ловко спрятал, парень знал...»
Немец рад, заметно ожил.
«Их геноссе»¹, — он сказал.

¹ Я товарищ (нем.).

И отметил Басов: «Рад он.
Слышь, Эндри, хоть немец мил —
Разберутся там, где надо,
Отведи обоих в тыл».

По земле родной советской
Зашагал товарищ наш,
Конвоирует немецких
Двух солдат один чуваш.
Весел взгляд у конвоира:
В одинаковых мундирах —
Две души, два разных мира.

Прощание

Теперь довольно! Позади ты,
Труд полюбившийся, родной.
Я вспомнил столбик, спешно врытый
На свежей насыпи одной.

Такие ставят после боя —
С короткой надписью на них,
Чтоб позже кто-нибудь героям
Там вечный памятник воздвиг.

Написанные мною главы,
Такой же вехой станьте вы.
Мне большего не надо, право,
Не кружит слава головы.

В землянке у лесной протоки,
В степи и посреди болот
Идущие от сердца строки
Спешил я занести в блокнот.

Над Волгой небо заалело,
Протяжно прокричал петух,
И я, к концу подвинув дело,
Перевожу покамест дух.

Да, скоро я поставлю точку.
Утомлены глаза, спина.
Рука, что дописала строчку,
Почти до боли сведена.

Но это — сладкая усталость,
Целебная, сказал бы я.
Хочу, чтоб чаще мне случалось
Ее испытывать, друзья!

Есть нечто схожее в природе.
Перед грозою — тишь, покой...
Со мною что-то в этом роде:
Едва-едва вожу рукой.

Порою и строки не можешь
Переписать с черновика
И говоришь себе: «Ты что же?
На печку рано, брат, пока».

Оцепененье сходит, к счастью.
Вдруг за теплом душевных слов
Друзей почувствуешь участие —
И снова петь для них готов.

Целитель есть у нас — природа.
Вот он, живительный бальзам!
На нем держался год от года,
Того не замечая сам.

Распахиваешь настежь двери,
И вот к тебе через порог,
Внося листву и птичьи перья,
Влетает волжский ветерок.

И слышишь ты касаток щебет
И гоготание гусей.
Орлан-волжаннин в чистом небе
Парит во всей красе своей.

И чувствуешь: не стар еще ты...
Джамбула вспомнив старика,
Поймешь: в запасе для работы
Лет пятьдесят наверняка.

И наши Аптраманы живы,
Их горе не сломило, нет.
Вновь будет встреча — в час счастливый,
А это — книга трудных лет.

Люблю, признаться, я простую
И дружную семью Илле.
Всегда их сторону приму я,
Что б ни случилось на селе.

В их дом, что ласточкины гнезда
Под крепкой крышей приютил,
Приду я, рано или поздно,—
С годами мне он больше мил.

Они простят мое пристрастье
Вникать в любые их дела.
Я от души желаю счастья
Семье, где Натали росла!..

За Волгой в маленькой избушке
Пишу я за строкой строку.
Уже бездомные кукушки
Твердят в бору свое «ку-ку».

В окно открытое я вижу
От сна встающий Шубашкар.
Он на заре как будто ближе...
Спешат подводы на базар.

Вон к перевозу заволжане
Ведут коней, взяв под уздцы,
И понукают их вожжами
С телег нагруженных мальцы.

С лукошками да с коробами,
С кошелкой, с кадочкой, с ведром —
Кто с ягодами, кто с грибами —
Шагают бабы на паром.

А в городе с хвостами пыли,—
Глядеть отсюда — золотой,—
Уже снуют автомобили.
День начат — мирный, трудовой.

Две мачты радио видны мне.
Они, как два столба ворот,
Раскрытых в мир; а там — за ними —
Друзья, родные, весь народ...

Пора мне в путь! Уже довольно
Бередить боль подживших ран.
Гудит над Волгой ветер вольный,
Бушует жизнь, как океан.

А тут ни зимушки, ни лета
Не разглядев, проводишь год.
Покинута семья поэта —
Весь день стихам он отдает.

Жена, бывает, среди ночи
Вдруг спросит: «Что, олять корпишь?»
Опять из-за десятка строчек
Ты до рассвета просидишь?..»

Не скажешь ей, боясь конфуза,
Что всех ревнивиц на земле
Ревнивее и строже муза,
И... гаснет лампа на столе...

Не упрекай меня, родная,
И огорчений не таи.
Всем сердцем я благословляю
Заботы верные твои.

Я благодарен за терпенье
Тебе, мать сына моего.
Пойми и ты мое стремленье,
Пойми и укрепи его!

Писал о тех я, кто душою,
Как ты сама, и прям и чист;
Писал с тревогою большою,
И выстрадан тут каждый лист.

Ты спишь спокойно. Нет причины
Для треволнений. Но пора:
Вставай и разбуди-ка сына,
Поздравьте вы меня с утра.

Пойдем, Атнер! Отец закончил
Свой труд — уплачен долг один.
Да что тебе! Ты смейся звонче,
Беги быстрее к реке, мой сын!

И, взявшись за руки, гуськом мы
Сбегаем по тропинке вниз.
Росой обрызганные поймы.
Кусты. Песок промыт, зернист.

Простор. Раздолье. Здравствуй, Волга!
Вернешь ли силу мне сполна?..
Ныряю, плаваю я долго.
Меня баюкает волна.

*

В последний раз из дальней дали
На дни минувшие взгляну.
Сдается мне, иными стали
Мои герои за войну.

Одною думой озабочен,
Как ты, как я, как весь народ,
С той памятной июньской ночи
Переменился старый род.

Огнем война запылала.
Я стал о ней писать тогда,
Но не коснулась поначалу
Меня солдатская страда.

Солдатской каши не отведав
Из фронтового котелка,
Не знал я тяжести победы,
И мимо цели шла строка.

Потом пришлось мне покороче
Спознаться с долею бойца,—
И потянулись дни и ночи
В походах, в схватках без конца.

Мы под напором устояли,
И отдал враг за пядью пядь
Все то, что он успел вначале
С налета хитростью забрать.

Тогда-то и хлебнул я лиха,
Но стал острее карандаш,
И я узнал, какой он «тихий» —
Идущий на врага чуваш.

И для меня (как мой Самаев,
Гордясь за земляка, сказал)
Народ родной, в боях мужая,
Весь родом Аптраманов стал.

От Сталинграда до Берлина
(Могу сказать я как солдат)
Не сдал, не дрогнул ни единый,
Никто не посмотрел назад.

Ты, что к земле со мною рядом
В мороз жестокий примерзал;
И ты, с кого катился градом
В жарницу пот, слепя глаза;

Ты, стиснувший от гнева зубы,
Враставший в землю в час ночной,
Ты, с кем я к общей фляжке губы
Прикладывал в палящий зной,—

Где все вы ныне, братья, сестры,
Товарищи мои? Кто пал,
Сраженный в схватке сталью острой?
Кого тот жребий миновал?

И чем вы заняты сегодня
И как живете, земляки?
Я каждого б, как брата, обнял,
Друг другу вечно мы близки!

Я помню, как я возвратился
В послевоенный Шубашкар.
Как раз в ту пору здесь открылся
Литературный семинар.

Собратья по перу, поэты,
Прозаики — все молодняк,
Собрались, только что полсвета
Пройдя в огне, в дыму атак.

Им, рубежи с налета бравшим,
Освобождавшим города,
И сад литературы нашей
Казался крепостью тогда...

Вот парень в гимнастерке, с пылом
Стихами за сердце берет,
Звенит строка литою силой:
«Род Аптраманов — весь народ!»

Что скажешь, книгу закрывая,
Читатель незнакомый, ты?
Тебе я отдал, доверяя,
Все чувства, мысли и мечты.

Друзьям, что шлют мне письма ныне,
И тем, кто в спор вступил со мной,
Прервав читать на середине,
Я шлю привет сердечный мой.

Пусть пробудил не все я струны,
А все ж строка в душе поет,
Что произнес собрат мой юный:
«Род Аптраманов — весь народ!»

Смущен я был, признаться надо,
Словами этими тогда.
Подумав, принял как награду,
И мне теперь не жаль труда.

1941—1954

Содержание

Г. Кузнецова. Непреходящие ценности и поиски нового	3
Я живу в России. Перевод М. Рудермана	13
Дуб над Волгой. Перевод автора	14

Стихотворения

«Кольцо с одним глазком жемчужным...» Перевод А. Казакова	17
«Ласточка легко взмывает ввысь...» Перевод А. Ка- закова	18
«В тени ветлы на пойме...» Перевод А. Казакова	19
«Еще вчерашний день был пестрым...» Перевод А. Казакова	21
«Румяно, как пиге, спустилось солнце...» Перевод А. Казакова	23
Век. Перевод автора	24
«Перед зорькой светлеет окрест...» Перевод А. Ка- закова	26
Чувашская вышивка. Перевод А. Казакова	27
«Гола осина...» Перевод А. Казакова	29
«В те дни, как талая вода...» Перевод А. Казакова	30
«В звезду судьбы давно не веря...» Перевод М. Шехтера	31

«Мир красочен...» <i>Перевод А. Казакова</i>	32
«От души свой край благодарю...» <i>Перевод А. Казакова</i>	34
«Вновь тебя напомнила луна...» <i>Перевод А. Казакова</i>	36
«Взор не опускай передо мною...» <i>Перевод А. Казакова</i>	38
«Любимый друг мой! В языке моих отцов...» <i>Перевод А. Казакова</i>	40
Татарским поэтам. <i>Перевод автора</i>	41
«Ял прославленный твой — Кушки...» <i>Перевод А. Казакова</i>	43
«Лес облетел...» <i>Перевод А. Казакова</i>	45
«Узнал я: мне душа-вещун сказала...» <i>Перевод А. Казакова</i>	46
«Достаточно пожив...» <i>Перевод А. Казакова</i>	47
«В этот миг о тебе мои мысли...» <i>Перевод А. Казакова</i>	49
Мустафе. <i>Перевод А. Казакова</i>	50
«Тополь рассеял пушинки...» <i>Перевод А. Казакова</i>	52
Коктебель. <i>Перевод А. Казакова</i>	53
Сеспель в Евпатории. <i>Перевод А. Казакова</i>	55
Во время работы над переводом. <i>Перевод А. Казакова</i>	59
Коль любишь, я повеселею... <i>Перевод А. Казакова</i>	61
Дороги. <i>Перевод А. Казакова</i>	63
Из цикла «Песни Тилли». <i>Перевод А. Казакова</i>	
«Что разумеют, говоря «мегель»...»	65
«Росли мы дружно, чтя свою родню...»	66
«Забрезжил свет предутренний в окне...»	67
«Мой дед в атласе...»	68
«Четыре дома — в них по милой...»	69
«Я просыпаюсь дома на заре...»	70
«Когда просохнет холмик надо мной...»	71
«Отца с могучим львом сравню...»	72

«У кладбища конь мой встал...»	73
«Немятым беленьким платком...»	74
«Отец мой не казанским был купцом...»	75
«В оглоблях конь мой норовистый...»	75
«Ку-ку! Ку-ку! Звучит в лесу...»	76
«Землю покрывает снег...»	77
«Все пой да пой, вы просите меня...»	77
«Надеясь, что кораллы есть на дне...»	78
«По лугу ручей, журча, бежит...»	79
«Ай-гай, шумит осенний лес, шумит...»	79
«— Тилли, Тилли! — в округе все твердят...»	80
«Сыграть бы мне на скрипке, да боюсь...»	80
«Я в лес помчался на лихом коньке...»	81
«Коль на пчельник забрели...»	81
«Зашел я в караулку, в сени...»	82
«Не развязать ли мне, ребята...»	83
«Мои мечтанья с трубочным дымком...»	84
«Есть птица у меня ручная...»	85
«Барышники, гляжу, коней сбывают...»	87
«Летит косяк гусей над большаком...»	87
«Ай-гай, не стал бы пить...»	88
«Хертсурт, избы хранитель нашей...»	88
«Из корня вишни трубку сделал я...»	89
«Зеркальце имел я небольшое...»	89
«Секрет бессмертия мне не был дан...»	90
«Кудесники мне жизни не продлят...»	91
«У света суть четыре стороны...»	92
«Когда навек глаза закрою...»	92
«Для гроба дуб я распилил на доски...»	93
«Родился я, сжав пальцы в кулаки...»	94
«Природа — я все больше в это верю...»	94
«Меркнет взор. Пришел мой час последний...»	95
Неприступный Ленинград. <i>Перевод автора</i>	96
«Дума моя, дума...» <i>Перевод А. Казакова</i>	98

«Навстречу падающим звездам...» ¹	100
Журавли	102
Разведчик. <i>Перевод В. Потаповой</i>	104
«Мы неделю сна не знаем...» <i>Перевод М. Светлова</i>	105
«Может, месяц, может, больше...» <i>Перевод М. Свет-</i> <i>лова</i>	107
Павло Тычине. <i>Перевод автора</i>	109
Адам Мицкевич. <i>Перевод автора</i>	110
Освободитель	111
«Чу! Гуси-дикари на юг летят...» <i>Перевод А. Ка-</i> <i>закова</i>	112
Из цикла «Письма из госпиталя»	
«За окном палаты...»	113
«Обетов никаких тебе я не даю...»	114
«Дожди, дожди...»	114
«Твой портрет всегда, везде со мной...»	115
«Госпитальный Харитоша...»	116
«Синее небо...»	116
«Война вошла мне в кровь и плоть...»	117
«О нас еще не сложена былина...»	117
Женщине	118
Николаю Тихонову. <i>Перевод автора</i>	120
Из цикла «Черный лебедь». <i>Перевод А. Ка-</i> <i>закова</i>	
«Ты,— пред тобой не скрою я...»	121
«Вечно б в гости мне к тебе ходить...»	121
«Распахнут свадебный кафтан...»	122
«Терзает душу твою ревность...»	122
«Мой Черный лебедь, светлый гений...»	123
«В коричневом знакомом платье...»	124
«Вдали грустит мой Черный лебедь...»	124
«В тревоге за свои мечты...»	125
«Мой Черный лебедь далеко...»	125

¹ Отсутствие фамилии переводчика означает, что стихотворение написано по-русски.

«Нет вечного горя!..»	125
Серенада. <i>Перевод автора</i>	127
Раковина. (Из «Латвийских стихов») <i>Перевод В. Потаповой</i>	128

Из цикла «Сиктерме»

Инча. <i>Перевод А. Казакова</i>	130
От зари до зари. <i>Перевод автора</i>	133
Учительница. <i>Перевод М. Светлова</i>	142
В поле. <i>Перевод А. Казакова</i>	145
Кот. <i>Перевод А. Казакова</i>	146
Метель. <i>Перевод А. Казакова</i>	147
У проруби. <i>Перевод А. Казакова</i>	148
Здравствуй, солнце! <i>Перевод А. Казакова</i>	149
Маме. <i>Перевод А. Казакова</i>	150
Прощание. <i>Перевод А. Казакова</i>	151
Глаз Волги. <i>Перевод В. Потаповой</i>	153
У Мавзолея. <i>Перевод М. Светлова</i>	154
Я — Советской страны гражданин. <i>Перевод автора</i>	156
Мы — россияне. <i>Перевод автора</i>	158
Родной язык. <i>Перевод автора</i>	159
Константину Иванову. <i>Перевод автора</i>	160
Скульптору. <i>Перевод автора</i>	164
Киевским каштанам. <i>Перевод автора</i>	165
У Аркадия Гайдара. <i>Перевод автора</i>	166
Памятная песня. <i>Перевод автора</i>	167
«Поэзия — радость, так пусть она будет...» <i>Перевод М. Шехтера</i>	169
«Давно я с этим городом знаком...» <i>Перевод А. Казакова</i>	171
«У гроба друга молча я стоял...» <i>Перевод А. Казакова</i>	173
Полвека. <i>Перевод А. Казакова</i>	175
«Стучи, работай, дятел-друг...» <i>Перевод автора</i>	178
«Над зеленым озером огни...» <i>Перевод автора</i>	180
«Темнеют волжские излуки...» <i>Перевод автора</i>	181

«Дождь прошел. Стал мягким мох...» <i>Перевод автора</i>	182
«В бору свежо и тихо. Воздух росный...» <i>Перевод автора</i>	183
Чайки. <i>Перевод автора</i>	184
Пушкин. <i>Перевод автора</i>	185
«Тигушь-тигушь!» <i>Перевод автора</i>	186
Амись. <i>Перевод автора</i>	187
Партии. <i>Перевод автора</i>	189
Желуди. <i>Перевод автора</i>	191
«Нет! Никогда не примирюсь...» <i>Перевод автора</i>	192

Из цикла «Вздыбленные волны». *Перевод А. Казакова*

«Перекликаясь в поднебесье...»	193
«Во многих странах подаю я голос...»	194
«Хочу я встретить смерть свою на Волге...»	195
«Строчит мой друг обеими руками...»	196
«Кибек,— в окошко вижу...»	196
«Покоя нынче песни не дают...»	197
«Все пристальней гляжу на оком...»	198
«Покоя не ищу...»	199
«Вздыхает море...»	199
«Ждет путь...»	200
«В руках кормилица-соха...»	201
«Давно я не был здесь...»	202
«Нименé! Нименé!»	203
«От волны со звездой...»	204
«В Доме творчества — твори...»	205
«Да, видать, не стерпел, не сумел удержаться...»	206
«О крылышко мое!...»	207
«Дай, Латвия, в последний раз взглянуть...»	208
«Интернационал». <i>Перевод автора</i>	210

Из цикла «Легендарные дни». *Перевод автора*

Жар-птицей летите!	212
Четыре дня, четыре ночи	213

↳ Мать космонавта	214
Колыбельная Елене	215
Вода. <i>Перевод автора</i>	216
В лесу. <i>Перевод А. Казакова</i>	217
«Опять, опять я одолел недуг...» <i>Перевод А. Казакова</i>	218
Кукушка. <i>Перевод А. Казакова</i>	219
«Стихи мои! Все, что угодно...» <i>Перевод автора</i>	220
Береза Тукая. <i>Перевод автора</i>	221
Были мы, и есть, и будем! <i>Перевод А. Казакова</i> . .	223
«Не исчерпаешь Волгу ковшом...» <i>Перевод А. Казакова</i>	226
Семену Данилову. <i>Перевод автора</i>	227
Вяз. <i>Перевод автора</i>	229
«Я все так же зимою и летом...» <i>Перевод А. Казакова</i>	231
«Оставил сорок позади...» <i>Перевод А. Казакова</i> . .	232
«Иней, иней выпал в ночь...» <i>Перевод А. Казакова</i>	233
«Падает листва...» <i>Перевод А. Казакова</i>	234
«Какой-то римлянин давным-давно...» <i>Перевод А. Казакова</i>	235
✓ «Метель... Болгария! Родная!» <i>Перевод А. Казакова</i>	236

Поэмы

Дом в Горках. <i>Перевод В. Потаповой</i>	239
Моя Россия. <i>Перевод А. Казакова</i>	248
Семья Аптраман.	
Род. <i>Перевод А. Казакова</i>	263
Дом. <i>Перевод А. Казакова</i>	274
Письмо отца. <i>Перевод А. Казакова</i>	280
Эндри в госпитале. <i>Перевод С. Поделкова</i> . .	284
Прошу считать коммунистом. <i>Перевод С. Поделкова</i>	289
Прощание. <i>Перевод А. Казакова</i>	303

- Хузангай Педер.**
X98 Здравствуй, солнце. Избранные стихи. Пер. с чуваш. Сост. А. Хузангая. Вступит. статья Г. Кузнецовой. М., «Худож. лит.», 1976.

318 с.

Известный советский чувашский поэт Педер (Петр Петрович) Хузангай (1907—1970) оставил большое поэтическое наследие, в том числе лирику, лиро-эпические и эпические поэмы, роман в стихах, сказки в стихах и т. д.

Лучшее из этого наследия и представлено в настоящем сборнике его избранной поэзии в переводе на русский язык.

X $\frac{70403-191}{028(01)-76}$ 122-76

С(Чув)2

*Петр Петрович
Хузангай*
ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Редактор

А. Марусич

Художественный редактор

В. Горячев

Технический редактор

Л. Сеницина

Корректор *Г. Володина*

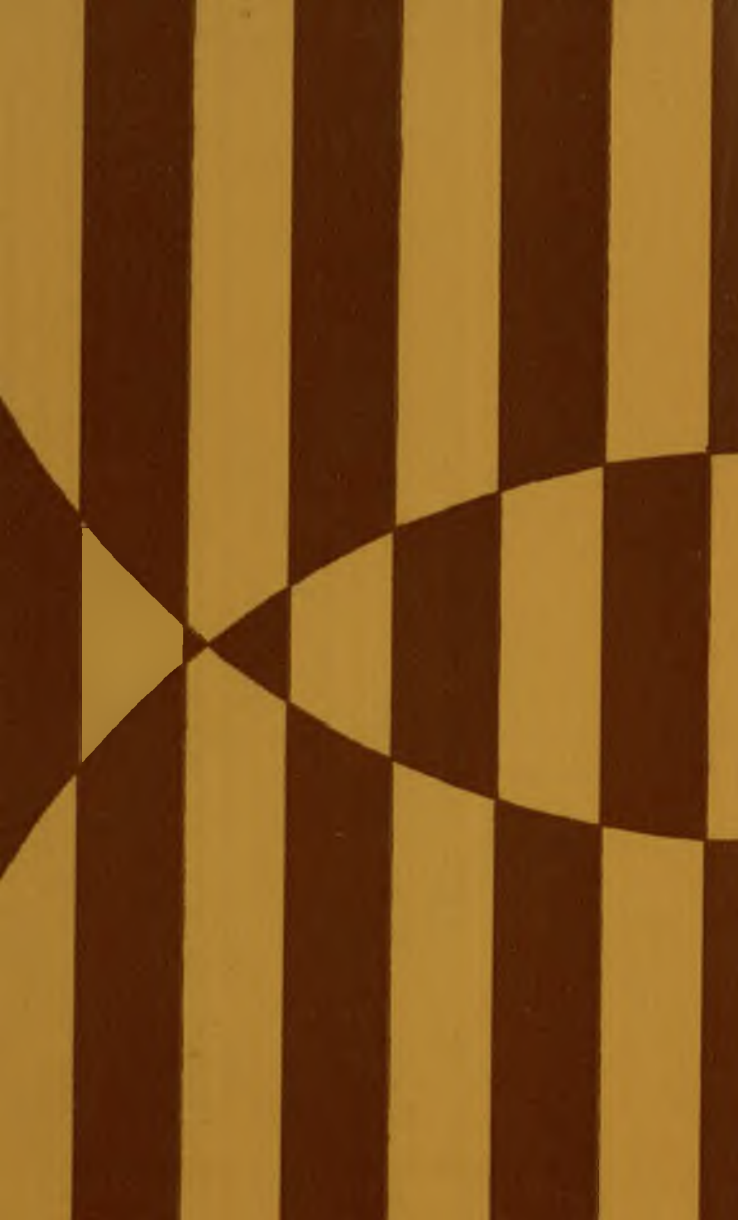
Сдано в набор 1/XII 1975 г. Под-
писано в печать 21/V 1976 г. Бу-
мага типограф. маш.-мелов. 80 г.
Формат 70×90^{1/32}. 10 печ. л. 11,67
усл. печ. л. 9,69 + 1 вкл.=9,72
уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз. За-
каз 954. Цена 1 р. 11 к.

Издательство

«Художественная литература»,
Москва, Б-78. Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика «Жовтень»
республиканского производственного
объединения «Поліграфкнига»
Госкомиздата УССР,
Киев, Артема, 23а.







1908. 11. 10.